

Гай Север
Истории Побережья

ISBN 978-1-4477-2734-7 90000

9 781447 727347

Библиотека
неформатной
фантастики

AETERNA
Toronto, 2016

СЕВЕР Г. М.

Истории Побережья

Сказки для детей
и взрослых

Обложка
Алины Крутливковой

Издание второе,
исправленное

© Север Г. М., 2004—2010

© Крутливкова А. О., 2016

© Aeterna Publishing, 2016

© Lulu Press, 2016

УДК 82-34

ББК 84-445

ISBN 978-1-4477-2734-7

Гай Север

*Истории
Побережья*

Совсем не так, как летом

В долине теперь было совсем не так, как летом. Бина выскочила из машины, подпрыгнула от восторга, прижала кулачки к груди, замерла. Папа с мамой вытаскивали из багажника лыжи и рюкзаки, а Бина стояла на вершине склона и смотрела в сверкающую снежную необыкновенность.

— Ой, мамочка! — зашептала Бина. — Ой, папочка! Как красиво! Как здорово!

Долина убежала на юг между зубастыми кряжами. Снег на Горах разбрасывал яркие искры. Небо было синее и глубокое, но не холодное, жесткое, а бархатное, ласковое. Солнце разливалось по снегу сияющим морем. Горы стояли, спокойные, сонные, и слепили ледяным сверканием. Дышалось так чисто и радостно, так глубоко и сладко, что хотелось визжать и прыгать от счастья.

— Еще как здорово, — сказал папа. Он присел рядом и положил на снег маленькие Бинины лыжи. — Зимой здесь обычно хмуро и пасмурно, ветер, а эта неделя смотри какая погожая.

— И холоднющая! — воскликнула Бина. — Как у меня нос уже щиплется!

— Еще как холоднющая, — сказала мама. — И вести себя нужно совсем по-другому, по-зимнему.

— Совсем не так, как летом, — улыбнулся папа, помогая Бине надеть лыжи.

— Конечно! — глаза Бины сияли ярче, чем снежные Горы и солнце. — Зимой на улице можно замерзнуть насмерть! Особенно тут, в горах. Ночью, наверно, тут все замерзает до звезд! А как же тут звери живут? У них, наверно, тепло в норках?

— Конечно, — папа поднялся и стал закрывать машину. — Они ведь здесь живут — как мы у себя.

— И знают, как строить теплые норки!

— И как себя вести когда холодно, — мама проверила, хорошо ли сидит Бинина шапочка.

— И мы знаем!

— Конечно. Сейчас мы осторожно спустимся, потом осторожно пойдём и доберемся вон до того склона.

— Ой, мамочка! — Бина зажмурилась. — Это ведь ужас как далеко! Мы ведь летом туда целых полдня шли!

— Сейчас будет быстрее, — сказал папа. — Сейчас речка замерзла, мы перейдем ее по льду и пойдём напрямик.

— Как здорово, папочка! А вдруг лед треснет, и мы провалимся?

— Не бойся, не треснет. Речка замерзла сильно, и лед крепкий. И мы пойдём осторожно, и с нами ничего не случится. А если станет опасно, Горы обязательно нам подскажут.

— Мы с ними дружим, — мама поправила Бине шарфик. — И они обязательно нам подскажут, если что-то не так.

— Нам пора, — папа надел рюкзак и взялся за палки. — Сначала нам нужно дойти до тех зарослей. Смотри, какие они сейчас белые и пушистые. А там как раз речка, помнишь? Мы ее перейдем и на том берегу посмотрим как дальше.

Бина еще раз оглядела снежно-синюю блистающую картину и взяла свои палочки. Папа пошел впереди. Бина двинулась вслед, за ней мама.

* * *

Вокруг было просто невероятно. Миллионы искристых зайчиков прыгали по сугробам. Звонкий хрустальный воздух сиял солнечным золотом. Солнце плыло в шелковой дымке над блестящими пиками. Все погрузилось в холодный солнечный сон — огромные камни в сверкающих одеялах, одинокие кустики в пушистых перинках, маленькие рожицы под ледяными покрывалами. Небо отражалось голубоватой прохладой на бледно-золотой сонности Гор. По долине растеклась волшебная солнечная тишина, и только чуть слышно шуршал по сугробам ветер.

Они спустились и бежали вниз, рассекая слепящее море снежного света. По сторонам поднимались полого склоны, потом прыгали вверх, в небесах превращались в ледяные скалы и крошились сверху льдистыми зайчиками. Зайчики катились по снегу, подскакивали на камнях, ссыпались с уступов, бегали по деревьям. Иногда несколько зайчиков встречались на какой-нибудь ветке, и тогда ветка роняла лохматый клубок — он падал мягко и медленно в синем сияющем воздухе и тихо сверкал.

Наконец спустились в то место, где летом пришлось поворачивать и искать, как переправиться через реку. Тогда они долго шли вдоль потока, пока не нашли все-таки пережат, где вода, весело булькая, разбегалась между камнями. (Вымокли, правда, в брызгах насквозь, а папа вообще поскользнулся и угодил в воду по пояс, но это было просто ужас как здорово и интересно.)

А сейчас! Сейчас Бина даже не знала, что думать. Речки — быстрой, холодной, чуть мутноватой (какой должна быть вода, стаявшая с ледников) — речки не было! Теперь здесь стелился ровный пушистый ковер: голубые искорки-золотинки по снегу, тонкие травинки-палочки по берегам, птичьи лапки-следы на корочке наста. И обжигающе свежий, какой-то хрустящий холодный карамельный запах — не надышаться.

— Ой, мамочка! Ой, папочка! — Бина прижала к груди кулачки с лыжными палками. — А где речка? Куда дели речку? Тут летом речка была!

— Никуда, никуда, — успокоил папа с улыбкой. — Я же говорю — речка замерзла. Там внизу она течет себе и течет, как летом.

— И ей там тепло и уютно!

Они перешли замерзшую речку, побежали дальше и очутились наконец у пригорка, куда собирались попасть. Сняв лыжи, устроились у валуна, который с одной стороны скрылся под снегом, а с другой, с солнечной, оброс зеленовато-оранжевым мхом. Бина сняла рукавички и потрогала тепловатый шершавый бок.

— Это же наш самый камень! Какой он тут мягонький! А давайте тут будем обедать! Тут так уютно и все так здорово видно!

Они уселись, прислонившись спиной к уютному камню, и принялись за обед. Бина отхлебывала из кружечки ароматный чай с травами и жевала бутерброд с сыром, вкусный здесь просто ужасно — когда вокруг все так снежно и холодно, так сверкающе и искристо, так льдисто и бесконечно.

Солнце уже покатилося к закату. Ветер утих. Впереди, далеко-далеко, между Гор распластались слоистые дымки — вечеряющие лучи отражались

там и рассеивались под сонными пиками. Было по-прежнему тихо, даже зайчики затаились на кончиках веток и уже, наверно, устроились на ночь.

Когда пообедали, папа собрался наверх, на вершину пригорка, чтобы сделать оттуда фотографию зимней долины (фотографию он задумал давно, еще летом, — она нужна ему для работы). Они обнялись на прощанье, и папа стал подниматься по склону. Бина с мамой долго смотрели, как он осторожно пробирается между пушистыми белыми камнями, — пока в глазах не поплыли жемчужно-сиреневые круги.

— Мамочка, а ведь папа там еще долго будет! — Бина зажмурилась и отвела взгляд от ослепительной яркости. — Можно еще и погулять успеть. Можно я немножко тут погуляю?

— Погуляй, конечно, только не уходи, чтобы я тебя видела.

— Конечно, мамочка, конечно! Я здесь, недалеко совсем, вокруг камня. Просто ужас как интересно — ведь тут сейчас все совсем по-другому, совсем не так, как летом.

Она обошла вокруг камня, потом еще раз обошла вокруг камня. Потом чуть-чуть погуляла на север, потом чуть-чуть погуляла на юг. Папа еще не спускался, и Бина снова чуть-чуть погуляла на север. Потом снова побежала гулять на юг, старательно оглядываясь, чтобы не потеряться в снежной пушистости. (Сколько времени уже прошло! Час, а может быть, два, а может быть, три, а может быть, даже четыре. Какую там уже фотографию можно сделать огромную!)

— Бина! — в звонкой серебряной тишине рассыпался мамин голос. — Бина, стой!

— Да, мамочка! — Бина замерла на тропинке и обернулась. — Что, мамочка?

— Стой на месте и никуда не ходи! Папа, кажется, застрял на том узком проходе. Надо подняться и ему помочь. Я говорила, что один он там не пройдет, все-таки... Стой на месте и никуда не ходи, мы быстро!

— Конечно, мамочка, еще как! Только вы там поскорей, ладно?

— Как получится! Жди, и чтобы я тебя сверху видела!

— Я тут немножко потопчусь, вокруг камушка, ладно? А то если буду стоять, замерзну ведь! Только тут, вокруг?

— Только чтобы я тебя видела!

— Конечно, мамочка, еще как! Чтобы ты меня видела!

Мама стала подниматься по белому склону под самое синее небо. Она останавливалась, махала Бине руками, и Бина радостно прыгала и махала в ответ.

— Ладно, — сказала наконец Бина и отвернулась к долине. — Пусть они там пока спасаются и делают фотографию. А я тут пока потопчусь, вокруг камушка. А то, если буду стоять, замерзну ведь.

Она осторожно пошла вдоль укутанной снегом речки, с восторгом узнавая деревья, кусты и камни, которые видела летом.

— Ага, вот оно, это деревце! А где же тут камушек был? Ага, вот он, нашла! Какой весь снежный теперь! А ручеек... Где же мой ручеек? Вот здесь, что ли?.. И куда он делся теперь?

Бина присела на корточки, поворошила снег в том месте, где летом был ручеек (был обязательно, между камнем и деревом — они ведь нашлись). Потом поднялась, посмотрела в высоту склона, помахала крапинке-маме и крапинке-папе, в который раз огляделась.

— Ух ты, какая ложбинка!.. Как же я летом ее не

запомнила? Или летом ее тут не было? Нет, как же так. Не может такого быть. Это я сама виновата. Надо было лучше смотреть, летом. А она такая уютная... Какая-то такая волшебная даже. Там должно быть просто ужас как интересно! Наверно. Нет, обязательно! А они там пускай пока спасаются и делают фотографии. Я успею. Я только туда и обратно, быстро! Я ведь умница.

И Бина свернула в ложбинку и побежала вперед, вдоль бархатно-белой полоски, под которой дремал ручеек. Она бежала, бежала, бежала — и вдруг остановилась, замерев от пронзительного восторга.

Солнце, которое уже касалось краешка Гор, рассыпалось в снежных черточках-ветках. Зайчики — их было просто невообразимо сколько! — покрыли ложбинку всю целиком, сверху донизу. Горы здесь были такие ласковые, зайчики такие пушистые, воздух так сладко вливался в грудь, что Бине захотелось подпрыгнуть и полететь. Она, как заколдованная, двинулась дальше. Шла в прозрачной пронзительной тишине... Шла, шла, шла — и вдруг что-то случилось.

Зайчики растворились. Солнце обвалилось за Горы. Стало темно и тревожно. Воздух потяжелел и застыл. Далеко за спиной что-то ухнуло, ветки вздрогнули, посыпались хлопья тусклого снега.

Бина вздрогнула тоже, вместе с ветками, и обернулась. Там, где она шла — где было радостно, весело и прозрачно, — теперь стало мрачно, тревожно и непонятно. Бина побежала обратно. Она бежала, бежала, бежала, забежала за огромную лапу, которую выставляла гора поперек дороги, — и остановилась как вкопанная.

— Ой, мамочка! — она прижала ладони к щекам. — Ой, папочка!

Впереди больше ничего не было. Ложбинку перерезала стена снега. Деревья, камни, кусты — все вокруг было засыпано снежной пудрой — она кружилась еще кое-где, в мрачных углах. Опустилась тревожная тишина.

— Ну что же такое... — заплакала Бина. — Mamочка... Папочка... Ну почему же вдруг так... Ну что же такое, зачем... Как я теперь найдусь?.. Как через этот снег перебраться?.. Ведь это такая ужасно огромная куча... До неба!!!

И Бина стояла, и плакала, и вытирала слезы холодными рукавичками. А вокруг становилось темнее, мрачнее, страшнее. И нос начинало хватать не на шутку, и воздух все каменел, и дышалось им все тяжелее.

Бина устала плакать и стояла теперь, просто вздыхая. Стоять становилось холодно, теплая куртка переставала греть, пальцы в теплых ботинках начинали мерзнуть. Бина решила, чтобы согреться, попрыгать. Она прыгала, прыгала, прыгала и, пока прыгала, сообразила.

— Вот что. Папа говорил, что когда теряешься, лучше быть на одном месте. Тогда тебя легче найти. Но если сидеть на месте — замерзнешь. Значит, надо бегать туда-сюда. Сейчас я сбегаю туда, где было солнце и воздух, потом снова сюда. Потом опять сбегаю туда, потом опять сюда. Потом еще раз сбегаю туда, потом еще раз сюда. Я и тут буду часто, почти все время. И если буду бегать, как раз не замерзну. Или не очень замерзну. Или не сразу... — Бина вздохнула, шмыгнула носом. — Все, побежала.

И Бина побежала назад — туда, где было солнце и сладкий волшебный воздух.

* * *

Бина добежала дотуда, где случился весь этот ужас, остановилась и сразу начала мерзнуть. Попрыгала, растирая нос и щеки холодными жесткими рукавичками.

— Надо все-таки посмотреть, что там дальше, — вздохнула Бина. — Вдруг я до чего-нибудь не дошла, такого?.. Я только чуть-чуть, и сразу обратно. Честное слово, — она побежала вперед и через минуту выбежала к распадку. — Ух ты, какая лощинка... — прошептала Бина, глотая слезы. — Ну, уж эта должна быть волшебная... — она перебежала замерзший ручей и остановилась у входа, под разлапистым деревом. — Конечно волшебная, — всмотрелась Бина. — Надо в нее сходить... Она ведь волшебная, надо. Немного там посмотрю, полминуточки... За полминуточки я еще больше не потеряюсь. Честное слово.

Она забежала в лощинку и стала красться в таинственный сумрак. Лощинка, безусловно, была волшебная. Воздух здесь был совсем ледяной, но совсем не такой колючий. Снег здесь был совсем глухой, но совсем не такой мрачный. Даже деревья тут спали не так, как везде позади. Они стояли совершенно не шевелясь, а с веток то и дело падали огромные лохматые хлопья, и падали очень долго — целый час каждый.

— Как здорово... Как замечательно... Я ведь знала, что найду все-таки. Что-то такое волшебное, понастоящему. Эх, жалко, что я потерялась, и мама не видит, и папа, — Бина горько вздохнула. — А рассказать — не расскажешь. Волшебное ведь не рассказывается. Его только смотреть нужно, самому.

И она шла все дальше и дальше, и не останавливалась, потому что в волшебных лощинках нужно идти пока идется — останавливаться нельзя. И Бина шла,

шла и шла, и внимательно смотрела вокруг, чтобы все запомнить как следует. (Неизвестно, когда она еще потеряется. Может быть, не потеряется больше ни разу, а в волшебные лощинки попадают только когда потеряются. Во всяком случае, пока Бина не потерялась, в волшебные лощинки не попадала ни разу ведь.)

Вдруг впереди произошло непонятное. Огромное дерево, которое стояло себе лет, наверно, четыреста (может, и больше — огромное ведь, просто ужас какой-то), закрипело и стало медленно падать вниз. Оно рухнуло поперек, загородило дорогу, и снежное облако долго еще растворялось в лиловом сумраке. Когда наконец встревоженный снег успокоился, Бина осторожно подбежала к дереву и осторожно его потрогала.

— Ух ты! Вот это да! Вот это ничего себе! — и призадумалась. — Mamочка... Дальше, значит, нельзя?.. Папа говорил, что Горы скажут, если будет опасно и нельзя будет идти. Ой, мамочка. Там, наверно, опасно! — Бина заворуженно вгляделась во мрак за упавшим деревом. — Интересно, что там такое? Что может быть? Просто ужас какой-то.

Она стояла, стояла, стояла, но холод снова стал забираться под куртку, и Бина решила.

— Дедушка Мороз, миленький! А можно я чуть-чуть посмотрю? Совсем чуть-чуть, и сразу домой. Я понимаю — дальше нельзя. Но ведь только чуть-чуть. Только глазком, и сразу назад. Честное слово.

Она подбежала к дереву и перекарабкалась на другую, страшную сторону. Остановилась, замерла, вжав голову в плечи.

— Ой, мамочка, — сделала три испуганных шага, остановилась, потом еще пару шагов. — Как страшно!.. А интересно!.. И страшно... А интересно...

Из сумрака дохнуло ледяным холодом. Щеки и брови выстыли враз, и Бина схватилась за них холодными жесткими рукавичками.

— Ой, мамочка. Пойду-ка я, наверно, назад. Что-то там, кажется, такое, что просто ужас какой-то, наверно...

И она бегом вернулась к упавшему дереву, перекарабкалась на свою сторону, на прощание обернулась, посмотрела в страшный холодный мрак и побежала назад. Добежала до дерева — пушистые лапы-ветки торчали над тропкой, — выбежала на небольшой простор своей ложбинки. И вдруг остановилась, подпрыгнула и прижала ладошки к щекам.

— Ой, мамочка!!!

Чуть в стороне, почти сливаясь с вечерним сумрачным снегом, сидел огромный, лохматый, ушастый, пушистый и вообще просто какой-то необыкновенный настоящий волк. На мудрой усатой морде спокойно светились глаза.

— Мамочка... Это же волк!!! — Бина не знала, что делать: бежать, плакать, кричать или еще что-нибудь. — Настоящий! Ну что же такое! Ну почему меня все хотят съесть, сегодня... Ну что сегодня за день такой... Ну и правильно, — она всхлипнула и вытерла нос. — Ну и правильно, что я потерялась. Так мне и надо. Буду знать. Надо слушаться взрослых, и пусть волк меня съест. И поздно реветь. Раньше надо было чесаться.

Она стояла и терпеливо ждала, когда волк начнет ее есть. Она ждала, ждала и ждала, мерзла, мерзла и мерзла, но волк только сидел и смотрел на нее. Бина, наконец, не выдержала.

— Волк! Ну когда ты меня есть будешь? Я замерзла уже. Холодно ведь ужасно, ешь быстрее ведь, — она

вздохнула. — Или ты сегодня поужинал? Что-то мне тоже есть захотелось... Сейчас бы чашечку чая горячего... И бутербродика... С сыром таким, там еще дырки, вкусные... Что же я так проголодалась-то, вдруг. Вот тоже еще наказание.

Но волк вообще не стал ее есть. Он еще немножко посмотрел и убежал, растворился во мраке без звука и следа. Бина снова вздохнула, горько и тяжело.

— Ну вот. Даже волк не стал меня есть.

Ей стало так грустно, так одиноко, так плохо, что она заплакала — как не плакала еще никогда. Она стояла, не чувствуя холода, не замечая ничего вокруг, и теплые слезы текли по щекам, на шарфик — она их не вытирала. Потом плакать устала и стала просто вздыхать.

— Пошел, наверно, домой, в норку... У него там, наверно, уютно, тепло, вкусно... Ладно. Хватит реветь. Зачем я такая дура? И что же мне делать?

Она стояла у входа в лощинку, под разлапистым деревом, и ей снова хотелось плакать. А вокруг уже наступила студеная ночь.

* * *

Вдруг произошло замечательное. Вверху появилась Луна. Неслышно и незаметно она подкралась из-за Гор, возникла над льдистыми пиками и заглянула в ложбинку. Тяжелая тишина растворилась, исчезла в яркой прозрачности лунных лучей. Светлые, чистые, легкие Горы сияли в Луне, а за ними висело небо, черное и блестящее, и на нем вдруг рассыпалось столько звезд, что Бина подпрыгнула и прижала к груди кулачки.

— Ой, какая Луна! — прошептала Бина. — А звезды какие ужасные! Я такую Луну никогда не видела!

Это она специально пришла, чтобы мне было не темно и не страшно. Ой, какая Луна! Жалко, мама не видит, и папа. У них там тоже сейчас где-то Луна, но ведь совсем не такая. У меня тут совсем ведь другая Луна. У меня тут моя Луна.

И Бина стояла, и Горы плыли в сияющей высоте, и ей стало спокойно и хорошо, и она даже забыла про холод. Но холод грыз все сильнее, и куртка уже не грела, и пальцы в ботинках мерзли.

Бина снова стала бегать и прыгать. Она побежала к снежной стене, не добежала, развернулась, побежала назад — вот снова лощинка, куда Бину Дед Мороз не пустил, — вот здесь сидел добрый, совсем не голодный волк — вот следы — вот куда убежал — вот следы тоже — ой, мамочка! Что это там за киски?!

Впереди, Бине навстречу, бежали какие-то здоровенные лохматые кошки. Они были серо-серебряные, в большую черную крапинку, и мягко сверкали в лунных лучах. Когда кошки подбежали ближе, Бина увидела, что там была одна просто огромная, и две поменьше, с пушистыми толстыми лапами, с мохнатейшими хвостиками. Они были ужасно милые, вокруг от них стало светло, радостно и легко. Бина, взметая льдистые искры снега, кинулась к ним.

Киски набросились на нее, тяжеленные — но такие мягкие, такие пушистые, такие необыкновенные, такие ужасные лапочки, — и стали лизать в щеки и в нос. Большая киска отошла и жмурилась из-под дерева, поглядывая, как Бину опрокинули в снег и продолжали облизывать теплыми шершавыми языками. Бина смеялась и отбивалась, но киски не отступали, и так они кувыркались, кувыркались и кувыркались, и Бина даже запыхалась, и ей стало жарко, и куртку пришлось чуть-чуть расстегнуть.

— Ой, мамочка! — она наконец села и отдышалась. — А это, наверно, ваша мамуля! Вы ко мне нарочно пришли, правда? А то мне тут скучно и одиноко, так просто ужасно, что я даже плакала. Побудьте со мной до утра, ладно? Утром меня должны будут найти и забрать. Какие кисуленьки! — она снова бросилась обниматься. — Я даже не знала, что такие бывают, вообще!

Котята не отставали. Они носились пушистыми колобками, и напрыгивали на Бину, и лупили хвостиками, и толкали толстыми лапами. Бина вскочила, и они стали носиться все вместе. Они бегали, и играли, и визжали, и фыркали, и все было так здорово! А Луна потихоньку пробиралась по небу, и уже повисла над кряжем с другой стороны ложбинки.

Бина и котята устали и, наконец, привалились к камню. Бина устроилась между котятами, ей было тепло, уютно, легко, вовсе не грустно и не тоскливо. Бина сидела с котятами под бездонным сверкающим небом, смотрела на звезды — как улетают к ним клубки от дыхания и растворяются там.

— Какие вы замечательные кисульки! — сказала радостно Бина, поглаживая пушистые уши. — Какие у вас мягкие уютные шубки! — она гладила усатые морды. — Я таких больше ни у кого не видела!

Бина сидела, гладила шубки, усы и носы, и снова заметила волка. Теперь он сидел чуть поодаль, вверху, на пригорке-мизинце, который торчал из подошвы горы. Волк жмурился в лунном свете и умиротворенно глядел, как Бина с котятами отдыхают. Мама-кошка подбежала, улеглась рядом, и Бина уткнулась в мягкий прохладный бок, такой ласковый и домашний, такой замечательный... И рядом приютились котята, и стали урчать и сопеть. Бина не заметила, как усну-

ла, — так сладко, спокойно и чисто, как, кажется, не засыпала еще никогда.

Проснувшись она оттого, что кошки снова лизали ее в нос и щеки. Луны больше не было: она укатилась за Горы, и в небе теперь остывали последние звезды. Сумрак окутал ложбинку ледяной периной.

Бина вскочила и принялась растирать нос, который замерз и так вдруг окоченел, что его как будто не было. Холод стоял такой, что дышать было почти невозможно — воздух застывал в груди, обратно не выдохнешь. Пальцы в ботинках исчезли.

— Ничего себе, мои кисочки! Ух ты, как холодно! Градусов, наверно, полторы тысячи! Я даже не знала, что в мире бывает так холодно. Как же вы тут живете? У вас должна быть теплая норка, конечно! А можно к вам в гости, хотя бы глазком? Так интересно, как у вас в норке!

На этот раз поиграть им не дали. Вдалеке — не в той стороне, где случился весь этот ужас, а в другой — возникло движение. Там появились точки и побежали сюда. Мама-кошка отошла под дерево и, чуть насторожившись, стала следить, как точки вырастают в людей. Бина смотрела, смотрела, смотрела — и вдруг оказалось, что впереди бежит мама, за ней папа, за ним соседи из соседнего домика.

— Мамочка! — взвизгнула Бина. — Папочка! Смотрите! Смотрите, какие котики!!!

И Бина схватила котят в охапку и побежала, но они все-таки не уместились и по дороге выпали. Бина засуетилась, пытаясь их подобрать, подобрала первого, стала подбирать второго, но пока подбирала второго, первый выпал опять, и она снова попыталась подобрать первого, и тогда выпал второй. И пока она так возилась, пытаясь все-таки подобрать упрямых котят,

мама подбежала, присела рядом и прижалась холодной щекой:

— Биночка... Ну что же такое...

— Мамочка, — прошептала Бина в ответ и спряталась в пушистых котятках. — Я и сама не знаю... Я ведь недалеко ушла, кажется... Только за угол, и все, только за угол ведь. И за углом почти никуда не ушла, а оно вдруг сзади как грохнется! И все... Смотрю — потерялась.

Тут подбежал папа, тоже опустил рядом и тоже прижался щекой:

— Бина! Ну что же такое!

— Ой, папочка, а нам тут было так весело... Сначала мы бегали и играли, и так наигрались, что просто ужас какой-то. А потом мы так вкусно поспали, все вместе, а потом вы и пришли. А еще с нами был волк, вон там... Вон, смотри... Видишь, под деревом... Видишь, какие котики...

— Это уже не котики... Это барсики... Такие горные кошки, очень редкие...

— А как вы нас тут нашли? Кто вам сказал?

— Волк. Мы увидели, что за тобой не пройти, быстро вернулись и стали думать, как можно сюда попасть. По карте получалось, что с нашей стороны никак. Стемнело, а тут еще связи ведь нет... Мы уже собрались ехать звонить, вызывать вертолет, как вдруг собаки залают! Выходим на улицу, смотрим — волк! Бегает туда-сюда, к лесу — обратно, к лесу — обратно. Забегает в лес, ждет и оглядывается. Тогда мы побежали за ним. А он бежит по каким-то ущельям, по каким-то таким уголкам...

— А мы тут пока играли вот с котиками... И хорошо, что все завалило... Никто не придет и не тронет... Жалко, что их нельзя позвать в гости...

На прощание Бина расцеловалась с котиками, помахала маме-кошке, волку (он снова сидел неподалеку, на своем пригорке, и наблюдал, чтобы все было по порядку). Оглядела ложбинку, Горы, небо — наконец отвернулась, и они побежали домой.

У поворота, за которым ложбинка кончалась и превращалась в узкий проход, Бина остановилась. Сонные рощицы вдоль подснежного ручейка уже просыпались. Высоко над горой парила большая черная птица, крапункой на бархатной синеве. Солнце вот-вот должно было выбраться из-за далеких пиков. Белые зубья Гор, дымчатые и прозрачные, плыли над миром, и розовато-золотистые искры уже сверкали в выси. Бина вдохнула сладкого жгучего горного холода, повернулась — и побежала домой.

* * *

Курсовая работа

В Школе пиратов царило обычное столпотворение, которое бывает всегда, когда объявляется задание для курсовой работы. Задание давно объявили, близился полдень, а главная зала никак не пустела — будущие пираты расхаживали по затоптанным доскам пола, бесконечно перечитывая свои листы и натываясь друг на друга.

— А, это ты, Лйтца, — отозвался один мальчик, столкнувшись с однокурсником. — У тебя что?

— Украсть у старого капитана карту острова с сокровищами, — ответил тот и почесал затылок. — Выкопать эти сокровища... Ну, разумеется, предоставить удостоверение в выполненной работе... А у тебя?

— Ограбить караван, украсть девственницу-красавицу.

— Вечно тебе везет, Котту, — сказал Литца раздосадованно. — Мне бы такую чепуху.

— Чепуху? — озадаченно усмехнулся Котту. — Ну, и где мне искать девственницу, чтобы была красавицей? Или красавицу, чтобы была девственницей? Ты таких видел?

— А мне где искать старого капитана с картой острова? Ты таких видел?

— Старых капитанов видел. Карту острова видел. И сам остров видел... Остров и ты видел, Котту, не глупи.

— Это где Дракон живет? Ха-ха, конечно видел. Кто не видел? Только никто там не бывал... Ну, во всяком случае, никто оттуда не возвращался.

— Литца, нам сейчас не до шуток, тем более старых и глупых. Поезжай на Остров, поговори с Драконом. От тебя же никто не требует собственно сокровищ! Нам нужно предоставить удостоверение в выполненной работе. Тебе то есть — только показать бумагу, что ты украл у старого капитана карту острова с сокровищами. Ну, выкопал их, понятно... Капитана найдешь, не проблема, насчет сокровищ поговори с Драконом.

— С бумагами хорошо, — покивал Литца, в который раз перечитывая свой лист с заданием. — Не хватало сюда еще этот хлам тащить.

— Конечно, — покивал Котту, перечитывая свой. — Сколько лет нашей школе?.. Сколько пиратов выпускается каждый год?..

— Ну да. Если каждый будет приводить по ограбленному каравану...

— Вот и попроси у Дракона удостоверение.

— Так он мне его и написал, — хмыкнул Литца и снова почесал затылок.

— А ты поезжай сначала да попробуй договориться. За спрос он тебя не съест.

— Да неудобно как-то, — вздохнул Литца. — Все-таки второй курс, сопляки вроде...

— Ну, вот и проси. Требовать будешь для дипломной работы.

— Может, правда?.. — Литца еще раз почесал затылок. — Съездить поговорить? Деликатно?

— Разумеется деликатно. С драконами нужно разговаривать деликатно. У тебя по «Разговорам с драконами», кстати, что было? Четыре?

— Три...

— Ну и дурак. Не для школы учимся, но для жизни.

— Слушай, заткнись, — поморщился Литца и вздохнул. — И так тошно, без умников. А ты что будешь делать? Не искать же девственницу, чтобы была красавицей? Или красавицу, чтобы была девственницей?

— Нет, конечно, — где? Что за бред такой... Буду добывать документы.

— Ну, давай, добывай. Ты знаешь, где у нас выдают удостоверения в том, что ты девственница и красавица?

— Пока не знаю. Вообще задания, конечно, подлые, — Котту злобно оглядел закопченные от светильников стены. — Встречаются части, которые по учебникам не решишь. Где искать эксперта по девственницам-красавицам? Где брать удостоверение, что украденная девушка — девственница и красавица? В учебниках об этом ни слова.

— Ты уверен?

— В чем?

— Что в учебниках? Ни слова?

— Литца, — вздохнул Котту, сворачивая свой лист в трубку. — Я не отличник, понятно, но и не такой двоечник, как ты. Кстати, как ты вообще видишь свое будущее? Неужели ты думаешь, что с такими знаниями, — Котту постучал Литцу по голове трубкой, — ты на самом деле сможешь пиратствовать, грамотно? Первый же приличный караван поднимет тебя на смех, не даст и полмешка золота. Как ты себе реально представляешь свое будущее, с такими знаниями? Как ты будешь доказывать, что ты специалист, с которым нужно считаться?

— Ладно, — поморщился Литца и отвел от головы руку со свитком. — Снова заладил. Еще посмотрим, кто кого перепиратствует. Нам еще два года учиться, еще посмотрим.

— Я буду еще четыре. Два года еще потерплю, но зато степень будет.

— Она тебе нужна, эта степень? — хмыкнул Литца.

— Нужна. Пиратов с ученой степенью на порядок меньше пиратов без ученой степени. А у меня амбиции. Я вообще хочу стать академиком. Пиратов-академиков не было еще вообще.

— Могу представить, какое задание тебе дадут на защиту этой твоей степени, — хмыкнул Литца еще раз.

— Ты болван, Литца, — отозвался Котту невесело, — и не учишься. Для защиты ученой степени задание выбираешь сам.

— И какое же ты себе выберешь? — хихикнул Литца. — С девственницами-красавицами?

— Литца, зачем ты в пираты учиться пошел, вообще? — отозвался Котту невесело. — Пошел бы в трактирчики. Учиться два с половиной года, и на втором курсе девчонок можно целый семестр за попу щипать. Иди в трактирчики, Литца. Бросай Школу. Будь мужчиной.

— Я тебе сейчас в глаз дам.

— Ладно, давай... Езжай к Дракону, поговори. Старик — что надо, говорю тебе.

— Ладно, ты тоже давай... У тебя еще караван, шевелись.

— Караван-то меня волнует меньше всего. Ты сам шевелись, со своими сокровищами. Времени четыре дня всего.

— Не говори. В прошлом году неделю давали.

— В прошлом году все были на год младше. Ладно, давай... Я на пристань, буду говорить с купцами.

Мальчики спрятали листки с заданиями за пазуху и, расталкивая озадаченных однокурсников, вышли из главной залы.

* * *

Котту вышел на вершину склона, с которого спускалась дорога к пристаням. Весна в этом году случилась ненастная — небо на все стороны света было заволочено толстыми тучами. Бил ветер; Котту застегнул куртку до горла, натянул капюшон и начал спускаться по сырым битым камням.

На пристанях кипело оживление — только что пришел очередной караван, дальний с юго-востока — темно-синие флаги со звездами и восходящим солнцем сверкали на фоне угрюмых туч. Виляя между тюками, бочками, мотками канатов, уворачиваясь от ругающихся рабочих-грузчиков, Котту спустился и прошел к небольшой толпе заморских купцов. Окружив Начальника пристаней, купцы, степенно жестикулируя, поглаживая кожаные сумки с бумагами и монетами, вели разговор.

Котту подошел, сверкая значком Школы пиратов. Купцы и Начальник пристаней обернулись и замолчали.

— Доброе утро, — поздоровался Котту, сбрасывая капюшон. — Из Заморья? — он оглядел ближайший флаг. — Привет, дядя Варрака, — он поздоровался с Начальником пристаней. Тот важно кивнул в ответ.

— Тебе тоже, — отозвался Главный купец, поглажив купеческую нашивку на рукаве, — если не шутишь.

— Какие тут шутки, — вздохнул Котту в ответ на сдержанные кивки. — Какое число на дворе? Правильно, у нас курсовые задания.

— Ты на каком уже? — спросил высокий купец, оглядев значок на груди Котту.

— На втором, — Котту погладил значок, сверкающий весело в свете угрюмого утра. — Но задания уже очень сложные. И главное, времени на втором курсе дают только четверо суток.

— Я слышал, — сочувственно покивал толстый купец в ярко-красном плаще, на который тоже было приятно взглянуть в серой свинцовости моря и скал, — на третьем дают трое?

— До третьего еще дожить надо, — отозвался Котту зловеще. — С такими заданиями.

Купцы понятливо-сочувственно переглянулись. Начальник пристаней (племянник которого в прошлом году закончил Школу с отличием) горько вздохнул.

— И что у тебя?

— Ограбить караван, — также вздохнул Котту, — и украсть девственницу-красавицу.

Купцы некоторое время молчали и переглядывались.

— М-да... — ответил наконец Главный купец. — Ну, караван ладно... А где же ты будешь брать девственницу, чтобы была красавицей? Или красавицу, чтобы была девственницей? Ты таких видел, вообще?

— Я вот, кстати, у вас и хотел спросить, — отозвался озабоченно Котту. — Вы из самого далека, ходите больше всех. От нашего Побережья до вашего Заморья минимум восемь стран. Может быть, видели — где-нибудь?

Купцы повздыхали, попереглядывались.

— А в учебниках что про девственниц и красавиц? — спросил купец в красном плаще. — Хотя написано, где они водятся?

— В том-то и дело, — Котту злобно оглядел угрюмые мокрые скалы над пристанями. — Курсовые работы как раз тем отличаются, что надо шевелить мозгами. Девственницы и красавицы несколько раз упоминаются по разным предметам. Больше всего, например, по «Разговорам с драконами». Но только упоминаются. А где водятся и вообще откуда берутся — об этом ни слова.

Купцы закивали.

— Ну, это понятно, — вздохнул Главный купец. — Такую информацию никто раскрывать не будет. И что ты собираешься делать?

— Не знаю пока, — вздохнул озабоченно Котту. — Сначала решу первый вопрос, потом займусь девственницей.

— Ну, так мы тебя слушаем, — кивнул Главный купец.

— Короче, собственно караван, как вы понимаете, мне не нужен, — начал Котту. — Мне нужна справка, удостоверяющая, что я этот караван ограбил и при этом уложился в четверо суток.

— Хм, — высокий купец почесал подбородок. — А кто должен будет заверить такую справку?

— Я думаю, если ты, — Котту обернулся к Главному купцу, — и ты, дядя Варрака, подпишете такую бумажку, этого хватит. Понимаешь, проблема в том, что жестких нормативов не существует. Это, собственно, часть задания — бумаги должны быть заверены убедительным образом, а насколько образ убедительный — решаешь ты сам. Как будущий специалист.

— Понятно, — покивали все.

— Ну, если ты считаешь, что в данном случае наших двух подписей хватит, — Главный купец погладил свою нашивку, — думаю, договоримся.

— Договоримся, — кивнул Начальник пристаней, оглядывая пришвартованные суда под разгрузкой.

— Должно хватить, — Котту кивнул. — Формально больше никого не требуется, караван под твоим начальством шел на пристани под его начальством, — мальчик обернулся к Начальнику.

— Хорошо. Тогда пройдемте ко мне в каюту.

Главный купец, обходя свертки, бочки и ящики, направился к ближайшему кораблю. Котту и Начальник пристаней двинулись вслед — по скрипящему трапу поднялись на борт и прошли за Купцом в каюту. Тот достал из настольного сундучка пару листов бумаги, перо, чернильницу-непроливайку, мешочек с писчим песком.

— Красивая штука, — Котту взял чернильницу и внимательно оглядел. — И старинная, вижу? Так камни уже не делают, — он провел пальцами по узорчатой оправе самоцветов в крышке.

— Разбираешься, — улыбнулся Главный купец, забирая чернильницу и аккуратно отвинчивая крышку.

— Разумеется, — хмыкнул Котту. — И сам интересуюсь, и, как ты можешь догадываться, камни у нас проходят все четыре семестра.

— Это понятно, — Начальник пристаней тоже внимательно оглядел чернильницу. — Какой от тебя толк как от специалиста, если ты не разбираешься в таком деле!

Главный купец неторопливо разложил лист и набросал несколько аккуратных строк.

— Как тебя звать?

— Котту Бестрепетный.

— Каким числом ставить? — Купец потрогал кончик носа кончиком пера. — Тебе нужно четверо суток?

— Ставь послезавтрашним... Какой у тебя почерк красивый, — вздохнул с уважением Котту. — Нас такому не учат.

— Зачем пирату красивый почерк? — удивился Начальник пристаней.

— Дядя Варрака, ты как будто первый день на свете живешь. Красивый почерк пирату нужен в первую очередь! Ну ты представь, каково пирату без красивого почерка? А у нас даже факультатива нет.

— Вот сам и учись, — сказал Главный купец, расписываясь в конце документа. — У нас тоже почерк не проходили, вообще никакой. Просто учили писать и считать. А почерк я уже сам наработал. Купцам красивый почерк тоже необходим, можешь поверить. Ну-ка...

Он передал бумагу Начальнику. Тот внимательно перечитал, покивал и подписался на свободном месте. Котту забрал бумагу и зачитал:

— «Справка. Сим удостоверяется, что сегодня, двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона, караван в составе двенадцати судов средней величины был ограблен Котту Бестрепетным, студентом второго курса Школы пиратов на Побережье. Технический объем грабежа — сто процентов». Эх, мне бы такой почерк...

— Занимайся, — ответил Купец самодовольно.

— Обязательно. Подписи: Главный купец, Начальник пристаней... Все отлично, — Котту кивнул, посыпал бумагу песком, ссыпал песок обратно в песочницу, свернул документ в трубку и спрятал за пазуху.

— Теперь ты пиши.

Начальник пристаней пододвинул второй чистый лист. Котту принял у купца перо и чернильницу и, стараясь писать как можно аккуратнее и красивее, вывел несколько строк. Закончив писать, он протянул лист Начальнику. Тот зачитал:

— «Справка. Сим удостоверяется, что сегодня, двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона, караван в составе двенадцати судов средней величины был действительно ограблен мной, Котту Бестрепетным, студентом второго курса Школы пиратов на Побережье. Технический объем грабежа — сто процентов. Претензии принимаются в течение полутора лун по адресу: Восточный материк, Побережье, Школа пиратов, студенту второго курса Котту Бестрепетному. Справка составлена в единственном экземпляре, хранится у Начальника пристаней Побережья и может быть затребована для подтверждения».

— Правильно, дядя Варрака?

— Напиши, что хранится в течение года, мало ли что, — Начальник пристаней вернул документ мальчику.

Котту аккуратно вставил между строчками поправку, подписал документ.

— Вот, теперь все в порядке, — покивали Купец и Начальник, перечитывая бумагу.

— Ну, а насчет девственницы, — спросил Котту со вздохом, — может, все-таки что посоветуете? Вы люди с опытом, как бы.

Купец и начальник только покачали головой грустно.

— Тут не такой опыт нужен, — вздохнул Главный купец.

— Поднимись к трактирщику, — сказал Начальник. — Трактир, как понимаешь, место особенное... Может быть, он что посоветует.

— Другого выхода не остается, — согласился мальчик. — Я уже давно понял, что случись что-то серьезное — надо сразу в трактир. Вокруг такая куча специалистов, такие деньги на образование тратятся — жуткое дело. А случись какое-то дело, без шуток, — к трактирщику. Что за государство.

— Везде то же самое, — Главный купец уложил в сундучок письменные принадлежности, аккуратно закрыл чернильницу, поднялся из-за стола. — Что в вашем государстве, что в нашем — везде то же самое. Если какое дело, без шуток, обращайся лучше сразу к гробовщику.

Они вышли на палубу, в холодный весенний ветер, прошли к скрипящему трапу и вернулись на берег.

— Ладно, — Котту попрощался с Главным купцом и Начальником пристаней, покивал остальным купцам. — Счастливо оставаться. Я в трактир, за девственницей.

* * *

Котту, сражаясь с ветром, который наверху превратился в настоящий ураган, дотащился до трактира и ввалился в большое теплое помещение. Несмотря на ранний час, трактир был забит; половина — матросы с пришедшего каравана, половина — местные, поспешившие выпить, поговорить, поспорить (и поддаться) с заезжими.

Переступая ноги, спотыкаясь о колени и цепляя курткой столы, Котту прошел к трактирщику, важно царившему за своей стойкой. Подождав, пока тот освободится, Котту скинул капюшон и поздоровался.

— Привет, дядя Краббатабак. Сколько у тебя сегодня народу! Еще полдень только.

— Ты караван что, не видел?

— Видел, видел. Сам только оттуда. Это я так, для вежливого начала разговора.

— Что-то ты сам на себя не похож сегодня, — усмехнулся трактирщик, наливая мальчику горячего грога. — Замерз? Пират ты вежливый.

— Пиратам, между прочим, если не знаешь... Хотя ты все знаешь, дядя Краббатабак, больше всех на всем Побережье... Часто нужно быть очень вежливыми, — Котту взял кружку и отхлебнул ароматного напитка. — Какой у тебя грог всегда замечательный.

Трактирщик хмыкнул и покачал головой.

— Нет, какой ты сегодня все-таки вежливый... Приготовь сотни полторы кружек в день, — трактирщик оглядел гомонящий зал. — А навык мастера ставит. Ты это сам знаешь, вежливый пират Котту. Больше всех на всем Побережье.

— Вежливый будущий пират, — сказал Котту, отхлебывая напиток. — Так вот я и спрашиваю, дядя Краббатабак, почему у нас в Школе нет такого предмета — вежливость?

— Вежливость в смысле пиратская? — усмехнулся трактирщик, утирая чистым холщовым полотенцем потную лысину. — Ну так что случилось-то? Я тебя не узнаю просто, грубиян.

— Курсовая работа, — сказал Котту сдержанно и обратился к кружке.

Трактирщик помычал-покивал, еще раз утер лысину.

— Ну, продолжай.

— Первую половину задания я уже сделал, — сказал Котту, глотнув. — Караван ограбил.

— Этот? — трактирщик обвел полотенцем зал.

— Да, — Котту вытащил из-за пазухи свиток и покрутил у трактирщика перед носом. — Документы в порядке. Но вот со второй частью задания вообще не знаю как быть, — мальчик снова обратился к кружке.

— Ну, я тебя слушаю, — отозвался трактирщик. — Эй, Мокрэ, не спи, — крикнул он службе, — там в углу что-то требуют, не зевай.

— Какой у тебя грог сегодня особенно вкусный, — Котту вдохнул медового запаха. — Где ты такой мед только берешь.

— Места́ надо знать, — ухмыльнулся трактирщик самодовольно и принялся перетирать кружки.

— И что, всем такой варишь?

— Нет, разумеется, — ухмыльнулся трактирщик. — Только пиратам — по-моему, ясно. Ну, я тебя слушаю.

— В общем, мне нужно украсть девственницу-красавицу.

Котту обратился к кружке. Наступило молчание.

— Это как?.. Одновременно?..

— Да. И девственницу, и красавицу. В одном лице. Теле то есть.

— Ты, брат Котту, попал.

Трактирщик долго перетирал кружки, наконец продолжил:

— Значит, и девственницу, и красавицу? Два в одном?

— Знаешь, — Котту досмаковал грог, посмотрел в пустую кружку. — Я так понял, что задание составлено по каким-то очень старым методическим материалам. Нашей школе-то лет пятьсот, наверно.

— Больше, — кивнул трактирщик, отбирая у мальчика пустую кружку и поддвигая новую. — Лет во-

семьсот, я думаю. Во всяком случае, когда мои предки купили этот трактир, — он обвел полотенцем вокруг сверкающей в факелах лысины, — Школа уже была.

— Ну, и вот, — вздохнул Котту. — Восемьсот лет назад, я делаю вывод, девственницы и красавицы еще водились. А сколько лет трактиру, вообще? — он оглядел прокопченные стены, потолок и балки.

— Да кто ж его знает, — усмехнулся трактирщик. — Люди говорят — построили еще до Дракона, нашего. Ну да, в те времена девственницы и красавицы еще водились, не сомневаюсь. Но мы сегодня живем.

— Так вот и думаю — дай-ка зайду в трактир... Дядя Краббатабак всем несчастным пиратам самый дружеский друг. Обязательно что-то придумает.

— Ладно, Котту, заткнись. Удивляюсь, как ты еще можешь шутить, в такой ситуации.

— А что еще делать, в такой ситуации?

— Да, попал ты, брат Котту. Я бы на твоём месте уже пожалел, что вообще в пираты пошел учиться.

— Я уже пожалел, дядя Краббатабак. Честное слово. Суть-то даже не в этом, суть в том, что, во-первых, нужен будет документ, удостоверяющий, что это действительно девственница и действительно красавица... Сама-то девственница и красавица в школе никому не нужна к собакам. Им документ подавай. Во-вторых, на все про все дают только четверо суток.

Трактирщик долго молчал, перетирая натертые уже до сверкания кружки и оглядывая гомонящий зал.

— Есть у меня идея... — отозвался он наконец.

Котту сдержанно отхлебывал грог.

— Дай объявление. Напиши на бумажке и повесь на площади, на воротах.

Котту побарабанил пальцами по исколотой кинжалами столешнице.

— Ты думаешь, прочитают?

— Тут, брат Котту, расчет на то, что девственницы и красавицы могут уметь читать. Понимаешь...

Трактирщик отодвинул натертые кружки, но Котту не дал закончить:

— Ага! Это очень умно! Ты голова, дядя Краббатабак! Значит, если кто-нибудь клюнет, то клюнет как раз девственница и красавица! Ну, шансы большие, если умеет читать, в смысле. Только вот...

— Как быть с удостоверением?

— Как быть с удостоверением. Я в Школе об этом уже говорил кое с кем. Литца, ты должен знать...

— Еще бы не знать. Он мне должен за шесть кружек эля и две кружки грога. Обещал отдать с первого ограбленного каравана.

— Долго ждать придется. Он двоечник.

— Это я тоже знаю. Но у меня, сам знаешь, есть некая статья расходов... В общем, должен — и пусть пока должен. Как знать — может быть, в будущем пригодится. Да и вообще, пусть лучше должен пират тебе, чем должен пирату ты. В первом случае сносить головы шансов больше.

— Я тебе говорю — он двоечник, зарезать как следует не сумеет. У него по «Умерщвлениям неволшебным оружием» сплошные пропуски. Он думает, что правильно зарезать человека ума не надо, да и вообще учатся пусть болваны. А правильно зарезать человека...

— Это надо уметь, понятно, и долго этому учиться, — трактирщик покивал.

— Ну да, — Котту закончил кружку. — «Умерщвления неволшебным оружием» идут все четыре курса,

их сдают на выпускных экзаменах. Чем он думает — непонятно.

— Он не доучится.

— Он не доучится. Его или исключат из школы, или убьют. За неуспеваемость. Ну, так что с объявлением?

— Эй, Мокрэ, — крикнул трактирщик служке, обернувшись в гомон и сверкнув факелами на лысине, — притащи-ка сюда лист бумаги и перо, из моего кабинета... И чернильницу — только не пролей, балда стоеросовая. Такой растяпа, даже не представляешь, — он обернулся обратно, — столько посуды мне перебил, фамильной.

— Так на рею?

— Какой ты горячий, — покрутил головой трактирщик. — Молодость, молодость... Другие перебьют еще больше.

— Ну да... Всех не перевешаешь.

— К тому же сколько он в среднем колотит — я хорошо знаю. Соответственно, приход-расход в конце месяца высчитывается без проблем.

Когда бумага, перо и чернильница были принесены, трактирщик приказал сурово:

— Бери и пиши. Только разборчиво... И лучше большими печатными буквами. Пишешь? Объявление. Для ответственного мероприятия требуется девственница и красавица. Оплата три... Нет, четыре золотых. У тебя есть четыре золотых?

— Три вот.

Котту покопался в кармане и выложил на столешницу тяжелые кружочки. Кружочки мрачно замерцали в свете факелов. Трактирщик вытащил из своего кармана четвертый и положил рядом.

— Потом отдашь.

— А если не отдам?

— Значит, будешь должен. Пираты, которые тебе должны, тоже капитал. Пиши дальше... Обращаться в трактир Краббатабака, который наверху, с полудня до полуночи.

— До по-лу-но-чи... — Котту старательно вывел строчку. — При себе иметь удостоверение...

— Какое удостоверение? Ты сбрендил?

— А что? — мальчик оторвал от листа голову. — А вдруг будет липа? Придет какая-нибудь не-знаю-как-не-знаю-кому, а я ведь четыре золотых обещаю?

— Нет, ты сбрендил. Где она его возьмет? Удостоверение тебе придется добывать самому. Придет какая-нибудь не-знаю-как-не-знаю-кому — возьмешь и поедешь удостоверять.

— И что будет, если не удостоверю?

— Потеряешь время, что будет.

— А если придет две?

— Во-первых, две не придет, — трактирщик мрачно расхохотался. — Скажешь спасибо, если хотя бы одна найдется... Которая читать умеет. Во-вторых, брат Котту, еще варианты?

— Еще вариантов нет, — вздохнул озабоченно Котту. — И вот еще проблема проблем: где удостоверять эту? Которая придет если? Кто у нас на Побережье эксперт по девственницам и красавицам? Какое ведомство вообще занимается такими вопросами? В учебниках об этом ни слова.

Трактирщик побарабанил пальцами по столешнице.

— Поезжай на Остров, к Дракону, — сказал он после долгого молчания. — Других вариантов не предложу. Кто еще может быть экспертом по девственницам и красавицам?

— Дракон тут при чем? — Котту отложил перо. — Драконы не едят мяса.

— Да, но в число их обязанностей, пусть формально, воровство и пожирание девственниц входит. Уже несколько тысяч лет.

— Да не едят они девственниц! — Котту хлопнул ладонью по столешнице. — И не воруют их! Ни девственниц, ни красавиц! Хватит бесить — ты что, сам не знаешь?

— Котту, у нас прецедентное право, — сказал трактирщик веско и посмотрел на Котту сурово. — Если какой-то ящер в древности прокололся, теперь клеймо на весь род. Поэтому более компетентного эксперта, чем наш старик, в этом вопросе ты не найдешь. Берешь свою не-знаю-как-не-знаю-кому и едешь к Дракону, удостоверить.

— Теперь бы пришла только.

— Если читать умеет — придет. На четыре золотых можно месяц жить — не тужить. Или купить себе какую-нибудь блестяшку на задницу... Тем более мы написали, черным по белому: для ответственного мероприятия.

— И на все про все только четыре дня, — проворчал злобно Котту, старательно выводя строчки. — Так... Написал.

— Теперь на площадь, вешаешь на воротах и ждешь.

— Вешаешь на воротах... Сухопутные крысы. Бегу. Слушай, у меня до вечера дел куча... Если вдруг придет, ты ее задержи, обязательно! А то как передумает... Что у них там в голове, у этих красавиц-девственниц, кто знает...

— Я ее свяжу и замкну в погребке, — сказал трактирщик серьезно, — тебя дождется, это я обещаю. Вережки

у меня хорошие — канаты с пристаней, а если что, позову народ — удержим.

Котту свернул объявление в трубку, засунул за пазуху и, спотыкаясь о башмаки и цепляя курткой столы, бросился к выходу.

* * *

К вечеру полил дождь. Котту, не разбирая дороги, по лужам доскакал до трактира и ворвался в нетрезвый гам, в уютное мерцание факелов.

— Ну как? — прокричал он поверх голов.

— Одна есть, — отозвался трактирщик из глубины. Котту протиснулся к стойке.

— Правда? — он наконец перевел дух. — В погреб?

— Нет. Вон сидит, в уголке.

Трактирщик махнул в дальний угол, где за столом на краю скамейки, завернувшись в плащ, сидела красивая девочка.

— Давно пришла? — Котту взгляделся в мерцающий полумрак.

— Часа два уже.

— Ты бы ей хоть грогу налил!

— Она что, пират?

— Не пират, так что — не пьет ничего? И что, кстати, пьют девственницы-красавицы?

— Вот пошли спросим. Если она правда девственница и красавица.

— Ну, красавица вроде бы да... — Котту напряженно глядывался. — Вроде красивая...

— Не торопись, брат Котту, не торопись. Глаз твой — враг твой. Первое, что тебя обманет — собственные же глаза. Особенно в таком деле.

— И что делать?

— Спрашивать, нюхать, пробовать, щупать.

Они, расталкивая пьяные ноги и плечи, направились в угол.

— Привет, — поздоровался Котту, упал на скамейку напротив девочки и скинул капюшон. — Значит, ты девственница?

— Я по объявлению, — сказала девочка и испуганно огляделась. — Мне деньги нужны. Четыре золотых. Что надо делать?

— Пить что-нибудь будешь?

— А вы не обманете?

— В смысле?

— Деньги заплатите?

— А ты правда девственница?

— Правда, — девочка покраснела и посмотрела в пол. — Только вы не обманите. Мне деньги нужны. Четыре золотых.

— А ты хоть знаешь, что надо делать? — усмехнулся трактирщик.

— Ну да... — ответила девочка еле слышно. — Там ведь у вас написано... Ответственное мероприятие... Только вы не обманите...

— Получишь свои четыре золотых, честное пиратское, — сказал Котту веско. — Но если ты правда — девственница и красавица.

— Я девственница, честное слово, — сказала девочка не поднимая глаз. — Ну, и красавица, тоже. Наверно... Ну, люди так говорят, всякие... Мужчины.

— Мало ли что говорят люди, — усмехнулся трактирщик. — Мужчины. Нашла объективную экспертизу. В общем, дело такое — тебя нужно удостоверить, что ты девственница и красавица. И если это на самом деле так — украсть.

— И потом деньги?

— Потом деньги, — вздохнул Котту, вытягивая мокрые уставшие ноги между чьими-то башмаками.

— Ну, поехали, удостоверять... А куда?

— К Дракону, — сказал трактирщик. — Кто у нас эксперт по такому вопросу?

— Ну, не знаю... А украсть надолго? А то у меня времени нет...

— Как это времени нет? — хмыкнул Котту. — А зачем пришла тогда?

— Деньги нужны... А времени нет не сейчас, а потом... Меня ждут... Вернее, мне там оставили, кое-что. Надо будет забрать, но это потом. Сейчас я ведь пришла. Ответственное мероприятие ведь... Только вы не обманите. Четыре золотых — обещали.

— Я тебя сейчас стукну, — сказал Котту устало. — Тебе мало честного слова пирата?

— Кажется мне, брат Котту, — трактирщик внимательно оглядывал девочку, — тебе все-таки повезло. Ну, не знаю — я в этом, конечно, не такой авторитет, как наш старикан... В общем, бегом на пристани, там сейчас какой-то южный отходит. Дойдете до отмелей, там на ялике. У тебя деньги-то остались, на ялик?

— Четыре медных, — Котту хлопнул по пустому карману.

— Хватит. А кашей я тебя, так и быть, накормлю. В счет будущих завоеваний.

— Ладно, пошли.

Котту поднялся, подошел к девочке, взял за локоть, повел к выходу, распиная ноги и плечи.

— В общем, сдашь задание — сразу ко мне, — крикнул вслед трактирщик. — Жду.

— Обязательно, — крикнул Котту, обернувшись у выхода. — Сдам задание — куда же еще.

* * *

На плато гремел ветер. Солнце поднималось из-за невысоких гор на востоке, и первые лучи били в последний весенний снег наверху. Внизу у подножий царил холодный утренний сумрак.

— Пришли, — Котту махнул рукой вперед, где в матово-серебристых тенях зиял черный вход в пещеру Дракона.

— А он нас не съест? — девочка всмотрелась встревоженно.

Котту поморщился.

— Ты, я понял, умеешь читать, — ответил он с раздражением. — Вот и читай, а не слушай людей, всяких. Даже в самых современных книгах написано, что драконы — ящеры. А ящеры не едят мяса.

— И что?

— Что «что»? Делай выводы! — рассвирепел Котту. — Мы ведь мясо! Значит...

— Да нет, — девочка замахала руками. — И что, что там это написано? А вдруг он как-нибудь проголодался, ужасно? Голод — не тетка, знаешь.

Котту схватил девочку за руку и потащил к пещере. Добравшись до входа, он обернулся.

— Ступай осторожно. Там внутри куча костей. Накопилось за тысячи лет.

— Все-таки он их съел?

— Вот заладила.

— Что заладила? Сколько лет Дракону нашему?

— Полторы тысячи.

— Ну вот! Попробуй посиди полторы тысячи лет на одной растительной пище.

— А ты пробовала?

— Нет. Я что, дракон?

— Ну, вот и заткнись! — снова рассвирепел Котту. — Вы что, все такие, девственницы-красавицы?

— Определяющее большинство.

Котту махнул рукой и утянул девочку во тьму пещеры. В глубине на стенах замерцал оранжевый отсвет. Здесь был вход в коридор — в конце виднелся огонь. Они двинулись по коридору, осторожно переступая кости. Коридор вывел их в подземелье, стены и потолок которого едва виднелись в огне большого открытого очага. На очаге в котелке закипала вода. За огнем, за языками пламени, в круге света лежала огромная голова Дракона. Перед головой находилась шахматная доска с расставленной партией. Напротив Дракона за доской на полу сидел полноватый круглолицый мальчик и сосредоточенно смотрел на фигуры. Когда Котту с девочкой появились в пещере, мальчик и голова Дракона обернулись к ним.

— Ого, — хмыкнул мальчик, остановив взгляд на значке Школы пиратов, который мрачно засверкал в огне очага. — Вот так гости. И чего тебе нужно, интересно знать? Честное слово.

— Привет, — поздоровался Котту. Он обогнул очаг с противоположной от Дракона стороны, присел рядом с доской и уставился в партию. — Тебе крышка, — он посмотрел на круглолицего мальчика. — Мат в восемнадцать ходов.

— Ты зубы не заговаривай, — отозвался тот, с неудовольствием покосившись на доску. — Зачем притащился? Что стоишь, — обратился он к девочке, которая в нерешительности замерла у огня. — Сядь, в ногах правды нет... Да ее вообще нигде нет.

Девочка осторожно присела рядом, и Котту спросил:

— А ты кто такой? Какая тебе разница, зачем я притащился?

— Он, собственно, твой коллега, — сказал наконец

Дракон, с интересом поглядывая на сверкающий пиратский значок. — Что у вас там, опять на гранит науки зубов не хватает? В этом году ты уже тут второй такой гость, — Дракон осторожно, стараясь не обжечь ребят, усмехнулся.

— А первого звали как? — спросил с интересом Котту. — Не Литца ли?

— Именно.

— У него не зубов, — хмыкнул Котту, — у него мозгов не хватает. Ты ему подписал бумажку?

— Нет.

— Почему?

— А подумать? — вмешался с раздражением круглолицый мальчик. — Слово дракона — не то, чем можно швыряться на ветер. Пусть сначала принесет удостоверение, что нашел старого капитана и украл у него карту с сокровищами. А бумажка про то, как он эти сокровища выкопал, и образцы — дело второе.

— Чего образцы?

— Сокровищ, чего еще?

— Даже так? — удивился Котту.

— А ты что думал? Здесь тебе не у вас. Здесь все авторитетно и по всем правилам.

— Хорошо, хоть у вас по всем правилам, — вздохнул Котту. — У меня тут такое дело...

— Кипит, — перебил Дракон.

Из темноты показался кончик хвоста. Сверкнув чешуей, он пронесся над головами и подхватил с очага булькающий котелок. Поставив котелок у доски, Дракон запустил хвост во мрак и достал связку подсохшей травы.

— Горная мята и снежный чабрец, — сообщил Дракон с удовлетворением. — Сам собирал. Лепя, сбегай в пещеру, притащи кубков.

Круглолицый мальчик поднялся, обошел драконью голову и скрылся во мраке. Через минуту он вернулся, держа четыре старинных кубка.

— Давай я сделаю, — сказала девочка и отобрала у мальчика кубки. — А то у вас всех только одно на уме, а руки кривые.

— Что именно? — отозвался Дракон с интересом. Девочка покраснела и завозилась с чаем.

— Я, кажется, понял, зачем вы пришли, — отозвался Дракон, следя золотым зрачком за девочкой.

— Ну так поможешь тогда?

— А я — нет, — отозвался круглолицый мальчик. — Пусть расскажет человеческим языком, в чем дело.

— Мне нужно удостоверение, в том, что... Слушай, а кто ты такой, вообще?

Хвост Дракона аккуратно коснулся плеча Котту.

— Говорю тебе, он твой коллега. Только с востока.

— С востока? — заинтересовался Котту. — Но на востоке, насколько я знаю, Школы пиратов нет?

— В том-то и дело, что нет, — вздохнул мальчик. — Так и умрешь безграмотным... Я самоучка. Потомственный.

— Ну, так давай к нам! — сказал Котту с воодушевлением. — У нас программа тяжелая, сам видишь, — он посмотрел на девочку, которая разливала ароматный чай, — зато подготовка качественная.

— Да знаю, — вздохнул мальчик, принимая дымящийся кубок. — Только мне поздно уже... Да и потом, я человек с востока. У нас менталитет другой. У вас на западе обо всем заботится государство. Ты только грабь себе добросовестно, да налоги плати, с караванов. А у нас всё на кухне выращивают, на подоконнике. Пираты все самоучки, говорю же. Так и умрешь безграмотным, — мальчик снова вздохнул.

— Учиться никогда не поздно, — сказала угрюмо девочка, отпивая чай из своего кубка.

— Учиться всегда поздно, девочка, — отозвался Дракон так же угрюмо. — Учат всегда тому, что давно всем известно. А у самоучек есть шанс, — золотой значок замерцал в сторону мальчика, — не умереть безграмотным. Так что ты, Лепа, не прав... Ну, так что за задание? Что нужно удостоверить? — Дракон обратил значок к Котту.

— В общем, задание звучит следующим образом, — Котту отхлебнул волшебного чая. — Ограбить караван, украсть девственницу-красавицу. Вопрос с караваном уже решен, бумаги есть, — он похлопал себя по груди. — Осталось удостоверить, что я украл девственницу-красавицу.

— Ну, что она девственница и красавица, я, положим, удостоверю, — значок замерцал в сторону девочки. — А насчет первого... Откуда мне знать, украл ты ее действительно? Может, одолжил просто, задание сдать? Я тебя первый раз вижу, не могу же я поверить тебе на слово.

Дракон высунул длинный раздвоенный язык и с наслаждением лакнул чая.

— Слушай, а где он ее взял, правда? — отозвался круглолицый мальчик, с шумом прихлебнув из кубка. — Задание на самом деле какое-то бесчеловеческое. У вас программа, я так понимаю, какая-то очень классическая. Еще с тех времен, когда бывали девственницы и красавицы... Ну, наверно бывали.

— Я те времена еще помню, Лепа, — отозвался Дракон угрюмо и осторожно вздохнул, обдав пещеру приятным жаром. — Красавицы действительно были, были даже девственницы, но на пиратов тогда еще не учили. Люди тогда, Лепа, были другие. Настоя-

щие. Это сейчас государство вынуждено даже пиратов в школах учить. Докатились, — Дракон угрюмо замолк.

— Значит, — тихо сказала девочка, отпивая чай маленькими глоточками, — как только закончились девственницы и красавицы, закончились и настоящие люди?

— Наоборот, — отозвался круглолицый мальчик. — Закончились люди — закончились и девственницы, с красавицами.

— Лепа, — осторожно вздохнул Дракон и лакнул чая. — Ты, как все умные люди, иногда говоришь глупости. Это процесс взаимозависимый. Девственницы вырождаются оттого, что люди перестают мыслить глобально. Не в пределах собственных норок.

— Да, но отчего люди перестают мыслить глобально? Не в пределах собственных норок?

— Оттого, что вырождаются девственницы? — сказала девочка тихо. — Процесс ведь взаимозависимый?

— Слушай, — сказал Котту с неудовольствием. — Вот вы тут сидите с этим, — он ткнул пальцем в сторону Лепы, — чай попиваете. Вам тут хорошо, в драконьей пещере, на драконьем Острове. Сокровищ куча, — он ткнул пальцем во мрак, — дураков нет миль на сорок вокруг. Можно и язык поточить, поумничать. А у меня только три дня осталось. А потом еще по «Умерщвлению неволевым оружием» зачет сдавать. А потом еще — по «Сопроотивлению человеческих материалов», а там такая вешалка, что... — Котту повертел ладонью.

— Я тебя понял, мой мальчик, — отозвался Дракон, лакнув чая. — Давай сюда экземпляр. Будем удостоверять.

— Вот это другое дело, — проворчал Котту, поднимая девочку и подталкивая ближе к Дракону. Девочка стала перед огромной головой, оправила плащ, покраснела и опустила глаза.

— Ну как, Лепа... Что скажешь?

Круглолицый мальчик отставил кубок, поднялся и медленно обошел девочку.

— Честно?

— А кого ты тут обмануть собрался?

— Мне нравится, — Лепа вздохнул. — Я бы ее сам украл. Кабы не цеховая солидарность.

— Значит, красавица?

— Ну-у... Видали и красивее... Но эта тоже сойдет.

Лепа еще раз обошел девочку, которая не поднимала глаз, вернулся к доске, плюхнулся на пол и вцепился в недопитый кубок.

— Это важное заключение, — отозвался Дракон. Из темноты вылетел кончик хвоста, сверкнув драгоценными чешуинами, покрутился над головами, снова исчез. — Он в этом разбирается, можете мне поверить. Приходилось всяких возить — и красавиц, и не красавиц. Сравнительный материал имеется.

— А девственниц? — заинтересовался Котту.

— А откуда ж их знать? — фыркнул мальчик с раздражением. — У них на лбу не написано.

— А вот здесь, Лепа, ты заблуждаешься. Ты просто молод еще, неопытен. Это как раз на лбу и написано. Так что удостоверяем.

— Правда? — оживилась девочка и подняла глаза. — Тогда давай бумажку и скажи им, чтобы не обманули! Чтобы деньги дали!

Дракон покосился на Котту.

— Я ее по объявлению нанял, — ответил тот

с неудовольствием и отвел глаза. — За четыре золотых. Что еще было делать?

— Так она еще читать умеет, — осторожно хмыкнул Дракон, обдав ребят приятным жаром. — Хочешь, мальчик, совет стреляного старика? Сдашь задание — девчонку не отпускай. Не продавай, не меняй, не закладывай — оставь себе, пригодится. Девственница, красавица, еще и читать умеет. Я честно думал, что такие уже закончились, лет восемьсот назад.

— Ты только им скажи, чтобы деньги отдали. А то снова обманут, а у меня документ есть!

Девочка вытащила из-за пазухи аккуратно сложенный лист бумаги, развернула и показала Дракону.

— «Для ответственного мероприятия требуется девственница и красавица, — прочитал Дракон. — Оплата три нет четыре золотых».

— А то обманут ведь, — девочка чуть не плакала.

— Откуда у тебя такой опыт? — поинтересовался Дракон. — Обманут, обманут?

— Люди говорят. Что обманывают. Девственниц.

— Что за бред такой, — с раздражением поперхнулся Лепа. — А не девственниц что, не обманывают? И, знаешь, надо все-таки хорошенько проверить, какая она девственница. Обманывают.

— Бумага есть? — спросил угрюмо Дракон, оглядев Котту.

Тот достал из-за пазухи чистый лист и перо.

— Пиши... Справка. Сим удостоверяется, что приложенный экземпляр по результату осмотра с пристрастием на самом деле является: а — девственницей, бэ — красавицей. Подпись... Двадцать третьего апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона... Меня то есть... Удостоверил я сам.

— А поверят? — круглолицый мальчик покосился на справку. — Что удостоверил ты сам?

— Положи бумажку сюда.

Из мрака вылетел кончик хвоста и указал на свободное место у стенки. Котту поднялся, прошел к стене, положил бумажку на каменный пол, отошел. Дракон очень осторожно дыхнул. Пещера наполнилась приятным жаром, бумажка обуглилась.

— А вот и печать.

Сверкнул кончик хвоста и с хрустальным звоном пронзил разложенную бумажку.

— Пусть попробуют не поверить, — осторожно усмехнулся Дракон. — Я, конечно, дела на старости лет запустил, надоело все до предела... Старость — не радость, а дураки множатся в экспоненциальной прогрессии. Но ведь могу и размяться, наведаться.

— Спасибо, — сказал Котту, осторожно складывая обугленную бумажку. — Пошли, как раз на южный караван успеем, — он взял девочку за плечо, обернулся к Дракону. — Ну, мы пошли.

— Сдашь задания — заезжайте в гости, — сказал Дракон и долакал чай. — Поболтаем, чаю попьем. У меня где-то горный хрен еще оставался. Сам собирал.

— Обязательно, — покивал Котту. — Только задания сдам.

Он кивнул, прощаясь, круглолицему мальчику. Они обошли очаг и вышли из подземелья.

* * *

В трактире, как обычно, было не протолкнуться. Котту, крепко держа девочку за руку, отпихивая нетрезвые ноги, колени, локти и плечи, пробрался к стойке, перевел дух, скинул капюшон.

— Привет, дядя Краббатабак. Ну и толпа у тебя сегодня.

— Толпа как толпа, — обернулся тот, протирая тарелку висящим через плечо полотенцем. — У вас, Котту, философию не проходят. А так бы ты научился себя утешать, что бывает и хуже. Ну, как дела? — трактирщик посмотрел на девочку. — Сдал?

— Сдал, — сказал Котту сдержанно. — Зачет.

— Я не сомневался, — кивнул трактирщик с удовлетворением. — Такие бумаги, такая организация... Ладно, больше не будем мучить девочку.

Он отложил сверкающую тарелку, достал из кармана четыре мерцающих золотых.

— Держи, — он протянул золото девочке.

— Спасибо, — ответила та еле слышно, взяла монеты, достала из-за пазухи маленький мешочек и аккуратно спрятала деньги. — Ну, я пошла?

— Котту, — трактирщик обернулся к мальчику. — Тебе старик насчет нее ничего не сказал? Дополнительно?

— Сказал, — вздохнул Котту. — «Сдашь задание — девочку не отпускай. Не продавай, не меняй, не закладывай». Оставь себе, говорит. Пригодится.

— Так я схожу, за веревкой? У меня веревки хорошие. Канаты с пристаней.

— Отпустите меня, — вздохнула девочка. — Пожалуйста. Мне надо забрать.

— Заберем вместе, — отозвался Котту угрюмо.

— А старших надо слушаться, девочка, — добавил трактирщик, сверкая лысиной в свете факелов. — Так что я пошел.

— За веревкой? — спросила девочка еле слышно.

— Нет. О веревках вам пока думать рано. Поживите, определитесь... Пойду вам насчет завтрака рас-

поряжусь. Со вчерашнего дня ведь не ели? А я обещал, каши.

— Не до еды было, — сказал Котту устало. — Ты что, дядя Краббатабак, не знаешь, что такое курсовая работа?

— Знаю, брат Котту, знаю. Поэтому сейчас будете завтракать.

Трактирщик провел их во внутреннюю комнату и ушел распоряжаться насчет завтрака. Котту скинул куртку на лавку, уселся за стол. Девочка осторожно присела на край лавки. В коридоре раздались крики, загремели каблуки; дверь распахнулась, и в комнату ввалилось четверо — Главный купец, Начальник пристаней и два румяных матроса с большим сундуком. Матросы пронесли сундук в угол, грохнули на пол и, сотрясая башмаками стены, ушли, оставив за собой запах терпкого бриза.

— Распишись, — Начальник пристаней развернул на столе бумагу, достал перо и дорожную чернильницу. — Вот здесь.

— Это... — Котту с недоумением вчитался в текст. — В смысле?

— Читать умеешь, пират?

— «Расписка. Сим удостоверяю, что я, Котту Бестрепетный, студент второго курса Школы пиратов на Побережье, получил причитающуюся мне одну четырнадцатую долю в счет ограбленного мной двадцать второго апреля тысяча пятьсот пятьдесят второго года Шестого дракона каравана в составе двенадцати судов средней величины». Подпись — Котту Бестрепетный.

— Ну, подписывай.

— Да мне, вообще-то, только задание сдать было надо...

— Ну, сдал?

— Да. Отчитался.

— Ну, и мы отчитались. Подписывай — где галочка.

Котту поставил подпись, Начальник пристаней свернул документ, спрятал перо и чернильницу.

— В общем, сдашь остальное — заходи. Отметим.

Начальник и Главный купец посмотрели на девочку, которая с любопытством следила за происходящим.

— Нашел все-таки?

— Представь.

— И как же? Интересное дело. Девственница, да еще и красавица?

— По объявлению.

— Она что, — Купец и Начальник переглянулись, — еще и читать умеет?! Знаешь что, Котту Бестрепетный... Оставь себе. Пригодится.

Начальник пристаней и Главный купец оглядели девочку и, покачивая головами, вышли. Котту подошел к сундуку и открыл тяжелую крышку. Золотые монеты торжественно замерцали. Девочка подошла и осторожно присела рядом.

— Я даже не знала, что столько денег бывает, сразу и в одном месте, — она осторожно потрогала кучу монет. — И что с ними делать?

— Не знаю пока, — сказал озадаченно Котту. — Надо будет садиться и думать. А вообще, деньги нужны, чтобы их тратить.

— А дай мне пока еще четыре монеты? Я сразу отдам.

— Сразу — это как?

— Ну... Заработаю — отдам.

— А зачем тебе, кстати?

— Надо.

— Я понимаю. Но все-таки?

— Книги купить. Нужные. Пока мне оставили. А то перехватят.

— Ну да, вот ведь еще проблема... Когда читать умеешь. Не переживай, никто у тебя их не перехватит. За четыре золотых тем более.

— Я отдам... Честно...

Заскрипела дверь, в комнату вошел трактирщик с подносом. Запахло ароматной кашей. Котту потянул носом и поднялся. Трактирщик поставил поднос на стол и подошел к сундуку.

— Они мне там дверь чуть не раздолбали, — он махнул полотенцем в сторону выхода. — Стол опрокинули. Клиентов перепугали.

— Твоих клиентов перепугаешь. Дядя Краббатабак, я у тебя его оставлю пока. Мне его ставить некуда. Ты где живешь? — Котту обернулся к девочке. — Может, у тебя поставим?

— Можно... В углу... Я столик давно хотела купить. Книги складывать.

— Так теперь шкаф купите? — хмыкнул трактирщик. — Бывают такие специальные, с полками. Книги складывать. Я видел такой, в детстве.

— У меня мало пока... На столике все поместятся...

— Ладно, — Котту уселся за стол, составил с подноса тарелки с кашей, плоску с хлебом и кружки с чаем. — Иди ешь садись. Поставим пока в углу, книги складывать. А там будем думать. В общем, дядя Краббатабак, мы у тебя его оставим пока. Ты себе отсыпь, сколько следует... А мы сейчас перекусим и книги пойдем покупать. Нужные. А то перехватят.

Девочка присела напротив, и они стали завтракать.

Волшебная книга

Рынок рабов в столице работал по вторникам, средам и воскресеньям. Самые большие торги проводились по воскресеньям — съезжалось столько покупателей, что на улицах было не протолкнуться. Больше всего народу толпилось на восточном краю Главной площади. Здесь продавались девочки, вещь в хозяйстве крайне полезная, и торговля шла особенно бойко.

Утром по городу прокатился ливень, день занимался пасмурный и холодный. Под ногами хлюпала слякоть, ветер срывал шапки и капюшоны, прозрачное солнце не грело. Вдоль клеток с девочками уже полчаса бродил мальчик в теплом плаще, сильно заляпанном грязью, — было похоже, мальчик явился издалека. Сначала он обошел ряды с клетками, внимательно разглядывая продаваемых девочек. Наконец остановился около одной клетки, всмотрелся в сидевшую на цепи грустную девочку, отвернулся и продолжил бродить по рядам. Через пятнадцать минут он снова остановился около этой клетки и снова внимательно оглядел девочку. Она подняла глаза и улыбнулась.

— Купи меня, — сказала девочка, — а то я замерзла. Холодно знаешь как.

— Тебе для чего? — обратился к мальчику прода-

вещ. — Если для опытов, эта вряд ли тебе подойдет. Она ненормальная.

— Мне не для опытов, — мальчик выдохнул клуб и плотнее завернулся в плащ. — Мне нужен ассистент для волшебного дела.

— Хм, — покачал головой продавец. — У нас тут нечасто покупают девочек в ассистенты для волшебного дела. Ну, эта сойдет, для волшебного дела. Она ненормальная. Только сразу скажу: стоит сто золотых. За такие деньги в другом месте ты купишь восемь ассистентов.

— А что так дорого? — мальчик еще раз оглядел девочку, глаза которой потухли, как только продавец назвал цену. — Девочек вон навалом, а ты — сто золотых?

— Ну да, обычную можно и за червонец купить. А эта, во-первых, из Перелесья — там девочки, если не знаешь, самые пухлые. Во-вторых, что главное, умеет читать. Говорю же тебе — ненормальная.

— Ну, так сделай скидку, раз ненормальная.

— Какую скидку, — удивился продавец, — раз ненормальная?

— И как ты ее раздобыл — умеет читать?

— Родители сдали, как еще? В государстве кризис, если не знаешь, деньги нужны. Или правда не знаешь? — продавец оглядел мальчика. — Ты сам-то откуда?

— Из Долины. У нас там тоже кризис, так что не умничай. Я вообще двоюродный принц, меня зовут Кассте, если не знаешь.

— Принц Кассте? — отозвался высокий человек, который последние три минуты с интересом прислушивался к разговору. — А тут говорят, что тебя променяли Дракону?

— Ну вот и хорошо, что так говорят, — кивнул мальчик. — Я этот слух сам пустил.

— Сам? — переспросил продавец недоверчиво.

— Сам. Я удалился в изгнание. Вы, наверно, не знаете, но я занимаюсь волшебством. А заниматься волшебством... Когда вокруг такой конец света... — мальчик неопределенно повертел ладонью.

— Да это понятно, — покивал высокий, — можешь не объяснять.

— И давно ты ушел в волшебники? — спросил продавец.

— Три года назад. И потом, у меня возникли идейные разногласия с дядей.

— Ну, это обычное дело, — отозвался высокий. — Зачем же сразу в изгнание?

— Он решил продать принцессу, мою двоюродную сестру, на Побережье. Если продавать девчонку, то хотя бы не этим кретинам! Можешь представить, что с ней там будет?

Продавец и высокий с понятием закивали.

— Холодно тут у вас, — мальчик еще плотнее завернулся в плащ и выдохнул очередной клуб. — Предгорья... Он, разумеется, меня слушать не стал — кто я ему такой... В общем, я ему нагрубил и удалился в изгнание. Да и вообще, меня с самого раннего детства тянуло к волшебникам. В общем, вот тебе деньги... — мальчик просунул окоченевшую руку за пазуху, вытащил туго набитый мешочек и вручил продавцу. — Тут как раз сто должно быть...

— Пересчитай, — кивнул высокий, — а то принцы, знаешь... Тем более волшебники...

— Да ладно, — махнул рукой продавец. — Про Кассте ничего плохого пока не слышали... А у тебя на жизнь-то осталось?

— Волшебство превыше всего, — надменно отмахнулся мальчик. — На еду хватит, а за башню я не плачу. В ней уже четыреста лет никто не платит.

— Ну, ладно... Если что, меня тут всегда найдешь, — сказал продавец, отпирая клетку.

Он снял девочку с цепи и вручил поводок мальчику.

— Ну, в общем, ты с ней осторожнее... Ненормальная как-никак. Зато умеет читать!

— Это как раз что надо, — покивал мальчик. — Ладно, не болейте. Будешь в Синих горах — заезжай ко мне в башню. Чаю попьем. Я на прошлой неделе такой мяты насобирал — сам удивляюсь, как еще такая осталась.

— Обязательно... Счастливо.

— Счастливо.

Мальчик взял поводок и, расталкивая толпу, повел девочку с площади. Наконец они вышли на центральную улицу. Мальчик дошел до ближайшего трактира и остановился.

— Как тебя зовут?

— Лёта, — радостно ответила девочка.

— Значит, ты из Перелесья? Не близко.

— Ну да! У нас нет рабовладельческих рынков. У нас сразу сюда везут.

— Значит, тебя родители привезли?

— Нет, просто сдали. К нам раз в неделю приезжают закупщики, по пятницам, вот в эту пятницу меня и сдали. У нас по соседству уже всех девочек сдали, я последняя. Кризис, сам понимаешь. Деньги нужны.

— Деньги всегда нужны, — усмехнулся Кассте. — При чем здесь кризис? Ладно, надо погреться и перекусить. А то холодно — вон смотри, ты вся дрожишь просто.

— Еще как! — сказала девочка радостно. Глаза ее сверкали яркими искрами в холодном воздухе. — Я уже часа четыре сижу! Знаешь, как замерзла! Так ведь думала, что и не купит никто, за такие-то деньги.

— Да, но ведь ты умеешь читать. А кто сейчас умеет читать? Уже никто не умеет. Не умеют даже профессора, что говорить про девочек.

— А как ты догадался, что я умею читать?

— По глазам, как же еще... Так, — Кассте подошел к обшарпанной двери. — Здесь, надеюсь, можно достать горячего эля и хлеба с сыром? — он запустил руку за пазуху и вытащил еще один мешочек, очень маленький. — На завтрак нам хватит, — он развязал мешочек и заглянул внутрь, — а на обед заработаем... Или придумаем что-нибудь.

— Сто золотых, — покачала головой Лета. — Это ведь немалые деньги!

— Все, что у меня было, — кивнул Кассте. — А что? Ты думаешь, принцы богато живут? Да еще в кризис? Кассте взялся за ручку и потянул.

— Слушай... — Лета перестала улыбаться. — А когда я тебе уже пригожусь, что ты со мной будешь делать? Продашь кому-нибудь?

— Нет, — обернулся Кассте. — Если я что-нибудь покупаю, я это уже не продаю и не дарю никому. Если для дела уже не нужно, заверну в рогожу и положу в чулан, например. Пусть лежит.

— Вот меня тоже тогда заверни, — сказала Лета с облегчением, — и положи в чулан. Только не продавай и не дари никому, ладно?

— Не переживай, — сказал Кассте и распахнул дверь. — Ладно, пошли, надо погреться и перекусить.

Они вошли в трактир, прошли в самый дальний

угол и устроились в полумраке под маленьким грязным окошком. К ним подбежал служка в заляпанном холщовом переднике.

— Нам по кружке горячего эля и по тарелке каши.

— Каши нет, — вздохнул служка.

— То есть как? — удивился Кассте. — Чтобы не было каши?

— Кризис, — вздохнул служка.

— Но эль-то есть?

— Эль-то всегда есть... А каши нет.

— А что есть? Хлеб есть?

— Черный и черствый.

— Полезно, неси. Сыр есть?

— Если поискать... Пара заплесневелых кусков, может быть, и найдется.

— Ну, поищи. Мы умираем с голоду.

— Так не только вы тут с голоду умираете. Мы, думаешь, не умираем? Купил? — служка кивнул на девочку. — Дорого?

— Сто золотых.

Служка оторопел.

— Сто золотых?! Это что, девочки уже сто золотых стоят?!

— Которые умеют читать — стоят.

— Она умеет читать?! Интересное дело... Ну, и зачем она тебе — умеет читать? Ты вообще хорошо подумал? Прежде чем такие-то деньги...

— Я волшебник. А волшебникам нужны ассистенты, которые умеют читать.

— Ну, вам, волшебникам, виднее... Сто золотых... Да на сто золотых... Ладно, сейчас принесу.

Служка укатился в дым и гомон.

— Волшебникам нужны ассистенты, значит, — из полумрака возник старик в драном плаще и плюхнул-

ся рядом на лавку. — Какой же ты волшебник, когда ты двоюродный принц?

— А что, — хмыкнул Кассте, — принцы не могут быть волшебниками?

— Принц, говоришь? — раздался голос из полу-мрака. — Уж не Кассте ли, часом?

— Ну, допустим, — отозвался Кассте в пространство. — А тебе какое дело?

— А люди говорят — тебя променяли Дракону?

— Люди говорят, а ты не слушай, — хмыкнул Кассте со злобой. — Уши развесишь, а потом тебе кризис. Какому Дракону? Дракон сидит у себя на Острове, и ему уже триста лет до людей нет никакого дела. Драконы вообще не едят мяса, если не знаете.

— То-то и плохо, — покивал старик. — Прилетал хотя бы разок в десять лет, глядишь — порядок хоть какой был бы. А ты, если принц, взял бы да навел порядок?

— Во-первых, я принц двоюродный. Пока до меня дойдет очередь, наводить порядок будет негде. Во-вторых, чтобы навести порядок, нужно заставлять людей что-то делать, что-то им объяснять. А люди и так знают всё лучше всех, что кому и как нужно делать. Зайди на любую кухню, послушай. Посидишь полчасика — материала наберешь на три конституции. Так что пусть они и наводят порядок. Сначала у себя на кухне, хотя бы. А у меня настоящее дело. Кстати... — Кассте с наслаждением отхлебнул горячего эля из кружки, которую грохнул на стол служка, и пододвинул Лете вторую. — Если вы тут такие все умные, расскажите, как скорее добраться до Забытого камня.

— Тебе что, в Замок надо? — старик хлебнул эля из своей кружки. — Была дорога через Коричневый бор, так и та в болото ушла, лет десять назад. А зачем

тебе туда нужно? Там ведь нет ничего, всё давным-давно растаскали.

— Я туда не грабить иду, — хмыкнул Кассте с раздражением. — Одно на уме — растаскали... Ладно, не мешай нам завтракать, — добавил он, когда служка грохнул на стол плошку с засохшим хлебом и заплесневелым куском сыра.

— Ты что, собираешься это есть? — старик наклонился, понюхал сыр, поморщился.

— А что?

— Ты же принц?

— Ну да. Дорогой сыр с плесенью. Руки прочь от королевского блюда. Дай принцу позавтракать.

— Эй, принц, — снова раздался голос из полумрака. — За два медных могу подбросить до Серых клыков. А там до Забытого камня дойдешь за полдня.

— Это как же он дойдет за полдня? — отозвался в пространство старик и отставил пустую кружку. — По какой же такой дороге?

— Допил? — из полумрака возник коренастый бородач в одежде купца и положил на плечо старику ладонь. — Отчаливай, — он схватил старика за руку, оторвал от лавки, вытолкнул в полумрак, обернулся к Кассте и улыбнулся. — Он тут ко всем пристаёт, натура у него такая... Купил? — купец кивнул на поводок, который по-прежнему свисал с шеи у Леты.

— Сейчас позавтракаем — сниму, — кивнул Кассте, с трудом откусывая кусок хлеба.

— В общем, жду у ворот, — сказал купец. — Не переживай, к сумеркам будешь у своего Камня.

* * *

— Я так понял, ты тут всех знаешь, — сказал Кассте, взглядываясь в пасмурную даль. — Как бы дождь

не пошел... Так вот, ты, может быть, знаешь Отшельника?

Повозка со скрипом катилась по битому камню дороги. Было сыро и холодно. Лета зябко куталась в свой плащик. Кассте достал из мешка запасную куртку и завернул девочку.

— Ой, здорово... — у Леты зуб на зуб не попадал. — А то я так замерзла с утра — сказать страшно.

— Скажи спасибо, что вообще купили, — ослабился купец. — Он бы еще двести за тебя запросил. В наше-то время, ха-ха-ха.

— Ну да, — кивнул Кассте. — Грамотному быстрее замерзнуть насмерть, чем купить. За Горами, я уверен, оторвали бы с руками, а здесь...

— А ты был за Горами? — покачал головой купец. — Может быть, там нет ничего, за Горами.

— Ну как же, — обиделась Лета. — У меня дома в книжке про Загорье написано! И с картинками! Знаешь, какие красивые!

— В книжке, — ухмыльнулся купец. — С картинками. Вот когда сама попадешь в Загорье, да сама посмотришь, да еще на трезвую голову, вот тогда и поговорим. Откуда ты знаешь, что там на самом деле? В книжках написано... У нас на сараях тоже, знаешь, написано. Забегаешь — а там дрова.

— Ладно, хватит вам, — перебил с раздражением Кассте. — Ты лучше скажи, как мне попасть к Отшельнику.

— Да, только она пусть расскажет, откуда у нее дома книжки, в наше-то время.

— Были, — надулась Лета. — А ты дубина неотесанная.

— Ну, в общем, ты понял, что купил? — расхохотался купец.

— У каждой медали есть обратная сторона, — отмахнулся Кассте. — Она мне нужна для важного дела, а дело такое, что придется терпеть.

— Какие вы хамы, — надулась Лета еще больше. — Я еще ничего не грубила, а вы уже такие гады. Отпустите меня, я уйду.

— Да сейчас прям, — расхохотался купец еще больше. — Сто монет — и «уйду». Сиди уж. Ты бы лучше книжек купил, вместо девчонки. Толку было бы больше.

— В том-то и дело, что у меня есть одна книга, которую я сам не прочитаю.

— То есть как это, интересно? — купец оторвал взгляд от угрюмого сизого горизонта и обернулся к Кассте. — Ты что, сам читать не умеешь? Ладно принц, но волшебник-то?

— Ты ничего не слышал про Волшебную книгу?

— Это в которой записаны тайны мира?

— Ну, тайны записаны там не все, только одна, но самая важная. Так вот эту книгу можно прочесть только вдвоем и только с девочкой, которая умеет читать так же, как ты.

— А откуда ты знаешь, что она, — купец ткнул Лету кнутом, — умеет читать так же, как ты?

— Это по глазам видно — по-моему, ясно, — ответил с раздражением Кассте. — Почему вы все такие слепые?

— Люди как люди, а что? — усмехнулся купец. — Так ты, значит, хочешь сказать, что просто так взял да пошел на базар? И просто так взял да купил девчонку, которая читает так же, как ты?

— Ну, допустим, на базар я взял да пошел не просто так. Я уже полгода хожу по рынкам. Если хочешь знать, я обошел все три столицы Долины, все семь

столиц Побережья, все девять столиц Плоскогорья. И нашел только у вас, в девятой. Так что найти девочку, которая читает так же, как ты, нелегко.

— Ну да, — купец посерьезнел и покивал, — полгода еще не срок. Я вон свою, в свое время, искал года три. Правда, читать она у меня не умеет, но хотя бы видит как я. Ну, почти так же, как я.

— А ты свою тоже купил? — Лета отвернулась от угрюмого осеннего леса и сиреневых гор на горизонте. — И дорого?

— Нет, свою я нашел, на Побережье. Ездил по торговым делам и нашел, обычное дело. Я езжу, вы понимаете, много.

— А я так давно хотела куда-нибудь съездить... Какой воздух! — Лета втянула носом влажный холодный аромат предгорий. — Какой свежий! Не то что в городе.

— Какой может быть в городе воздух, — купец усмехнулся, — когда там люди живут. Ну, а Отшельник тебе зачем?

— Во-первых, он читал Книгу, в свое время, и с ним не мешает поговорить. Во-вторых, он сварил Зелье истины, его тоже не мешает глотнуть.

— Так он, может быть, потому и пошел в отшельники, что прочитал Книгу? — Лета, кутаясь в куртку, завертела головой между купцом и Кассте. — Узнал Тайну мира и пошел в отшельники?

— Так ты это, — покачал головой купец, — может быть, тоже поосторожней?

— Как бы тебе сказать, — ответил Кассте не сразу. — Войди в мое положение. Принц я двоюродный. Денег у меня нет. Ты не думай, что если я принц...

— Ха-ха-ха! — расхохотался купец так, что чуть не упал с повозки. — Это ты мне говоришь? Да мне са-

тому три принца столько должны, что страшно подумать. Один с Побережья, один из Долины, один с Северной стороны... И ведь не отдадут, гады. Думал продать в долговое рабство, да какие с этого деньги... Сами с голоду сдохнут. Так что, — купец хлопнул Кассте по плечу, — я тебя понимаю. В жизни у тебя больше ничего не осталось, осталось только познать Тайну мира.

— Ну да, — вздохнул Кассте. — Ты прав. Государства, чтобы им управлять, у меня нет и не будет. Денег, чтобы тратить как полагается принцу, у меня нет тем более и не будет тем более. В кризис тем более. Хотя бы последние деньги — копил три года — всю жизнь, можно сказать, — потратил на нужное дело. Теперь буду знать Тайну мира. А потом, скорее всего, и пойду в отшельники.

— Только ты обещал, что меня ни продашь, ни подарить! — всполошилась Лета. — Обещал ведь!

— Не знаю, какое оно на самом деле важное, это дело, — купец отвернулся в пасмурную даль, — но у тебя, друг Кассте, теперь есть девочка, которая читает так же, как ты. А это очень немало, поверь старику... За это стоит отдать все, что копил всю жизнь.

— Старику? — удивилась Лета, оглядывая купца. — И сколько же тебе лет, старик? На тебе седой волосинки нет.

— А почему я должен быть седой, если старый? — купец расхохотался и подхлестнул лошадей. — Старый что — обязательно значит дряхлый и мерзкий?

— Нет, ну привыкли все... — Лета смутилась и покрасовела. — Старый должен быть как сморчок... Ну, хотя бы седой...

— Должен, девочка, именно должен! — купец снова расхохотался так, что чуть не упал с повозки. —

Кому должен? И сколько? Так, — купец перестал хохотать, огляделся и остановил лошадей. — Приехали.

Они остановились на повороте. Здесь дорога уходила направо, огибая коричневое болото. Налево шла едва заметная тропка и растворялась в пасмурной дали, в которой мерцали угрюмые осенние горы.

— Воняет... — Лета втянула носом тяжелый воздух.

— Конечно, — купец расхохотался. — Болото оно и болото, чтобы вонять!

— Значит, — всмотрелся Кассте, — по этой тропинке...

— Когда-то это была мощеная дорога, не в пример этой, — купец махнул кнутом вправо. — Сами поймете... В общем, по этой, ха-ха-ха, тропинке вон до тех самых скал, — он еще раз махнул кнутом. — Оттуда направо и до предгорий. Отшельник живет вон за тем перевалом... Во всяком случае, жил, когда я там был в последний раз.

— А ты там был? — обернулась Лета. — И его видел?

— Конечно, — расхохотался купец. — В общем, Забытый камень еще в ту сторону дальше, но если вы сначала к Отшельнику, он расскажет. Ну, прощайте! Передавай привет папаше своему королю, царствие ему небесное.

— Не дожدهшься, — усмехнулся Кассте, протягивая купцу медяки.

— Не знаю, не знаю... — купец спрятал медяки в кошель, затянул его и уложил за пазуху. — Гиблое затеял ты дело, волшебник, — он посмотрел на Лету.

— Ах, ты гад! — возмутилась та и даже подпрыгнула. — Значит, я...

— Да ты здесь при чем, — отмахнулся купец и тронул поводья. — Это судьба. Ну ладно, счастливо!

Повозка со скрипом и стуком покати­лась по ка­менистой доро­ге.

— Ладно, пошли, — Кас­те вгляделся в пасмурный горизонт. — Скоро начнет тем­неть, а тропинку и так еле видно.

* * *

— Сколь­ко у тебя книг! — с ува­жением вос­хи­ти­лась Лета, про­жа­живаясь вдоль шка­фов. — Ты что, их все прочитал?

— Почти, — кивнул Отшельник, сверкнув лысиной в ярком свете лампы. — Есть вещи, конечно, которые читать вовсе не обязательно, полный мусор, но я и те просмотрел.

— Зачем тебе полный мусор?!

— Понимаешь, есть такой закон, — Отшельник отошел в угол и загремел посудой. — Называется «в бочке меда ложка дегтя». Обратная сторона у этого закона называется «в бочке дегтя ложка меда».

— Понимаю, понимаю! — засмеялась Лета, стащив с полки большую книгу и раскрыв на середине. — Ты хочешь сказать, что иногда во всем полном мусоре попадаются полезные вещи... Но сколько мусора надо перекопать? Полного? И какой смысл?

— Еще как попадают­ся, — отозвался Отшельник. — В каждой куче навоза будет своя жемчужина. В семье не без урода, это еще закон, по которому существует мир. Тут уж ничего не поделаешь, а смысл такой — в поисках ценного не гнушайся копать­ся в... Ну, в общем, ты поняла.

— Конечно! Слушай, а что это за язык такой? Я даже не думала, что такой бывает! — Лета круглыми глазами разглядывала диковинное переплетение букв на страницах. — И что, на нем даже говорить можно?

Отшельник, с чугуном в руках, подошел и заглянул в книгу.

— А, этот... Можно — было. Две тысячи лет назад.

— Правда?! — Лета оторопела. — А книга...

— А книга вот, видишь, осталась. И мы сейчас можем прочесть, что думали люди в то время.

— И ты тоже, — Лета благоговейно оглядела вязь букв, — можешь прочесть?

— Да, я знаю этот язык. Этот язык надо знать, если считаешь себя образованным человеком. На нем написаны все древние мудрости. То есть все мудрости нашего мира, потому что нового с тех пор не придумали... И не придумают.

— А научи меня читать на этом языке! — Лета осторожно поставила книгу на место. — Ведь правда. Если вокруг такой конец света, хоть в древних книгах, может, что-то осталось.

— В древних книгах все и осталось, — отозвался Кассте из-за стола. — А покупать современные книги — только деньги на ветер бросать. Народ сам знаешь какой, в наше время особенно. Что дают, то и жрет. А лавочники только и рады. Зачем корячиться, готовить что-то хорошее, когда и всякую дрянь поглотают. Тем более, какая сегодня еда? Одно название. Вот и ходят все со вспученными животами. Воздух только портят.

— Фу, грубиян! — рассмеялась Лета. — Ты знаешь, он, оказывается, такой матерщинник! — она обернулась к Отшельнику. — Весь день так страшно ругается.

— Например?

— Ну, — задумалась Лета, — вот это он сегодня несколько раз повторял... Если можно...

Она с трудом произнесла непонятное слово. Отшельник кивнул.

— На древнем языке это значит «кстати».

— На этом? — ужаснулась Лета и уставилась в корешок книги, которую только что вернула на полку.

— Нет, на другом... Древних языков было много. Люди не первую тысячу лет живут. Ладно, давайте к столу. Мудрость мудростью, а желудок уважать надо.

Отшельник подошел к столу и стал раскладывать по тарелкам жирную желтую кашу. По всей комнате вкусно пахло.

— Ой, как пахнет! — Лета подпрыгнула и потеряла ладошки. — А мы, знаешь, с утра ничего не ели!

— А это что у тебя? — Кассте приподнял край холстины и посмотрел в плошку. — С репой? Это где же ты репу нашел, в наше-то время?

— Вон там, — Отшельник махнул рукой в окно. — В огороде.

— Репа? — Лета подскочила к столу и тоже заглянула в плошку. — Вот это и есть репа? Я про нее в книжке читала!

— Я все себе сам выращиваю, — кивнул Отшельник, раскладывая по тарелкам ароматную репу. — Во-первых, мне все-таки целый день до ближайшей деревни. Во-вторых, не буду же я покупать еду в лавке! Я же не враг своему желудку. Мне нужна ясная голова и здоровое тело.

— Ой, как вкусно! — Лета проглотила ложку каши и зажмурилась. — Это что, простая обыкновенная каша? Без всяких приправ?

— Конечно без всяких, — Отшельник с неудовольствием хмыкнул. — Зачем нужны приправы, когда продукт хороший? Приправы нужны для того, чтобы скрыть некачественный продукт. А если помидор, например, хороший, то ему и соль не нужна.

— А где ты кашу берешь, такую? — Кассте внимательно жевал кашу. — Каша вообще какая-то просто волшебная.

— Ну, кашу я не выращиваю, каша у меня по знакомству. Есть пока еще пара мест, где можно найти нормальную кашу.

— А где? — подскочила на стуле Лета.

— Так я тебе и сказал, — усмехнулся Отшельник. — Это страшный секрет. Лучше спроси у меня, в чем Тайна мира... Ладно, давайте по делу. Понимаешь, в чем здесь особенность, — Отшельник задумчиво пожевал репу. — Волшебная книга волшебная тем, что открывается каждому по его мыслям. Понимаешь, Тайна мира одна, но одна сама по себе. А для нас с тобой она уже будет разная.

— Вот этого я, честно сказать, до сих пор полностью не пойму, — отозвался Кассте расстроено. — Как вещь может быть одновременно одна и ее может быть одновременно несколько?

Лета от интереса даже перестала жевать. Она замерла с ложкой в руке и оглядывала Кассте с Отшельником.

— Ты жуй давай, — покосился на девочку Кассте. — Остынет. Кашу нужно есть пока она горячая, а то это уже не каша.

— Вот ты сам и ответил на свой вопрос, — кивнул Отшельник. — Пока каша горячая, она вкусная. Когда остынет — невкусная, но по существу она по-прежнему каша?

— Ну да... — задумался Кассте. — По существу она по-прежнему каша.

— Только уже другая! — подхватила Лета. — Холодная и невкусная. Но ведь кашу и подогреть можно!

— Что за вздор, — рассердился Кассте и даже отложил ложку. — Вот гретая каша — это точно уже не каша! Не болтай чепухи.

— Нет, почему же... — смутилась Лета и порозовела. — Но ведь греют же кашу...

— Кто греет? — спросил Кассте сурово.

— Люди...

— Люди греют, потому что привыкли питаться помоями! Каша должна быть явной! Сварил — съел! Греть кашу — кощунство!

— Ладно, ладно, — примирительно вмешался Отшельник. — Кашу на самом деле лучше не греть. Гретая каша на самом деле уже не каша. Все в мире имеет свое место и время. Если каша остыла, значит, остыла — выбрасывай, а лучше снеси в курятник и забудь про нее. Сейчас будем пить чай с Зельем истины.

— Ага! — оживился Кассте. — Ты все-таки его сварил! Бывает, люди не врут, получается?

— В семье не без урода, говорю же, — Отшельник поднялся и стал собирать пустую посуду.

— Дай сюда, ты не умеешь! — подскочила Лета.

Она забрала у Отшельника тарелки, чугунок, плошку, ложки и унесла в угол, где стоял чан для мытья посуды.

— Только умеете умничать, а посуду со стола собрать — руки кривые.

— Она мне сегодня весь день хамит, — отозвался Кассте. — И привыкнуть-то не привыкнешь — хамит каждый раз по-новому.

— Любишь кататься, — усмехнулся Отшельник, — люби и саночки возить. Сколько ты за нее заплатил?

— Сто золотых.

— Ну, вот и терпи теперь на сто золотых.

Отшельник прошел в другой угол и вернулся

с красивой стеклянной бутылкой. В бутылке плескалась темная жидкость.

— А оно без спирта? — подскочила Лета, вытирая руки холстиной. — А то я не буду!

— Без спирта, — усмехнулся Отшельник. — Истинное волшебство на спирте не бывает.

— А как же «истина в вине»?

— Начиталась?

— Лета, замолчи и садись пить Зелье! — рассердился Кассте и хлопнул ладонью по столу.

— А то я не буду... — Лета снова порозовела. — Я не пью ведь...

Она уселась на свое место и уставилась на бутылку. Отшельник разлил по глиняным чашкам ароматный чай.

— Мята, Melissa, чабрец, корица... — Кассте втянул носом запах. — И что-то еще? Не пойму...

— Горный хрен. Осталось вот немного, с прошлого года, а так весь ушел, в этом году ничего не собрал.

— Хрен? — подскочила Лета. — Хрен — и в чай? Да еще с Зельем истины?

— Лета! — Кассте пристукнул ладонью. — Во-первых, это горный хрен. Во-вторых, при чем здесь Зелье истины?

— Ну, как при чем... — растерялась Лета. — Хрен ведь... Как же хрен с истиной?.. То есть истину с хреном...

— Лета, — улыбнулся Отшельник, сверкнув лысиной в свете лампы, — успокойся. Это горный хрен, все нормально. Поверь старику. На вот, попробуй...

Он налил чая и пододвинул Лете. Девочка с недоверием понюхала горячий янтарный напиток.

— Пахнет, — признала она чуть не плача. — Но как же так? Ведь хрен же... В чай — и хрен?..

— В чай еще не то можно засунуть, — сказал Кассте сурово. — Так что пей давай и не бойся. Здесь все свои. Лета с опаской отхлебнула ароматного чая.

— Эх ты, как вкусно... — она в ужасе посмотрела на Отшельника и Кассте. — Как же так?

Отшельник разлил Зелье по маленьким хрустальным стаканчикам. Сочно-багровая жидкость заискрилась в уютном свете лампы. Лета заворожено смотрела на Зелье.

— А я думала — ты его в чай?

— Лета! — рассердился Кассте. — В какой чай? Кто мешает истину с чаем? Зелье истины пьют только отдельно. Запивать, конечно, можешь чем хочешь, это уже твое личное дело.

— А почему оно пахнет дубовой корой? — Лета взяла свой стаканчик и осторожно повела носом.

— Зелье истины лучше варить на дубовой коре, — Отшельник пригубил свой стаканчик. — У нее крепящий эффект.

— А, знаю, читала! Дубовую кору пьют от поноса!

— Так что пей, не бойся, — кивнул Кассте и отпил из своего стаканчика. — Спать будешь спокойно.

— Оно горькое! — удивилась Лета, отпив глоток вязкой жидкости. — Не скажу, что противное... Даже наоборот как-то... Но ведь горькое просто ужасно!

— Разумеется, — кивнул Отшельник. — Ты что, думала — Зелье истины будет сладким? Я таких рецептов не знаю.

— А если добавить, например, меда побольше... Или испортится? По рецепту нельзя?

— По рецепту нельзя, — сказал Кассте сурово. — Пей до дна! У нас завтра Книга, не забывай.

— А сколько оно действует? — Лета держала перед собой стаканчик и смотрела на него нерешительно.

— Всю жизнь, — ответил Отшельник. — Это истина.

— То есть, — прошептала Лета, — если я сейчас выпью этот стаканчик, то-о-о...

— Тебе захочется еще стаканчик, — кивнул Кассте. — Это истина. А потом еще стаканчик.

— А мне плохо не станет?..

— Только не выпей всю бутылку за раз.

— Не станет, — отозвался Отшельник. — Всю бутылку за раз выпить и не получится.

— Почему? — Лета поднесла к губам стаканчик и остановилась.

— А ты попробуй.

Лета сделала глоток и зажмурилась.

— Ой, — прошептала она через минуту. — Мне, кажется, хватит... Ой-ой-ой...

— Ну как?

— Мне хватит... Пока... Потом я, конечно, выпью еще глоточек... Или два, может быть... А пока хватит... — Лета, не разжимая век, нашарила кружку с чаем и, обжигаясь, выпила половину. — Ужасно вкусно, — прошептала она, разжмурив глаза. — Но это просто ужасно... И что теперь будет?

— А что должно быть? — усмехнулся Отшельник.

— Ну как... Это же истина... Она ведь действует на желудок? Как-то?

— Действует еще как, — кивнул Отшельник. — Только на каждого по-разному. Что именно будет с тобой — не знает никто. Я, например, когда сварил себе первую чашку, стал лучше видеть.

— У тебя было плохое зрение?

— Обычное. Смотришь, смотришь, и ничего не видишь.

— А откуда ты взял рецепт? — Лета еще раз понюхала недопитый стаканчик и отставила в сторону. — В Книге? Ты ведь ее читал!

— Книга здесь ни при чем. В Книге таких вещей нет. Рецепт этого Зелья ни для кого не секрет, просто сварить сумеет далеко не всякий. Даже если тысячу раз прочтает рецепт и тысячу раз попробует. И потом, самое главное, — рецептов-то на самом деле много. Открой любую книгу по волшебству, штук десять обязательно будет. А лучше будет, конечно, если ты составишь для себя рецепт сам.

— И как же так? — удивилась Лета и осторожно допила чай. — Истина ведь одна?

— Истина, конечно, одна, — ответил Отшельник, собирая стаканы и чашки. — Но рецептов Зелья может быть миллион. И у каждого будет свой.

— Ой... — зашептала Лета, схватившись за край стола. — У меня, кажется, живот заболел... Ой-ой-ой...

— Не выдумывай, — разозлился Кассте. — Утром ели в трактире такую гадость, и все было нормально?

— Не горячись, — отозвался Отшельник из угла. — Сначала бывает. Потом-то привыкнет... Ладно, давайте спать, завтра вставать рано.

* * *

Утро выдалось еще мрачнее и холоднее, чем день накануне. Низкие облака царапались о верхушки застывших деревьев. Ветер злобно шумел окоченевшими ветками. Вороны, которые каркали вчера весь день до вечера, спрятались и ждали солнца (изредка, впрочем, перекаркиваясь из невидимых гнезд). Было холодно, тоскливо, противно.

— А у тебя нет ничего, кроме этого твоего плащика, — Кассте с неудовольствием оглядел Лету.

— А твоя куртка? — обиделась Лета и погладила куртку, натянутую поверх плаща. — В ней ведь тепло, знаешь как!

— Знаю, что это не куртка, а чепуха на растительном масле, — хмыкнул Кассте и пощупал тонкую ткань. — Так, от ветерка просто.

— Ну и нет! — обиделась Лета. — В ней очень тепло и уютно. А ты дурак и ничего не понимаешь.

— Сейчас в глаз дам, — отозвался Кассте, оглядывая долину.

— А ну-ка, дай... — Лета тоже взгляделась в угрюмую даль. — А потом я тебе так двину... Ой, смотри, это и есть наш Замок, куда мы идем? — она протянула руку к холодному горизонту. — Где лежит Книга?

— Попробуй двинь только, — кивнул Кассте. — Я за тебя сто золотых заплатил, не забывай.

— Вот и получишь на сто золотых, — ответила Лета вредно. — И даже на в два раза больше.

— Почему?

— Потому что ты принц.

— И что?

— У принцев работа ответственная. Им мозги вправлять нужно в два раза чаще.

— Но я сейчас не работаю. Я вообще-то в изгнании.

— Ну и что? Ты ведь принц в изгнании, или кто в изгнании? Так что заткнись.

— Ладно, заткнись, — Кассте хмыкнул. — Дело требует жертв... Пошли, нам туда, — он махнул рукой в пасмурную долину. — За мной, — он начал осторожно спускаться по влажным камням.

— Слушай, — радостно сказала Лета, вприпрыж-

ку спускаясь за ним. — А зачем тебе вообще нужна эта Тайна мира?

— Ты не грохнись смотри, — отозвался Кассте с неудовольствием, оборачиваясь. — Ты мне нужна живая-здоровая, хотя бы до вечера.

— Ничего со мной не будет, — отмахнулась Лета. — Не пропадут твои денежки. Ну так зачем? Не увиливай!

— Как зачем? Ты что, не хотела бы знать Тайну мира?

— Нет, зачем?

Кассте даже остановился.

— Как это — нет?..

— А так! — Лета подскочила к Кассте и поправила ему воротник. — Зачем она мне нужна? Да еще за такие деньги.

— За какие?..

— Сто золотых!!! Да я бы за сто золотых... У меня бы все дома сверкало! Как золотое... — Лета даже расстроилась.

— Ну, во-первых, дома у меня нет, — сказал Кассте сердито. — Я живу в башне по знакомству. А во-вторых, ты дура и ничего не понимаешь.

— Если заплатил за девочку сто золотых, — обиделась Лета, — это не значит, что можно на нее обзывать. Дурак.

— Ладно, проехали, — Кассте отвернулся и зашагал по едва заметной тропинке.

— А еще принц! — крикнула Лета в спину.

— Да ладно, проехали, говорю! — закричал Кассте в небо.

— Волшебник несчастный... Вот как не буду читать что тебе надо, и хоть тресни.

— Только попробуй.

Кассте остановился и обернулся. Лета, весело бегущая вслед, налетела на Кассте, и они стукнулись лбами.

— Ай, ты что!

— Это ты ай, ты что! — Лета отскочила, потирая лоб. — У меня искры из глаз!

— У меня тоже, — Кассте тоже стал тереть лоб. — Знаешь что, иди впереди лучше. Мне так легче тебя контролировать. Сто золотых все-таки.

— Что у тебя за воротник такой дурацкий! — рассердилась Лета, подскочила к Кассте и снова стала поправлять воротник. — Откуда у тебя эта куртка?

— А что, не нравится?

— Ужасная! Ты в ней как попугай драный какой-то.

— Это почему драный? — рассвирепел Кассте. — Почему драный-то?!

— Потому что! — разозлилась Лета. — Кто так шьет?! — она дернула за воротник, который чуть не оторвался. — Это что за ерунда лохматая? Это что, по-твоему, воротник?

— Я так шью, и по-моему да! — Кассте отцепил Лету от воротника и отпрыгнул в сторону. — И вообще заткнись, тебе говорят! Твое дело идти, сопеть в трубочку и прочитать Книгу, когда мы до нее дойдем. Если мы до нее дойдем...

— Ты?.. — Лета растерялась. — Ты сам сшил?.. Такая хорошая куртка... Так здорово получилось...

— Ну, вот и замолчи тогда, — Кассте отвернулся, поддернул за плечами мешок и сердито зашагал дальше.

— Ой, прости... — Лета побежала вслед. — Я же не знала... Если бы ты сразу сказал... Что сам сшил... Я честно не знала...

— И что? — отозвался Кассте в мрачное небо. — Тогда бы я не узнал твоего истинного отношения к этой куртке. А теперь-то я все знаю.

— А я наврала, — Лета всхлипнула. — Куртка с самого начала была отличная. Я просто тебя побесить хотела.

— Зачем же?

— Чтобы ты знал.

— Чтобы я что знал?

— Просто.

— Так, значит, куртка хорошая? — усмехнулся Кассте.

— Обалденная.

— И ты, значит, врунья?

— А ты дурак и ничего не понимаешь.

— А что я должен понять? Что ты врунья страшная?

— Ах, ты гад! — вспыхнула Лета, скачком догнала Кассте и треснула его по затылку. — Если заплатил за девочку сто золотых...

— Да я не про это! — Кассте в ужасе отскочил. — Я не это имел в виду!

— А что ты имел в виду, хам такой?

— Ты меня теперь до гроба будешь попрекать этими деньгами?

— Да! Купил, так теперь...

— Все! — Кассте замахал руками. — Проваливай! Я тебя отпускаю! Вали куда хочешь! Куртку можешь оставить себе.

— Нетушки! — Лета погладила куртку. — Поздно! Идем читать Книгу! — она подскочила к Кассте и дернула его за воротник. — Ну что стоишь? Ты что, не хочешь познать Тайну мира?

— Я, кажется, ее уже знаю, — Кассте с трудом

отцепился от девочки. — Ты мне весь воротник оторвешь!

— А ты шей лучше, — всхлипнула Лета. — Грубиян. Я не страшная! И умею читать. А ты вообще хам. И вообще, не умеешь шить — не трогай иголку. А то без пальцев останешься.

— А ты умеешь?

— Получше некоторых.

— Ну, вот и шей мне куртку.

— Еще чего. Я тебе белошвейка, что ли?

— За такие деньги я мог бы купить пять белошвейек минимум!

— А что же не купил тогда? — разозлилась Лета. — Ходил бы хотя бы как человек, — она снова подскочила к мальчику и дернула за обвислый рукав. — Тайна мира, Тайна мира, а на самого посмотреть стыдно! И не стыдно тебе самому, кстати, познавать Тайну мира в таком виде?

— Что ты понимаешь, дура! — расвирепел Кассте еще больше, с усилием разжимая пальчики. — При чем здесь Тайна мира и куртка? И говорят же тебе — я в изгнании! Мне такой вид полагается!

— Кем же он тебе полагается? — Лета вцепилась в другой рукав. — Первый раз слышу, что в изгнании полагается ходить как из помойки!

— Интересное дело, — возмутился Кассте. — А как же еще ходить в изгнании? Ты что, не понимаешь, что такое изгнание? Ты что, правда не понимаешь?

— Не понимаю! — Лета треснула Кассте по затылку. — При чем здесь изгнание? Ты принц или кто? Как принцу можно ходить в отребьях?

— В чем?

— Ну, в лохмотьях, какая разница. Ты принц или кто?

— Я волшебник! У меня важное дело! Я копил деньги на дело, а не на какие-то тряпки!

— Еще не хватало, чтобы ты копил деньги на тряпки! — Лета еще раз треснула Кассте по затылку. — А нормальную одежду можно купить и недорого! На шесть медяков можно вполне прилично одеться!

— И где же можно прилично одеться на шесть медяков?

— Места надо знать... — Лета отцепилась от рукава и снова поправила Кассте воротник. — Да стой ты, не дергайся... Вот, хоть на человека теперь похож, хоть как-то... Познаем Тайну мира, сразу купим шерсти, локтей шесть, я тебе сошью нормальную куртку. Дурак... Да стой, не дергайся, говорят тебе.

— Да стою, стою, — Кассте перевел дух. — Не было печали... Купила бабка поросенка.

— Какой ты все-таки хам необыкновенный. Одно слово — принц.

— Да говорят тебе — я в изгнании!

— Если человек дурак, он и на Луне будет дурак. Это не отговорка. В изгнании он.

— Ладно, проехали. Ты мне все настроение сбילה, — Кассте махнул вперед, где в пасмурном сумраке рисовалась серая громада Замка. — Как я теперь буду читать заклинания, с таким настроением?

— А при чем здесь настроение?

— Как при чем?!

— Заклинания на чем написаны?

— На волшебном языке, на чем же еще?

— Ну вот? При чем здесь настроение и волшебный язык? Он что, от настроения изменяется?

— Нет, но...

— Буковки — они что, от настроения переворачиваются?

— Нет, но...

— Ну, и заткнись тогда! — Лета треснула Кассте по затылку. — Нашел отговорку! Плохо выучил заклинание, а теперь все вокруг виноваты!

— Ты дура, ничего не понимаешь! — расвирепел Кассте вконец. — Да что ты понимаешь, дура!

— Хам.

— Куда ты суешься, несчастная! Это же волшебство! Вол-шеб-ство, понимаешь?! А ты лезешь! Со свиным рылом в калашный...

Лета двинула Кассте так, что он отскочил, споткнулся о камень и грохнулся на тропинку.

— Я сейчас уйду... — Лета вытерла слезы и отвернулась. — А ты иди, познавай Тайну мира свою дурацкую. Волшебство, волшебство... Зачем меня покупал тогда? Да еще за такие деньги. Хам.

Она медленно пошла обратно. Кассте вскочил, догнал девочку, схватил за руки, повернул.

— Ну ладно, ладно, проехали... — он прижал Лету к груди и стал гладить по встрепанным волосам. — Не злись. У меня последнее время с нервами что-то... В изгнании, знаешь, несладко...

— Сам ведь ушел... — прошептала Лета Кассте в плечо. — Не жалуйся...

— А я и не жалуюсь. Это вообще в первый раз. И то только тебе.

— Ну ладно... — Лета вздохнула Кассте в плечо. — Мне можно. Но только никому больше. Пошли, — Лета отвернулась, вытерла слезы, взгляделась в пасмурный горизонт. — Нам еще идти вон сколько.

— Часа через три будем... Тропа здесь напрямик, сейчас через эти камни, а там, считай, на месте уже.

Кассте поддернул мешок и зашагал по тропинке дальше. Лета уныло побрела вслед.

— Слушай, — сказала она через пару минут. — А правда. Зачем она тебе нужна, эта Тайна мира? Тебе что, правда без нее не живется?

— Понимаешь, какая штука... — отозвался Кассте еще через пару минут. — Тайна мира — это то, зачем ты живешь на свете. Я ужасно хочу узнать, зачем я на самом деле живу. Что я должен делать, ну, и так далее.

— А ты что, не знаешь?

— А ты что, знаешь?

— А зачем мне?

— В смысле? — Кассте остановился, обернулся и оторопел. — Ты что?.. Не хочешь знать, зачем ты живешь?.. На свете?..

— Ну ты же сам говоришь, — Лета пожала плечами, — не было печали? Купила бабка поросенка?

— Ты что, правда?.. — Кассте почесал затылок. — Не хочешь знать?.. Зачем здесь живешь?..

— А зачем мне?

— Но как же так... Ты же умеешь читать?!

— Еще как!

— И не хочешь?

— А зачем мне, правда? — Лета еще раз пожала плечами. — Живу себе и живу. Я и без того знаю, что мне надо делать.

— И что же тебе надо делать?

— Жить.

— Вот так вот просто — жить?

— Ну да, а что? Как же еще? Жить себе и жить — как живется. И не лазить в подвал за трудностями.

— В какой подвал?..

— Откуда я знаю... Просто я тут прочитала несколько книжек, про приключения. Там какие-то дураки нет чтобы просто поехать и сделать что надо, по

дороге обязательно залезут в подвал. А там или привидение, или мертвец какой-нибудь оживает. Причем подвал-то вообще не по дороге! Они — мало того, что всегда опаздывают, дураки, еле-еле успевают в последний момент, — так еще не знаешь, как живы останутся. Почему они там все такие придурки — не знаю. Лазят в подвал за трудностями. И так каждый раз, из книжки в книжку, и не знаешь, кто больше дурак — автор или дураки эти.

— А если не получается?

— Что?

— Жить?

— То есть как это — не получается жить? — Лета с удивлением посмотрела на Кассте. — Как так может не получаться жить?

— Ну, если в жизни ничего не получается?

— А что должно получаться?

— Ну вот я, например, в изгнании. В изгнании, знаешь...

— Ну ты же сам пошел в изгнание? — Лета хлопнула ресницами в недоумении.

— Ну я же не от хорошей жизни! — рассердился Кассте. — В изгнание от хорошей жизни не ходят!

— А от какой жизни ходят в изгнание?

— От никакой! Что ты за дура така... Ладно, проехали, все, молчу.

— Жизнь — она и есть жизнь! Как она может быть хорошая или плохая? — Лета хмыкнула. — Не понимаю! Как небо может быть хорошее или плохое? Оно что, хуже, когда с него капает дождь? Я-то вообще-то думала, что ты ушел в изгнание, чтобы не мешали дегенераты. Практиковать волшебство. А ты — от какой-то жизни. Ну, ищи теперь свою Тайну мира. А я жить хочу. Просто.

— Значит, уходишь? — Кассте угрюмо посмотрел на девочку.

— Нет, — Лета вздохнула. — Куда я пойду? Да и потом, ты ведь денег за меня заплатил. Столько... Как же я тебя брошу? Пошли, вон Замок уже.

* * *

Однако попасть в Замок без дальнейших приключений не получилось. До Замка оставалось около получаса ходьбы, когда из-за кучи камней возникла толпа вооруженных разбойников. Они окружили Кассте и Лету и стали грозно сверкать ножами и ятаганами.

— А ну, стой! — свирепо сказал разбойник с самым длинным и кривым ятаганом. — Стой смирно, сейчас мы будем вас грабить!

— А у тебя есть полномочия? — с возмущением воскликнула Лета. — Кто ты такой, чтобы нас грабить?

— Я — Главный разбойник! И вообще, девчонка, молчи! — разбойник подошел и повертел ятаганом у Леты перед лицом. — Когда тебя грабят, нужно молчать. А то поколотим, свяжем и заберем деньги.

Разбойники окружили ребят и стали еще суровее сверкать ножами и ятаганами.

— А у нас и забирать нечего, — расстроилась Лета. — Несколько медяков осталось.

— А ну, дай посмотреть, — приказал Главный разбойник сурово.

Кассте достал из-за пазухи тощий мешочек и протянул Главному разбойнику. Тот взял мешочек, аккуратно развязал его и, прищурившись, заглянул внутрь.

— Правда, — сообщил он обступившим его разбойникам, показывая внутренности мешочка. — Шесть

медяков. И как вы жить собираетесь? — он аккуратно завязал мешочек и вернул Кассте. — На шесть медяков?

— Будем думать, — вздохнул Кассте. — Вот, Книгу прочтем и что-то, может, придумаем. А откуда вы тут взялись, кстати?

— В каком смысле?

— Ну, кого тут грабить, вообще?

— Ха-ха-ха! — расхохотался Главный разбойник, а за ним все его люди. — Ты думаешь — один такой умный? Думаешь, тебе одному нужна Тайна мира? Знал бы ты, сколько народу сюда приходит!

— И что? — оживился Кассте. — Кто-нибудь прочитал Книгу?

— Откуда я знаю, — равнодушно сказал Главный разбойник. — Мне не докладывают, да и зачем мне? Сегодня просто погода плохая, с утра только вы первые. Мы тут уже замерзли ждать, пока кто-нибудь появится.

— Мы тоже замерзли! — Лета подпрыгнула и потерла ладошки. — Мы уже с утра по этой пустыне тащимся. И устали ужасно, хорошо вон пришли уже.

— Ну, тогда пошли чай пить, — Главный разбойник спрятал ятаган за пазуху. — Вы издалека вообще?

— Я из Перелесья, а он принц из Долины! — Лета стукнула Кассте по спине. — Только в изгнании!

— Так говорят ведь — тебя променяли Дракону?

— Это я сам такой слух пустил, — отозвался Кассте с неудовольствием. — Чтобы не доставали.

— Да кому ты нужен, если у тебя денег нет! — расхохотался Главный разбойник. — Да еще в изгнании.

— Ну мы идем пить чай, или как? — Лета подпрыг-

нула и потеряла коченеющие ладошки. — А то я замерзла уже вообще!

— А ты кто — тоже принцесса?

— Нет! Я ассистент!

— Интересное дело, — покачал головой Главный разбойник и переглянулся со своими людьми. — Зачем это принцу вдруг ассистент? Да еще в изгнании.

— А ты что, не знаешь, — отозвался с раздражением Кассте, — что Волшебную книгу можно прочитать только с девочкой, которая читает так же, как ты?

— Да слышал что-то, — кивнул Главный разбойник. — Так она у тебя что, умеет читать?

— Еще как! — воскликнула Лета. — Он за меня заплатил сто золотых!

— Согласен, — Главный разбойник кивнул еще раз, — безопасное вложение капитала... Так бы мы вас ограбили и, может быть, даже зарезали бы. Ладно, пошли. Там, кажется, уже закипело.

Они обошли груды камней и остановились у костерка, на котором весело булькал закопченный котелок.

— Присаживайтесь, — Главный разбойник обвел руками голую влажную землю и разбросанные осколки камней. — Где-то тут у нас была мята... Янтарный зверобой, драконий огонь, горный хрен...

— Опять хрен! — возмутилась Лета так, что подпрыгнула, едва присев. — Без хрена уже нельзя, что ли? Обязательно хрен надо куда-нибудь сунуть.

— Так это же горный хрен, — успокоил Главный разбойник. — Так что сиди спокойно. А что? Что значит «опять»?

— Да было вчера, — пояснил Кассте, скинув с плеч мешок. — Ночевали тут у Отшельника, он нас Зельем истины угощал. Так у него чай тоже с хреном.

— А как же еще, — покивал Главный разбойник, наливая дымящийся кипяток в железную кружку. — Как же чай без горного хрена?

— Дай сюда! — подскочила Лета. — Ну кто так заваривает чай! Тем более с горным хреном.

Она отобрала у разбойника котелок, отставила в сторону, аккуратно поболтала заваркой, внимательно посмотрела внутрь, взяла котелок и стала тонкой струйкой наливать воду.

— Надо вот так, невежа. Вода должна насытиться кислородом. А ты плюхаешь! Деревня.

— Одно слово, умеет читать, — усмехнулся Главный разбойник. — В общем, ты уже понял, что купил?

— Наука требует жертв, — отозвался Кассте с раздражением. — Или не знаешь?

— Ничего подобного, — хмыкнул Главный разбойник. — Жертв требует не наука, а искусство. Или не знаешь?

— Наука тоже искусство.

— Наука не искусство.

— Почему?

— Потому что от науки может быть польза.

— А от искусства не может?

— Ха-ха-ха! — расхохотался Главный разбойник, а за ним все его люди. — Слушай, не смеди честных людей. Давай лучше чай пить — уже заварилось, — он втянул носом ароматное облачко, выползающее из кружки.

— Нет, правда! — Лета разлила всем заварку, тщательно, чтобы не нарушить пропорцию, разбавила кипятком и присела между Кассте и Главным разбойником. — Почему от искусства не может быть пользы?

— Давай начнем с того, что искусства не существует как такового, — отозвался Главный разбойник. — Уж мне поверь, девочка.

— А почему я должна тебе верить? Кто ты такой, вообще?

— Вообще я бывший профессор. Работал в школе искусств, на Побережье.

— Правда? — Лета вскочила, едва не расплескав чай. — Настоящий?

— Ну да, а что?

— Не знаю я никакой школы искусств, на Побережье, — Кассте с недоверием оглядел Главного разбойника. — Я там был. Нет там никакой школы искусств. Ты самозванец.

— Разумеется, ее ведь продали уже давно. Сам знаешь — кризис, деньги нужны.

— Ну, это еще ничего не объясняет, — заупрямился Кассте. — Если продали школу искусств, это еще не значит, что само искусство никому не нужно. Да и потом, может быть, оно не нужно только тем, кто продал школу?

— Какой ты оптимист. Молодой еще... В общем, во-первых, от искусства не может быть никакой пользы, во-вторых, искусства собственно не существует. Точка. Уж мне-то поверьте.

— Да вот ты заладил: поверьте, поверьте! — Кассте вскочил. — Что ты пристал со своим искусством? Жили без него, ничего себе, и дальше проживем!

— Ладно вам, хватит! — Лета толкнула Кассте, чтобы он сел. — Пейте чай, а то остывает!

— А что он ко мне пристал со своим искусством?

— Это ты к нему пристал со своей наукой! — Лета треснула Кассте по взъерошенному затылку. — Разговаривать с людьми не умеешь! А еще принц.

— Я в изгнании, — огрызнулся Кассте и отпил чая. — А вы все неучи и невежды.

— Не хаами профессору! — Лета еще раз треснула Кассте.

— Да ладно, — усмехнулся Главный разбойник. — Я уже не профессор давно, говорю ведь. Ты мне лучше скажи, что собираешься делать, когда познаешь Тайну мира?

— Пока не знаю, — вздохнул Кассте и сделал еще глоток. — Может быть, как раз и узнаю.

— Ну, смотри, — Главный разбойник отпил из своей кружки, зажмурился. — Чай превосходный... Если что, приходи к нам. У нас тут, конечно, не золотые копи, но каждый день что-то бывает. Правда, коллеги?

Он оглядел свою команду. Разбойники радостно загоготали, достали ножи, ятаганы и снова стали ими сверкать.

— Повезет с погодой — так по золотому на брата выходит, в день.

— По золотому? — Лета чуть не подавилась. — В день?

— В день, — кивнул Главный разбойник. — Я же говорю — тут таких, как вы... Ну посуди сам, ты ведь принц, народ знаешь. Семьдесят процентов — мозги набекрень. Думают, что Тайна мира — это как получить триллион золотых. Причем не заработать, а получить, это понятно... Вот мы их и перехватываем.

— Хорошо быть разбойником, — сказала с уважением Лета.

— Есть, конечно, свои недостатки, — вздохнул Главный разбойник и отпил чаю. — Приходится резать много народу, а это работа неблагодарная.

— И много?.. — Лета порозовела. — Резать людей?..

- Я говорю не «людей», а «народу». Не путай.
- А-а-а... А то я уже испугалась совсем. Ужас какой — людей резать, за деньги.
- А за что еще резать? — хмыкнул Главный разбойник.
- Ну, как за что... — смутилась Лета. — Вон дураков сколько вокруг...
- Всех не перережешь, — покачал головой Главный разбойник. — Уж мне поверь, девочка.
- Да верю, верю, успокойся. Но вы их все равно тут, побольше.
- Да мы бы с радостью, — вздохнул Главный разбойник. — Только дуракам Тайна мира не требуется. Они ее и так знают, причем лучше всех.
- Да я уже давно понял, — отозвался с раздражением Кассте, — что дураком выгодно быть.
- Ну, так за чем дело стало?
- А ты сам пробовал?
- А мне и в разбойниках хорошо. Вон, с принцем можно запросто чаю попить.
- Он в изгнании, — напомнила Лета.
- Ну и что? Он от этого что, принцем быть перестал?
- Вот заладили, оба теперь, — Кассте допил чай и вздохнул. — Папаша, царствие ему небесное, воспитывал-воспитывал, пока ноги не протянул. Потом дядюшка все кишки вымотал. А у самого ума палата — продать девчонку на Побережье, этим кретинам. Ой, прости...
- Кретинам, кретинам, — покивал Главный разбойник, допивая свой чай. — И что, все-таки продал?
- Не то слово. Можешь представить, что с ней там будет?
- Не то слово.

— Ну, а теперь вы вот. Сначала она вот, а теперь еще ты, профессор. У тебя что, мало было всяких придурков, мозги им вправлять?

— Слушай, — Лета дала Кассте очередной подзатыльник, — что хамишь специалисту? Специалистам нельзя хамить.

— Да ладно, — усмехнулся Главный разбойник. — Он ведь в изгнании. Можно понять.

— Нет, нельзя! — разозлилась Лета. — В изгнании — так теперь что, всем хамить нужно? Ладно, профессор, не обижайся. Я с ним еще разберусь.

— Не сомневаюсь, — кивнул Главный разбойник. — В общем, приятно было познакомиться. Пойдете обратно — заходите на чай. Приятно пообщаться с образованными людьми. Которые умеют читать, в смысле.

— Ладно, нам и правда пора, — Кассте поднялся, закинул за плечи мешок. — Нам еще Книгу читать. А сначала ее найти нужно.

— Не надо ничего искать. Она валяется на самом видном месте. Заходишь, берешь, читаешь.

— Да прям уж? — рассмеялась Лета. — Книга, в которой Тайна мира, да на самом видном месте?

— Во-первых, ваша Тайна мира никому не нужна. Во-вторых, ты попробуй ее прочитай.

— Мы вдвоем, — сказал Кассте серьезно. — И она читает так же, как я. Так что мы ее прочитаем.

— Ну, тогда тем более заходи. Тайну мира можешь не выдавать, она мне не нужна даром. Просто будет интересно побеседовать с человеком, который познал Тайну мира.

— Как это никому не нужна? — вскинулась Лета. — Ты за всех не расписывайся! Сам говоришь — за этой Тайной тут столько каждый день ломится.

— Они просто думают, что она им нужна. Понимаешь разницу?

— Так может быть, — Лета обернулась к Кассте, — тебе она тоже не нужна, взаправду? Вбил себе в голову — Тайна мира, Тайна мира.

— Не болтай чепухи, балда! — вскинулся в ответ Кассте. — Думай, что говоришь! Такими понятиями не разбрасываются! Что за кощунство!

— Какими такими понятиями?

— Речь идет о Тайне мира, дура!

— И вот так уже целых два дня, — Лета вздохнула и обернулась к Главному разбойнику. — Не принц, а обычный хам.

— Давай я его зарежу?

— Потом. Пригодится пока. Принцы не на каждом углу валяются. Даже в изгнании.

— Ну, сама решай. Если что, напиши письмо, я приеду и его зарежу.

— Обязательно, — Лета взяла Кассте за руку. — Ладно, нам правда надо идти. Нам еще Книгу читать. А скоро уже стемнеет.

— У меня фонарь, — отозвался с раздражением Кассте.

Они вышли из каменной россыпи, прошли двадцать шагов, обернулись. Лета замахала рукой и крикнула:

— Ну, счастливо, удачи! Может, кого сегодня еще ограбите!

— Вряд ли, — крикнул в ответ Главный разбойник. — Погода ужасная, а скоро уже стемнеет. Вот завтра — наверняка!

— Только людей много не режьте! А то ужас просто какой.

— Людей мы не режем, я же тебе говорю. Мы люди

как бы культурные... Вот, подожди-ка! — Главный разбойник подбежал к ребятам, обхлопал себя по карманам, вытащил два золотых. — Возьмите. На дорожные траты.

— Спасибо, — Кассте взял деньги, достал мешочек, спрятал звякнувшие монеты. — Вряд ли отдам скоро, но как только появится...

— Отдашь когда будет. Все, счастливо!

Главный разбойник отвернулся и побежал к своим.

* * *

— Вот это и есть Замок? — Лета с разочарованием оглядела невысокое каменное строение. — Такой какой-то не замок вообще.

— В каком смысле? — Кассте хмыкнул. — Чем же он тебе не нравится?

— Невнушительный. Стены какие-то хлипкие. Стукнешь кулаком — развалятся.

— Во-первых, — сердито отозвался Кассте, — иди-ка и стукни. Во-вторых, я тебя сам скоро стукну. Ты меня уже начинаешь бесить.

— А ты не бесись, — улыбнулась Лета. — Это вредно для желудочно-кишечного тракта.

— Для чего? — оторопел Кассте.

— Для желудочно-кишечного тракта.

— Это что еще такое?!

— Это то, для чего вредно, когда бесишься. Ну, мы идем или как? Пошли давай.

Лета схватила Кассте за руку, и они начали осторожно спускаться с крутого склона. Через пятнадцать минут они вышли к железным воротам. На воротах висела табличка с надписью «Стучать». Они подошли, прочитали табличку, переглянулись, и Кассте три ра-

за стукнул в ворота. Прошло пять минут, и ничего не произошло.

— Не открывают, — разволновалась Лета. — Давай еще раз?

Кассте стукнул в ворота еще три раза. За стеной разнесся тяжелый гул и растворился в сыром полумраке. Прошло еще пять минут, но ничего по-прежнему не происходило.

— Не открывают, — разволновалась Лета еще больше. — Что будем делать? Как будем входить?

— Странное дело, — озадачился Кассте. — Ведь по всем последним известиям Замок работает. Все должно быть нормально.

— По каким последним известиям?

— В научных кругах.

— Мало ли что болтают в научных кругах?

— Ну, не знаю... — Кассте отошел от ворот и, задрав голову, оглядел каменный парапет. — Во всяком случае, когда три месяца назад я был в Предгорьях, то говорил с человеком, который здесь был.

— А если он врал?

— Да вроде не должен был.

— Почему ты так думаешь?

— Ну... — Кассте замялся, вернулся к воротам. — Не знаю. Смысла врать ему не было, в той конкретной ситуации.

— А может быть, ему просто захотелось поврать? В той конкретной ситуации?

— Лета, оставь меня в покое, пожалуйста. Мне сейчас и так тошно. Да еще и не открывают.

Кассте вернулся к воротам и постучал снова. Эхо долго блуждало за стеной, пока наконец не угасло и над долиной не воцарилась угрюмая тишина.

— Что будем делать? — Кассте почесал затылок.

— Слушай, — Лета задумчиво оглядела ворота и стену. — А почему ты думаешь, что нам кто-то должен открыть?

— Ну как же? — рассердился Кассте. — Написано ведь — стучать!

— И что?

— Как что? Стучишь — тебе открывают.

— Ну, не знаю, — Лета подошла к железной поверхности и осторожно потрогала. — Если ты принц, тебе, может быть, и откроют. И то если ты не в изгнании.

— В самом деле, — кивнул Кассте. — Беда просто с этим изгнанием.

— Так вот я и говорю. Ведь если сюда попадают обычные люди, должен быть способ попасть внутрь и для них. Ведь сюда попадают обычные люди?

— Разумеется, — отозвался Кассте сердито. — Говорю же тебе, я даже с такими беседовал. Все они как-то попадали же внутрь.

— Это если они не врут!

— Все?

— Да, все! А что? Почему бы им не наврать, говорю? Может быть, они тоже. Притазились сюда из тмударакани, — Лета оглядела долину, которая уже почти погрузилась в вечерний сумрак. — Стучат-стучат, стучат-стучат, стучат-стучат. А им не открывают. Ну, они уходят, и им стыдно. Перед собой. Стучите, мол, вам откроют, мол. И вот они врут.

— Это, конечно, логично, но ведь существует закон. Помнишь, Отшельник что говорил?

— Про бочку дегтя в ложке меда?

— Да. Среди тысячи врунов должен быть хотя бы один не врун.

— Ну, это среди тысячи, — Лета подошла к Кассте

и поправила воротник. — Если ты поговоришь с тыся-
чью, закон твой дурацкий, может быть, и сработает.
А ты со сколькими беседовал?

— Ну, честно говоря, тысячи там, конечно, не бы-
ло...

— Ну вот. Так что ну ее, эту Книгу. У нас есть два
золотых, поехали обратно в город, купим человече-
ской шерсти, сошьем тебе нормальную куртку.

— Тогда тебе тоже сошьем.

— А мне и в этой нравится, — Лета погладила тон-
кую ткань.

— От этого она не теплее, — отрезал Кассте. — Толь-
ко вот жалко. Тащились-тащились. И вот тебе. Не от-
крывают.

Он еще раз трижды ударил в холодный металл.
Тяжелое эхо снова прогудело во мраке и успокои-
лось.

— Да еще сто золотых на меня потратил, — вздох-
нула Лета.

— Ну да, — вздохнул Кассте. — Получается те-
перь — напрасно.

Лета снова подошла к воротам и оглядела таб-
личку.

— Слушай. Если в книгах все врут?

— То что?

— Как что. В книгах написано «Стучите, и вам от-
кроют». Так?

— Ну, написано. И что?

— А почему они обязаны нам открывать? Мы ведь
денег за это им не дадим?

— И не подумаем. То есть ты хочешь сказать...

— Ну да! Давай попробуем сами открыть!

Кассте еще раз оглядел ворота, подошел к пра-
вой створке и осторожно потянул за ручку. Ничего не

произошло. Но затем в ручку вцепилась Лета, и створка бесшумно открылась. За ней растворялся в сумерках каменный двор. Огромные шестиугольные плиты простирались мрачным ковром.

— Везде сплошное вранье, — Кассте вздохнул еще раз. — Все надо проверять самому.

— А как же еще, — радостно покивала Лета. — Все надо пробовать самому. Правда, это опасно...

— Еще как. Можно так отравиться, что...

— Ну, а что еще делать? Все надо самому делать. Даже книги надо самому писать, потому что читать ничего не возможно. Везде сплошная фикция.

— Сплошная что?

— Фикция!

— Это еще что такое?

— Дрянь.

Оглядывая стены по сторонам, они двинулись по мрачным каменным плитам и через минуту оказались у входа в башню. Кассте точно так же потянул на себя дверь, которая сначала не открывалась, но открылась сразу же, как только в ручку вцепилась Лета.

— Видишь, как у нас с тобой все здорово получается! — Лета подпрыгнула и потеряла ладошки. — Ой, я уже опять замерзла! Доставай фонарь! А то уже ничего не видно.

Кассте достал из мешка шар-фонарь, дернул за рычажок; кремь ударил в кресало, фонарь загорелся мягким желтым огнем.

— Масло уже на исходе, — покачал головой Кассте. — Надо быстрее найти Книгу, пока светит хоть как-то.

— А у тебя что, больше нет? Отправлялся на такое дело и...

— Лета, ну не беси. Это старинный фонарь, ему лет

уже триста. Не буду же я лить в него всякую гадость, которая сейчас продается? Чтобы он сразу испортился? Вот теперь масло еще искать, тоже проблема.

— А сам свари! — Лета отобрала у Кассте фонарь и стала любоваться мягким искристым огнем. — Какой обалденный! Вот ведь делали раньше. Какой свет чистый и мягкий.

— И экономный очень, — Кассте забрал фонарь обратно. — А масло я уже думал сварить. Но это тоже проблема. Во-первых, где взять нормальный рецепт? Учитывая все вранье, которое в книгах. Во-вторых, где взять нормальные ингредиенты? Сырье сейчас сама знаешь какое. Полная фикция.

— Сами придумаем! Читать умеем. Ну, а где вранье, а где правда, как-нибудь разберемся.

— Это как же? Ты такая простая.

— Не хаами опять, — Лета треснула Кассте по затылку. — Все перепробуем и разберемся. Жизнь — это эксперимент и поиск. Пошли, пока светит.

— Эксперимент. Поиск. Разберемся. Сто золотых.

— Пошли, говорят! — Лета схватила Кассте за локоть и потащила во тьму. — Пока светит! Ты вообще знаешь, где она хранится, Книга? Куда идти?

— Прямо, — отозвался Кассте сердито. — Куда еще?

— Ты вообще хоть как-нибудь к делу готовился? Может быть, она там в ящичке под замком?

— Лета, хватит меня нервировать, — Кассте отцепился и сердито пошел рядом. — Какой замок? Зачем этой книге замок? Говорят тебе — она валяется на самом видном месте. Подходи, читай. Если сумеешь.

— Откуда ты знаешь, что она валяется на самом видном месте? Профессор сказал, разбойник какой-то?

— Знаю, и все. Замолчи, а то я тебя, наконец, стукну.

— За что сейчас-то?

— Чтобы заткнулась!

— Это не причина.

— Лета, не нервируй меня!

— Ну ладно, ладно... — Лета снова взяла Кассте за локоть. — Не буду. Давай идти рядом, так светлее.

— Я и так в изгнании, а тут еще...

— Ну ладно, ладно... — Лета прижалась к Кассте. — Смотри внимательно — может быть, она уже лежит, где-нибудь.

— Ты смотри налево, я буду направо... Как меня все достали, не представляешь...

— Почему не представляю? Опять хамишь.

— Ну откуда ты представляешь?

— Откуда я умею читать так же, как ты? Слушай, меня твой воротник уже вымотал! — Лета остановилась и снова поправила Кассте воротник. — У меня уже сил никаких нет.

— Ну оставь ты его в покое, сейчас-то!

— Он меня бесит! Сейчас-то я его оторву!

— Слушай! — Кассте вырвался и отскочил. — Давай сначала дело сделаем, а? Пока фонарь хотя бы работает.

— Сделаем, конечно, только потом я его оторву! — Лета снова схватила Кассте за локоть и потянула во мрак. — Смотри внимательно!

Они продолжали идти в пустой призрачной тьме. Теплый свет фонаря кольцом высвечивал шестиугольные плиты пола, и больше вокруг ничего не было. Звук шагов падали на каменный пол тут же, как будто ребята были не в каком-то огромном объеме, а в маленькой тесной комнатке.

— Слушай, — сказала Лета, задумчиво оглядывая беспросветную тьму, окружавшую кольцо уютного света. — Замок-то вроде бы небольшой, так ведь?

— Ну?

— А где эхо? — Лета пошаркала башмаком по камням: звук осыпался и исчез. — Куда оно делось?

— И правда, — Кассте остановился и тоже огляделся в холодный мрак. — Стен будто вообще нет.

— И сколько мы уже идем?

— Минут десять.

— И ни одной стены, ни одной лестницы?

— Лета, это волшебный замок. Волшебные замки изнутри могут быть намного больше, чем снаружи.

— И сколько же нам идти тогда? — хмыкнула Лета.

— Не знаю. Я знаю одно — что нужно просто идти прямо, и все. Книга будет лежать на виду, не пропустишь.

— Ну, пошли тогда, — хмыкнула Лета еще раз и крепче вцепилась Кассте в локоть.

Они продолжили путь. Бесконечные шестиугольные плиты медленно уплывали назад, вокруг стояла прежняя бесплотная тьма, и больше ничего не было.

— Слушай, — наконец испуганно зашептала Лета и остановилась. — Ведь мы уже полчаса идем, так?

— Лета, это волшебный замок...

— Ну да, волшебные замки изнутри могут быть намного больше, чем снаружи. Это ты уже говорил. Но ведь мы уже полчаса идем!

— И что? — прошептал Кассте так же испуганно.

— А то, что полчаса для такого невнушительного волшебного замка все-таки, наверно, слишком?

— То есть ты хочешь сказать...

— Ну да, — Лета поправила Кассте воротник. —

То есть если бы тут что-то было, мы бы это уже нашли.

— Ты уверена?

— Конечно. Ну сам подумай. Это ведь волшебство. Оно на дураков все-таки не рассчитано. Поэтому шевели мозгами.

Кассте скинул мешок, расправил плечи, прошелся вокруг, оглядывая призрачный мрак.

— Тогда что будем делать?

— Давай попробуем еще раз.

— То есть?

— Выйдем и снова войдем.

— В смысле — если тут что-то не завелось, с первого раза...

— Ну да. Это же волшебство, техника сложная?

— Ты, Лета, конечно, балда и ничего не понимаешь... — Кассте задумался и почесал затылок. — Но в чем-то ты, пожалуй, права. Пошли обратно.

Он подхватил мешок, закинул за плечи, схватил Лету за локоть и повел обратно. Они не прошли сорока шагов, как буквально выпали из дверей и очутились во дворе, под небом.

— Вот тебе раз, — Кассте с раздражением хмыкнул. — Стоило столько идти, неизвестно куда, чтобы и не уйти никуда?

— Так вот я и говорю! — обрадовалась Лета, подпрыгнула и потерла ладошки. — Давай выйдем и снова войдем!

— Похоже, ничего больше не остается.

Они вышли из ворот, отошли от Замка на полсотни шагов, затем снова тщательно подошли и тщательно открыли ворота. Снова миновав каменный двор, они снова подошли к башне, тщательно открыли дверь и снова погрузились в бесплотный мрак.

— Слушай, — сказала Лета через неопределенное время. — Может быть, ну ее все-таки, эту Книгу? Мы ведь еще больше идем, минут уже сорок! И ничего — камни, холод и мрак. Может быть, ее все-таки не существует?

— Как же не существует! — рассвирепел наконец Кассте, остановился и топнул. — Ведь про Книгу упоминает вся волшебная литература!

— А что именно упоминает про Книгу вся волшебная литература?

— Очень много чего... Но главное, — Кассте скинул мешок и расправил спину, — что в Волшебной книге написано, в чем заключается Тайна мира. А Тайна мира — это то, для чего ты живешь на свете, это Смысл твоей жизни. Существует, может быть, какое-то очень маленькое дело, какой-нибудь суший пустяк, но вот тебе нужно его сделать, и в этом Смысл твоей жизни. Может быть, просто кого-нибудь встретить, сказать пару слов, буквально... Но если это Смысл твоей жизни, тебе обязательно нужно узнать, что это за пустяк, и его сделать.

— Конечно, красиво, — покивала задумчиво Лета, оглядывая пустой мрак. — Ну а, допустим, мы ее не нашли, Книгу твою дурацкую. И как тогда жить?

— Ну... Не знаю. Жить, не зная Смысла жизни... Как-то не то, как-то не так.

— Слушай, — сказала Лета решительно. — А почему ты думаешь, что Смысл твоей жизни кто-то должен тебе рассказать? Это же смысл твоей жизни, не какого-то кретина на Побережье?

— И что?

— А то, дурак! Думай сам про свой смысл жизни.

— Да, но...

— И вот еще, сам подумай. Если Книга... Если она

все-таки существует, конечно... Тебе не открылась, то значит, может быть, ты уже нашел? Свой этот Смысл жизни дурацкий? Уже познал свою Тайну мира?

— Откуда? Когда бы я успел?

— Ты ведь давно волшебством занимаешься, например? Может быть, уже успел, просто не заметил? Ведь ты говоришь, это может быть просто пустяк?

— Это не я говорю, это так пишут.

— А ты, дурак, веришь!

— Знаешь что, — Кассте еще раз задумчиво оглядел беззвучный мрак, — давай еще раз попробуем. В третий раз. Потратим еще минут сорок, но если уж в третий раз...

— Я устала уже тут болтаться без толку. Да и в третий раз будет то же самое!

— Ты уверена? Почему?

— Потому что заканчивается на «у»! Сам ведь подумай! — Лета устало дернула Кассте за воротник. — Сколько мы уже тут протащились? Штук двести замков, вдоль и поперек! И по диагонали.

— Умная какая, — отозвался Кассте устало, уселся на холодный камень рядом с мешком и поставил фонарь между ног. — По диагонали.

— Это слово такое есть, если не знаешь, — Лета плюхнулась рядом и вздохнула. — Ну, давай еще раз попробуем. Только потом — сразу назад. Я замерзла и есть хочу. Зайдем к профессору, чаю хотя бы попьем горячего.

— Да подожди ты со своим профессором. Я вот думаю: может быть, правда — я уже нашел то, для чего тут живу? Для чего появился на этот дурацкий свет?

— Конечно нашел, — Лета прижалась щекой Кассте к плечу и закрыла глаза. — Поэтому и Книгу тебе

не показывают. Она тебе не нужна нафиг теперь. Если она вообще существует, конечно.

— Ну, и что же это такое? — Кассте откинулся на мешок и тоже закрыл глаза. — Да, чаю бы сейчас чашечку...

— С горным хреном... — вздохнула Лета.

— Ну, и что же это такое? Как мне это узнать?

— Слушай, я уже устала думать сегодня. Пошли назад. Ну ее нафиг, эту Книгу твою дурацкую. Если хочешь, давай попробуем, только не сегодня уже. В следующий раз. Ты ведь не будешь меня продавать, дарить или выкидывать? Завернешь в рогожу и положишь в чулан. Смотри — обещал! А потом возьмешь и еще раз сходим. Я ведь не испорчусь за это время. Не разучусь ведь читать. Так же, как ты.

— Если честно, я тоже устал. Я уже полгода скитаюсь по всему Плоскогорью. Знаешь, как я обрадовался, когда тебя купил! — Кассте взял Лету за руку. — Ну, думаю, все — дело в шляпе. Тайна мира моя. Наконец буду знать, зачем я здесь нужен.

— Ну и пошли домой. Никуда она не денется, Тайна мира твоя дурацкая. Обязательно ее узнаешь, как-нибудь. И я тебе еще пригожусь, обязательно. Так что не переживай, деньги не зря потратил.

— Ладно, пошли, — Кассте поднялся, подтянул Лету, закинул мешок за плечи, поднял фонарь. — Отшельник говорил, с той стороны часа два — и дорога, а там еще час — и деревня, переночуем.

— Дай мне фонарь понести.

Лета отобрала у Кассте фонарь и пошла назад. Кассте, устало понурившись и опустив глаза в пол, побрел вслед.

— А где выход? — сказала Лета через десять минут. — Ведь должен быть сразу?

— По идее да... — Кассте забрал фонарь и поднял над головой. — В прошлый раз, во всяком случае, был.

— Что за дурацкое волшебство такое, — разозлилась Лета, отобрала фонарь и сама посветила вперед. — То есть, то нет, то одно, то другое!

— Волшебство — штука тонкая, — вяло отозвался Кассте. — Зависит от многих факторов...

— Дурацкая штука твое волшебство, — еще больше разозлилась Лета. — Любая нормальная вещь должна быть понятной и предсказуемой! Неамбивалентной.

— Начиталась.

— А что, разве не правда?

— А ну-ка, подожди... — Кассте всмотрелся во мрак. — Ну-ка... Видишь? — он указал рукой.

Лета также всмотрелась в бесплотную тьму.

— Там что-то есть!

Кассте, схватив Лету за руку, устремился вперед. Через минуту фонарь выхватил из стылого мрака каменную плиту, на которой лежала большая книга. Книга была раскрыта на самой первой странице.

— Вот она, твоя Книга, — обрадовалась Лета, подпрыгнула и хлопнула в ладошки. — Давай читать!

— Да! — воскликнул Кассте с восторгом. — А ты тут умничала, балда!

— За балду сейчас схватишь, — Лета подошла к плите и посмотрела в Книгу. — Тут уже что-то написано... Ерунда какая-то... Посвети!

Кассте подошел сбоку и поднял фонарь над Книгой. Лета перелистала Книгу, но все страницы оказались пусты, и только на самой первой была короткая надпись.

— Слушай, что за ерунда ведь какая-то.

— Что? — Кассте едва сдерживался от нетерпения. — Дай посмотреть!

— Подожди! — Лета отпихнула Кассте. — Я первая... Но тут ерунда ведь какая-то! И, и, е, о, о.

— И все?

— Ну да. И, и, е, о, о.

— А ты... Уверена?

— Что?

— Что это именно «и, и, е, о, о»?

— Хам! Я умею читать так же, как ты! Еще какие вопросы?

— А ну-ка... — Кассте оттолкнул Лету и сам склонился над Книгой. — Ничего не понимаю! Во-первых, никаких «и, и, е, о, о» здесь нет.

— А что же там есть? — разозлилась Лета.

— Дэ, тэ, дэ, эм, и краткое.

— А ты уверен?

— Что?

— Что это именно «дэ, тэ, дэ, эм, и краткое»?

— Лета, прости... Но ты тоже дура.

Кассте устало опустился на пол, прислонился мешком к плите и поставил фонарь между ног. Лета так же устало присела рядом и положила голову Кассте на плечо.

— Получил свою Тайну мира, — сказала она и вздохнула.

— Ну да, — хмыкнул Кассте устало. — Стоило столько тащиться.

— Да еще сто золотых заплатить.

— Да ладно, — Кассте закрыл глаза. — Не в деньгах счастье.

— Какая скверная штука, оказывается, волшебство, — Лета невесело усмехнулась. — Представляешь, как подло тебя провели? Как сопляка какого-то.

— Не то слово. Я со злости не знаю, что делать просто. Просто хоть бери из изгнания возвращайся.

— А толку? Кто тебя ждет?

— Никто.

— Ну, и находишься в изгнании. Вернуться успеешь еще. Слушай... — Лета вскочила, подпрыгнула и хлопнула в ладошки. — Мы дураки!

— Да ладно.

— Надо же вместе читать! А не по очереди!

— Ну, давай попробуем, — вздохнул Кассте и, крихтя, поднялся.

Лета поставила фонарь рядом с раскрытой Книгой. Они взялись за руки и склонились над загадочной надписью.

— И это все? — Кассте выпрямился и посмотрел на Лету в глубоком недоумении.

— «Идите домой», — прочитала вслух Лета, выпрямилась и озадаченно посмотрела на Кассте.

Они, не выпуская рук, еще раз наклонились над Книгой и еще раз прочитали вслух, вместе:

— «Идите домой».

— Ну, и пошли, — сказала Лета после долгого молчания.

— Как мне все это надоело, — вздохнул Кассте и забрал у Леты фонарь. — Постоянно что-нибудь не работает. Постоянно что-нибудь барахлит. Постоянно что-нибудь да не так.

— Ну, и дело с концом! Пошли домой, хватит ерундой тут страдать, — Лета схватила Кассте за локоть и потащила в сторону выхода.

Шагов через сорок они вышли из дверей и очутились во дворе, под небом. Не оборачиваясь и не оглядываясь, они дошли до ворот и вышли из Замка. Створка глухо клацнула за спиной.

— Вот тебе раз!.. — Кассте округлил глаза. — Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет... Это мы где? Откуда оно взялось?

Они стояли на вершине холма. Внизу впереди в долине мерцали городские огни. На горизонте в ясном свете Луны серебрился снежный хребет. Небо над головой было черное, бездонное и блестящее; искры звезд мерно мерцали в холодной бездне.

— Это же мой город, — Кассте выдохнул клуб белого пара и озадаченно почесал затылок. — Столица Долины.

— Ой, как холодно! — Лета подпрыгнула и потеряла ладошки.

— Разумеется — Долина три дня дороги на север... А у тебя куртки нет теплой!

— Ну, пошли быстрее тогда! Завтра пройдемся по лавкам, купим что надо. У нас ведь есть два золотых. У тебя тут есть какие-нибудь друзья, переночевать? Изгнанник несчастный.

— Пара человек вроде осталась...

Кассте потушил фонарь, спрятал в мешок, и они, взявшись за руки, заторопились по склону.

* * *

Хрустальное сердце

Осень в этом году пришла раньше обычного. Миллет спускался к пристаням, прыгая по стертým ступенькам, и оглядывал горизонт, придавленный не осенними, а зимними уже тучами. Воздух застыл, расплывшись над берегом; море стояло, темное и тяжелое; мрачные корабли не двигались, будто матовая гладь воды была уже льдом, сковавшим каменный берег.

Запах моря сегодня был какой-то необычайно хрустальный. Миллет спустился к подножию лестницы, остановился и втянул носом бархатный воздух. Даже морем не пахнет — просто какая-то необычно морозная свежесть, которая оттого, что зима еще не наступила, казалась особенно свежей, чистой и хрустяще-вкусной. Миллет подумал, что с утра еще не слышал ни одной чайки — над морем плыла тишина, какой мальчик уже не помнил.

В свинцовом рассветном сумраке, сегодня как-то совершенно особенном, и горизонт казался особенно близким. Земля как будто бы стала меньше; все, обычно разбросанное по простору скалистого берега, как будто придвинулось. Скалы, сосны на сизых вершинах; камни, торчащие из воды вдальеке; черные зубчики островков, до которых без лодки не доплывешь, — все, что с детства было привычно-далеким,

строило легкий воздушный простор, вдруг притиснулось к холодному мокрому берегу и как-то потяжелело. Такого необычайного настроения Миллет над морем не помнил. И такого необыкновенного воздуха — такого терпко-медвяного, солнечно-снежного, в котором странным образом смешалась летняя сладковатая вязкость и зимняя солоноватая острота.

Только солнце, которое пробивалось сквозь дыры в облачном одеяле, бросая на свинцовое зеркало моря пятна прозрачного жемчуга, поднималось там, где ему в сентябре полагается — над острым утесом, южнее сосновых склонов горы над замком, из-за которых оно выплывало еще месяц назад.

Пошел мелкий мокрый снежок. Снежинки падали на черно-зеленоватые камни, таяли. Слабые сонные волны облизывали иззубренный камень, смывая прозрачную снежную пленку, — черная блестящая полоса вдоль кромки воды. Миллет подошел к самой воде, присел, тронул снежную влагу, попробовал на язык. Прозрачная небесная сладость и густая соленость моря — вкусно необычайно. Миллет встал и направился к кораблю с флагом цвета восточного неба, каким оно бывает после заката прозрачным вечером студенной зимы. Корабль с Архипелага — на синеве флага четырнадцать звезд, четырнадцать островов, — с Первого острова — в круге звезд три треугольника, три островные вершины. Гость недалекий, но редкий — в последнее время особенно.

Люди только начали выходить. Миллет остановился неподалеку и стал высматривать нужного человека — купца, который должен был привезти письмо от правителя острова. Письмо предназначалось правителю Жемчужного побережья, которым, пока Миллету не исполнится четырнадцать лет, был его дядя.

Война все-таки будет и, скорее всего, уже летом — едва Миллет станет законным правителем. Дядя к войне готовился уже третий год, и усилия, с которыми он создавал союз Побережья и северных островов Архипелага, даром не пропадали. Теперь бы только убедить присоединиться собственную столицу, подумал Миллет с досадой.

Увидев, наконец, купца (который с весны не изменился ни в чем; как будто даже не переодевался), Миллет подбежал к трапу. Купец сразу его заметил и замахал рукой.

— Как вырос, — он сошел на тающий снег и хлопнул Миллета по плечам. — Впрочем, уже пора! Мечом придется махать как бы не летом... — он стукнул себя по груди, имея в виду спрятанное письмо. — Когда вернется?

— Через неделю, — сказал Миллет, обнимая купца. — Вчера написал — раньше никак. Сам читай, — Миллет достал из-за пазухи запечатанный свиток.

Купец расстегнул куртку, достал такой же, протянул Миллету. Они обменялись, купец спрятал свиток от дяди, застегнулся и обернулся к мальчику, который спустился с ним и стоял теперь рядом.

— Карту Архипелага помнишь? — спросил он, улыбаясь.

— Выучил назубок... И Архипелага, и всего Моря.

— Молодец, — купец погасил улыбку. — А еще лучше будет, если успеешь проехать сам хотя бы по северным островам. Зима нынче ранняя, — он оглядел пасмурный горизонт, — а в нашем краю — ты знаешь, что это значит. Будет спокойно. Поэтому — на борт — и в путь. И вот, познакомься, — купец обернулся к стоящему рядом мальчику. — Эммерисс. Ты помнишь, кто был правителем Пятого?

— Конечно.

— Теперь он.

— Отец утонул, — сказал Эммерисс. — Этой весной. Ходили на Острова, вроде бы договорились... Только на Островах, наверно, знаешь, какой беспорядок.

— Оттуда давно ничего не было слышно, — Миллет покачал головой.

— Неудивительно, — купец покивал. — Пойдемка — ваш трактир, надеюсь, еще не закрылся? Хотя у вас-то пока живут... Надо перекусить и погреться. Жалко, не дождусь все-таки нашего дядю. Ладно, весной снова сюда... — он приобнял мальчишек за плечи и подтолкнул к лестнице.

— Он сам собирался, — покивал Миллет. — Так что увидитесь и поговорите.

— И сам приезжай.

— Нет, больше никому оставаться. У нас тут — сам знаешь... Может быть, все-таки забежишь?

— Нет, мой мальчик, увы. Сейчас кружку вашего мятника, тарелку каши — и дальше. Мне еще ехать весь день, а сегодня и так мрачно, — на верхней ступеньке купец остановился, обернулся, оглядел спокойный холодный простор под тяжелым свинцовым небом. — Штиль-то какой! А вот он к тебе забежит, — купец отвернулся от моря и снова подтолкнул мальчиков. — Ты ему, наверно, поможешь. У вас, помню, была Книга мечей?

— Да, — сказал Миллет с гордостью. — И самая первая! Список еще тех времен, когда на Побережье не жили.

— Отлично! — воскликнул Эммерисс с воодушевлением. — Она должна быть самая полная! Мне это важно. Дашь почитать?

— Разумеется даст, — купец остановился у входа

в трактир. — Только такие книги на улицу не выносят. В наше время особенно.

— Пойдем ко мне, — Миллет кивнул, — и читай сколько хочешь. А почему тебе важно, чтобы она была самая полная?

— Я ищу Хрустальное сердце.

— Ты думаешь, он все-таки существует?

— Про него слишком мало известно. Поэтому важна каждая мелочь, каждый даже намек.

— Вот что, ребята, — купец, приоткрыв дверь, взгляделся в мерцающий факельный свет, особенно уютный сегодня, во влажном пасмурном полумраке. — Давайте домой, тащите завтрак в библиотеку и занимайтесь делом. А я, кажется, вижу одного человека, которого ищу очень давно...

— Вот так оно всегда и бывает, — сказал Миллет с улыбкой.

— В трактирах, — кивнул Эммерисс.

— Может быть, все-таки забежишь? На обратной дороге?

— Обратно я с Каменных берегов, морем. Так что теперь, наверно, увидимся только весной.

— Ну, ладно, — Миллет с купцом обнялись. — Жалко, конечно. Последний раз виделись этой весной, и вот теперь снова — весной.

— Времена нынче такие, — улыбнулся купец, попрощался за руку с Эммериссом и скрылся в тепле трактира.

— Сыро как-то сегодня, — Миллет плотнее закутался в куртку. — Пошли, тут недалеко совсем. Знаешь ведь замок? — он указал на восток.

— Еще бы, — Эммерисс отвернул воротник и поднял его, поежившись. — Ваш замок знают на всех островах.

— Он, конечно, не такой древний, как книга...
— Если ты помогаешь, тогда пошли скорее! — сказал Эммерисс с нетерпением.
— Да, надо позавтракать. Я уже давно на ногах, проголодался.
— Смотри, какой снег!
— Ну да. Мы все-таки на двести лиг северней.
Они зашагали по каменным плитам, оставляя следы, которые быстро скрывались под мокрыми хлопьями.

* * *

Солнце, где-то за тучами, было уже высоко, а в библиотеке стоял полумрак. Миллет зажег все семь свечей в подсвечнике, поставил его на стол между чашками и тарелками.

— Я, особенно когда один, ем только здесь, — сказал он, усаживаясь за стол. — Ем и читаю.

— Ну, если аккуратно, — Эммерисс сел напротив, — то можно.

— Еще ни разу ничего не испортил, — кивнул Миллет и взялся за ложку.

— Отличная каша, — Эммерисс, закрыв глаза, пожевал. — Наш старик говорил, что лучший овес растет именно на Побережье... Очень вкусно!

— Да, у нас для него в меру сыро, в меру сухо, в меру холодно и в меру тепло.

— Овес с Побережья к нам не возят уже несколько лет, — Эммерисс с аппетитом ел ароматную кашу, черный хлеб с желтым маслом. — Как вкусно! Особенно когда так проголодаешься... Я еще помню. Нянюшка часто делала такую кашу на завтрак. Я еще думал тогда — вот бы съездить на Побережье, где растет такая вкусная каша!

Мальчики засмеялись.

— Как здорово, когда есть библиотека, — Эммерисс оглядел шкафы с книгами. — Нашу сожгли четыре года назад.

— Слышал, — Миллет кивнул, облизав ложку. — Дядя тогда говорил, что на Пятом острове снова какой-то заговор, и на твоего отца было совершено покушение. Я, помню, хотел у него спросить, что «покушение» значит, но стало стыдно. В восемь лет стыдно было не знать такие вещи.

— Особенно когда они случаются каждый день. И ты пошел в библиотеку и...

— Копался часа полтора, но все выяснил. Заодно нашел хорошую книгу по истории Архипелага. Вот она у меня здесь.

Миллет отодвинул тарелки, свернул обеденную салфетку, отложил дальше, выбрался из-за стола, взял с полки книгу в черном кожаном переплете, положил на чистую скатерть. Мальчики склонились над книгой.

— Какая здесь карта! — Эммерисс покачал головой. — Интересно, откуда она — вообще? Или отсюда и есть? Смотри, на ней даже эти мелкие острова, которые с юга... У нас про них никто и не знает, а они здесь на карте!

— Книга-то очень старинная, — кивнул Миллет. — Тогда-то ведь не боялись ходить по морям. Захотел — взял корабли и поехал делать открытия.

Он придвинул подсвечник, и мальчики стали внимательно рассматривать карту.

— Нет слов, — сказал наконец Эммерисс. — Пять минут посмотрел на хорошую карту и узнал про свой же Архипелаг столько, сколько не знал за жизнь. Дашь срисовать?

— Конечно. Только сначала займемся мечом. Ты вон про меч даже забыл?

— Да — не знал, что такие карты бывают.

Мальчики захлопнули книгу, взяли подсвечник и подошли к стеллажам.

— Книга мечей у меня где-то здесь, — Миллет приблизил теплые огоньки к корешкам. — Давно не заглядывал... В детстве читал постоянно, только сейчас, знаешь, про мечи думать как-то не хочется.

— Мне тоже, — сказал Эммерисс и вздохнул. — Я пиратом уже давно быть передумал. Только сейчас про что еще думать?

— Вот она, — Миллет с трудом стащил с полки огромную книгу. — Держи свечки...

Они вернулись к столу, отодвинули книгу с картой и уложили Книгу мечей на скатерть.

— Про Сердце, я помню, было в конце... Помню, было немного, — Миллет отлистал от конца несколько толстых страниц. — Вот, смотри. Только несколько строк.

— Язык, видно, совсем уже старый, — сказал досадливо Эммерисс. — Я такой уже не учил.

— А на чем бы ты его учил? — Миллет отвлекся от книги. — Таких книг на всем Море, наверно, осталось — по пальцам пересчитать. Я его знаю только потому, что мне повезло. У вас знают про Гиттаха? Он последние двадцать лет жил у нас. Бежал, когда меня еще не было.

— Давно, кстати, он умер?

— Четыре года назад. Как раз когда на твоего было совершено это самое — покушение.

Мальчики невесело засмеялись.

— Успел меня научить, — Миллет вернулся к книге. — И вот слушай, что здесь написано... «Хрусталь-

ное сердце, как говорят, был выкован так давно, что об этом не помнят даже драконы».

— Ха, вот откуда пословица — «не помнят даже драконы»?

— Пословица еще древнее, можешь не сомневаться, — Миллет погладил страницы. — «Меч был выкован на Архипелаге»... Вообще-то, прямой перевод — именно «на островах», но в то время, Гиттах мне объяснял, «островами» называли Архипелаг. «Выкован, скорее всего...» — хотя можно перевести как «очевидно» — «...на острове пятом, который прославлен родом Эммерисс, для сраженья в войне с Западным побережьем». Западным побережьем тогда называли Зеленое море.

— Вот! — воскликнул Эммерисс торжествующе, отступил от стола и подпрыгнул. — Вот все ко мне и пристали! В древних книгах, мол, сказано, что меч был откован специально для драки с зелеными. И что если он возвратится к Эммериссам, никакого вторжения с запада Архипелагу бояться нечего. Будет отбито любое!

— Да, только тут же дальше написано, что меч этот, похоже, никто никогда не видел. Вот смотри: «Одни говорят, я слышал, что волшебного этого Сердца не существует, что это просто легенда, с которой островитяне шли в бой и врага побеждали. Другие — что меч был утерян в Битве последнего дня на Северном побережье, когда Гоххат, великий северный город, увидел свой последний рассвет. Что он до сих пор сохраняется там, под камнями древних развалин»... Между прочим, Гоххат хорошо видно из замка!

— Посмотрим?

— Конечно! — Миллет бережно закрыл книгу. — Только сначала сварим наш мятник... Не знаешь? Наш

мед с нашей мятой — ты такого никогда не пробовал. Я люблю сидеть с ним около моря, думать и смотреть в горизонт. Пошли!

* * *

Мальчики сидели на гранитной скамье, на шерстяном одеяле, которое захватил Миллет, отхлебывали горячий мятник и смотрели в дымчатый горизонт. Солнце, уже высокое, сочило сквозь тучи прохладный серо-жемчужный свет; было по-прежнему очень тихо, очень спокойно и очень уютно — здесь, на берегу моря, которое сегодня решило не просыпаться, плескалось вязко и медленно, хлюпая в каменный брус, завершавший пол коридора. Снег прекратился и уже весь растаял; камень влажно мерцал под угрюмым тяжелым небом.

Чайки наконец проснулись и изредка кричали, неторопливо кружа над плоскостью моря, между скалами, которые сжимали выход с обеих сторон. Скалы ограничивали обзор, но мыс, на котором стоял древний город, видно было отлично — он выдавался в море острым черным горбом, прямо посередине проема, ограниченного серыми скалами. На матовой свинцовости неба хорошо различались черные зубья развалин.

— Отсюда его видно лучше всего, — Миллет встал с одеяла и подошел к самой воде. — Из города мешают утес. А здесь, — он обвел рукой скалы, — от города уже далеко.

— Отличная пристань, — Эммерисс оглядел стены тоннеля, причал, ступеньки, уходящие в воду. — И видно, что очень древняя. Океан поднимается, — он указал на ступеньки.

— Да, — кивнул Миллет и отхлебнул из серебряной

кружки. — Когда высокий прилив, воды здесь уже по пояс. Гиттах рассказывал, что этим причалом не пользуются уже лет шестьсот. Слишком низко, и когда волны, корабль может закинуть на камень.

— Да и просто опасно, — Эммерисс подошел к воде и посмотрел под ноги, в вязкую черную воду. — Просто сломаешь борт. Ну, так ты идешь со мной? — он посмотрел на далекий утес, потом обернулся к Миллету.

— Конечно! Допивай, пока не остыло.

— Ты ведь там был, наверно, раз двести?

— В детстве мы только туда и бегали. Еще бы! Представь — древний великий город, столько про него сказано и написано... Мы вообще думали, что развалины должны быть волшебные.

— Конечно. Ведь там было потеряно Сердце.

— Еще бы! Дай-ка еще раз прочесть... Что там написал ваш старик.

Эммерисс протянул Миллету свиток. Тот поставил кружку на камень скамьи и развернул тугую бумагу.

— «Эттех сообщает, что меч был потерян под сводами Западного дворца. Другой человек, имя которого я не запомнил, сказал, что меч был выбит, когда защищали Внутренние ворота. Третий — Жемчужную лестницу. Как бы то ни было, все трое отметили, что Сердце в этой жуткой резне было просто потеряно — не захвачено кем-либо из врага, а просто потеряно. И, более чем вероятно, лежит сейчас где-то в развалинах, ожидая под камнем часа, когда новый Эммерисс найдет его и вернется сражаться — и побеждать». Интересно, откуда он это списал?

— Я не знаю, он не успел сказать, — Эммерисс смотрел в застывшее море. — Но у нас все ждут одного — когда я вернусь и стану с Хрустальным сердцем во главе нашего войска. Война будет, похоже, на следующий

год. Все готовы идти на смерть — только не на пустую. Если со мной будет Хрустальное сердце, значит, мы победим без сомнений, и каждая наша смерть сыграет свою великую роль в нашей великой победе.

— Это ты сам так думаешь?

— Нет, конечно, не я! — Эммерисс рассмеялся, отвернулся от моря и допил остывающий мятник. — Наш старик. Старик был что надо... Был. Только говорил как пыльная книга.

— Не слышал ты Гиттаха, — Миллет допил свою кружку. — У кого в голове пыльные книги — это как раз у него. Как завернет — даже на мгновение не заплнется. Ладно бы только когда выступал, на советах там или перед людьми. Так нет — притащится пожелать доброй ночи и полчаса наставляет — потом до утра не уснешь.

— Да, только их сейчас нет, и никто не знает, что надо делать, — Эммерисс вернулся на одеяло. — Вот найду я свой меч. Да, это будет событие! Вот стану я с ним во главе. И что? Хочешь, скажу тебе одну страшную вещь?

— Конечно, — сказал Миллет, присев. — А потом я тебе.

— Я не знаю, что мне с ним делать. Просто сражаться? Как обычным? Как меня просто учили?

— Ну да! Меч-то он меч, пусть хоть волшебный, пусть хоть Хрустальное сердце. Ты ведь сражаешься не мечом, а руками. Своими руками. И со своим сердцем в груди, наконец.

— Вот я сейчас и думаю... — Эммерисс посмотрел в пустую кружку. — Давай еще сварим? Очень вкусный напиток!

— Еще бы, — Миллет довольно хмыкнул. — Ну, а я вообще не знаю, что делать. И просто боюсь —

что-нибудь делать. Одно дело — читать про войну в книгах, слушать зануду Гиттаха, дядю. С дядей все было по-настоящему, но было ведь с ним, не со мной. Знаешь, если честно, не хочется воевать в четырнадцать лет.

— А мне вообще не хочется воевать, — вздохнул Эммерисс. — Сейчас бы взять твою карту и объездить бы Море. Знаешь, ведь наверняка его исследовали не до конца! — он мечтательно посмотрел в горизонт под низкими холодными тучами. — Ведь не могли же они открыть всё до конца. Я уверен — нам обязательно что-то осталось. Мы бы открыли новые земли и присоединили к своим государствам, без всякой войны, представь!

— Нам бы сейчас убереечь старые, — вздохнул Миллет и тоже посмотрел в пустую кружку. — Ладно, пошли варить мятник.

* * *

Назавтра было совершенно по-зимнему. Мальчики сунули нос из башни — и тотчас закрыли окно. Сильный ветер гнал забитые снегом тучи по колючему небу. Деревья на склоне — он поднимался к северу сразу за стенами замка — негодующе шумели листьями, которые не успели даже пожухнуть — зеленели полетнему весело из-под бахромы липкого снега. К югу от башни пенилось пепельно-серое море. Волны гремели на камнях у подножия замковых стен. Мальчики посмотрели вниз, во двор, окольцованный стенами, — по углам по-зимнему навалило сугробы.

— У вас в сентябре всегда так? — подивился Эммерисс, отойдя от окна к теплой печке, которую Миллет растопил в этом году в первый раз.

— Нет, и знаешь, — Миллет заваривал благоухаю-

щий мятник, — я такого не помню. Дядя рассказывал, что лет тридцать назад выдалось три года подряд, когда первый снег пошел так же, уже в сентябре, — он стал разливать сочно-янтарный напиток по кружкам. — Зато видишь — мятник можно заваривать прямо здесь. Не спускаться на кухню.

Эммерисс взял двумя ладонями кружку, вдохнул аромат, отпил.

— Как заваривать — ты уже понял, а мяты и меда, наших, я тебе дам, — Миллет уселся за стол и поставил горячую кружку перед собой.

— Обязательно. С нашими так уже не получится, — Эммерисс подошел к окну и посмотрел на скалу, за которой скрывались развалины. — Идти нам, наверно, часа полтора?

— Сейчас часа два, — Миллет подошел к окну и уставился в тучи. — Только твоей куртки тебе не хватит. Там и так всегда ветер. А сейчас можешь представить что, — Миллет прошел к сундуку, порылся, вытащил теплую куртку. — По дороге зайдем тут кое-куда. Заодно позавтракаем.

Мальчики допили напиток, оделись, вышли из комнаты и долгой лестницей спустились во двор. Кивнув караульным, Миллет направился к маленькой двери в огромной стене; они зашагали по тесному низкому коридору и через минуту вышли из замка.

— Представляешь, — Миллет обернулся налево и махнул на арку ворот, в глубине которой чернели мощные брусья, — сломались, недавно. Не поднимаются. Да они не нужны никому. В замке человек пятнадцать.

— Вымираем, — кивнул Эммерисс, оглядывая могучую замшелую стену. — Теперь так уже не построят. Сколько лет замку?

— Не знаю, — Миллет зашагал сквозь снег по скользкому камню. — И Гиттах, между прочим, тоже точно не знал. Говорил — минимум тысяча двести, а там, может быть, все полторы. Этот замок, может быть, самое первое, что построили на Полуострове люди с юга.

— Сколько осад выдержал, — Эммерисс, засмотревшись на стену, побежал вслед, догнал Миллета, поскользнулся и чуть не упал. — А стены как новые. Только мхом поросли.

— Осторожно, — Миллет указал рукой в снежный сумрак. — Вчера мы шли низом, а здесь дорога сейчас пойдет влево и вниз... Дорога тут непростая, а сейчас просто опасная.

Мальчики осторожно шли по мокрому камню, сражаясь с ветром и кутаясь в куртки. Снег пошел такой плотный, что моря в сотне шагов слева и склона горы в сотне справа было не видно. Вскоре из снежной завесы проступили четыре столба перекрестка.

— Не заметили, как в город пришли, — хмыкнул Миллет.

Они прошли перекресток, прошли еще сотню шагов; Миллет уверенно повернул, и еще через десять шагов смутная тень с бледно-оранжевой кляксой превратилась в каменный дом с фонарем над дверью в трактир.

Внутри было сонно, темно и тихо; подсвечник под потолком не горел, очаг в камне стены жарко пылал, обогревая пустующий зал. Ребята прошли к камину, сняли мокрые куртки, бросили на теплый камень, уселись за ближайший стол.

— Давненько не было, господин!

Мальчики обернулись — к столу подходил трактирщик, с кружками и кувшином.

— Дядя уехал и все свалил на меня, — сказал Миллет, наблюдая, как трактирщик разливает по кружкам мятник. — Как жить в такую погоду без мятника — не представляю. Знакомься... Это, можешь представить, Эммерисс с Пятого острова.

— Эммерисс? — хмыкнул трактирщик. — В какое время живем, если Эммериссам с Архипелага появилось вдруг дело до нашей-то глухомани? Да еще на зиму глядя.

— В том-то и дело, что на зиму глядя, — Миллет отпил и причмокнул. — Признавайся, почему мятник у тебя всегда вкуснее?

— Опыта больше, — усмехнулся трактирщик и присел на истертые доски скамьи. — Не переживай, научишься делать лучше... Вернее, ты хочешь сказать, — он оглядел мальчиков, — глядя на лето? На следующее?

— Ты слышал про Хрустальное сердце?

— Кто про него здесь не слышал?

— А ты знаешь, что его отковали Эммериссы? В свои времена?

— А ты уверен, что он вообще существует?

— О нем написано в стольких книгах, — сказал Эммерисс, — не говоря о том, что рассказывают.

— В книгах далеко не всегда содержится правда, мой господин. Мы тоже в детстве потратили не один месяц — шарили по обломкам, рылись с утра до вечера, всё думали, что нам-то уж повезет и мы его откопаем. Позже я понял — сам для себя, — что его, скорее всего, просто не существует.

— Но как же ведь так, — Эммерисс отставил кружку, сверкнувшую в теплом огне очага. — Чем ты это — сам для себя — доказываешь? Какими книгами?

— Не все можно доказать только книгами, мой

господин. А вот ты мне скажи — почему ты уверен, что обязательно его найдешь?

— Потому что пришло время, — сказал Эммерисс твердо. — Потому что если я его не найду, мы проиграем. Потому что все к тому шло и пришло — я его должен найти, и я его отыщу!

— Это если он существует, — отозвался трактирщик.

— Вот ты заладил: существует — не существует, — сказал Миллет и засмеялся. — Неси нам еду! Мы идем в город.

— В такую погоду?

— Мне нужен наш меч, — сказал Эммерисс твердо. — Если я его не найду — мы погибнем.

— Вот дался тебе этот меч, — усмехнулся трактирщик. — Он что, за вас будет драться? Драться будете сами. Да и представь — что, если его, — трактирщик оглядел мальчиков веско, — что, если его на самом деле, — он подчеркнул голосом эти два слова, — не существует? Что вам тогда? Ложиться и помирать? Как вы будете драться, если ты его не найдешь? Ну вот просто представь — как один вариант из двух равно возможных.

— Почему равно возможных?

— Знаешь сказку про звездочета?

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересованно отозвался Миллет. — Что-то раньше ни про каких звездочетов ты не рассказывал.

— У звездочета спросили: какова вероятность того, что небо расколется и солнце рухнет на землю? Один к двум. И откуда такая цифра? Потому что или расколется, или нет.

— Спасибо тебе, обнадежил, — Эммерисс хмыкнул.

— Так что приготовь вариант, — трактирщик ши-

роко улыбнулся, — как драться с зелеными, если меча не найдешь.

— Как же драться... Без Хрустального сердца?

— Без хрустального сердца — никак. А без сказочной этой железки — очень даже спокойно. Ладно, пойду принесу вам каши. Вам идти два часа, потом еще день копать в обломках. Заверну горшочек в дорогу.

— Спасибо! Сегодня будем искать в Жемчужном дворце.

* * *

К вечеру погода переменилась. С северо-запада ударил холодный ветер, разбил облака и унес обрывки на юго-восток. Бледное золотое солнце скользило по хрупкому хрусталию неба к закату. Тусклый свинец бурного моря уступил место гладкой полированной бирюзе, сочно-сверкающей под холодным небом, разлившейся гладким зеркалом до чистого горизонта. Ветер был зимний, студеный; снег, задержавшийся за день между камнями, потвердел. Воздух стал острым, шершавым; дышалось чище и как-то просторней, но в груди ощущалось свежее жжение.

Миллет и Эммерисс вышли на высокий обрыв, на котором спали руины древнего города. Море гладкой решеткой спокойных сверкающих волн стелилось в бесконечную даль. Неподалеку от берега, меньше лиги, начиналась череда островков, которые черными зубьями — все теперь в искрах снега — простирались на юго-запад во всю бирюзовую гладь и растворялись в прозрачности горизонта. Черный камень влажно мерцал под холодным солнцем. Южные спины черных горбов были покрыты соснами — отсюда зелень на склонах виднелась только с краев — влажно--

зеленые гроздья по контуру островков, с запада и востока.

— Тут их целый архипелаг, — Миллет махнул рукой в сторону россыпи островов. — Он так и называется — Гоххат. Их тут целая тысяча, и все необитаемые — видишь, там даже ступить негде, все берега очень крутые. Как там деревья только растут.

Эммерисс подошел к краю обрыва и глубоко вдохнул.

— Воздух какой-то просто волшебный, — он оглядел застывшую хрустальную бесконечность. — У нас так никогда не пахнет, даже зимой, когда часто бывает вот так — тоже бирюзовое море, как будто стеклянное, застыло до самого горизонта, и волны слабые и спокойные. У нас весь западный берег из такого же черного влажного камня, и зимой покрыт такими же снежными пятнами. И небо такое же чистое и бездонное, как будто мытое зимней морской водой — густой и прозрачной. Но так никогда не пахнет.

— Это ветер, — сказал Миллет, подойдя к кромке обрыва и также глубоко вдохнув. — У вас острова, много маленьких. А у нас один очень большой. И на северо-западе горы. Невысокие, и когда ветер оттуда сильный, он несет через них стужу. Помнишь карту? Там бескрайние заснеженные равнины, и в конце сентября там уже очень холодно.

— Да, там зима уже по-настоящему, — Эммерисс посмотрел на северо-запад, где за черными зубцами развалин в дали мерцали в холодном солнце предгорья. — Раньше там жили — написано во всех книгах.

— Дядя рассказывал, что еще его дедушка ездил за горы по торговым делам. У нас внизу сундуки набиты шубами, шапками и накидками — всё меха из Загорья. У нас зимой тоже холодно — не так, как у них,

но без шубы иногда на улицу не выходи. Правда, по-настоящему холодно было последний раз одиннадцать лет назад. Я уже помню.

Мальчики засмеялись.

— Море замерзло до самого горизонта. Гиттах тогда говорил, что это — большая редкость.

— Течение, — кивнул Эммерисс. — Ладно, через час солнце зайдет. А нам еще два часа до города.

— Во дворце будем еще искать?

Мальчики отвернулись от моря и побрели со скалы к дороге, уходящей в пепельную пелену прибрежных равнин едва заметной цепочкой снежно-серого камня.

— Наверно, нет. Я чувствую, что он не там.

— А что ты вообще чувствуешь? — Миллет устало шагал по голубоватому снегу. — Вообще? Знаешь, мне сегодня стало казаться, что его кто-то давно нашел и увез. Причем уже очень давно.

— Нет, что его никто не нашел — я знаю точно. Хотя бы потому, что если бы он где-то возник, где-то в мире, мы бы об этом узнали.

— Здесь копать-то и нечего. Город стоит на скале. За тысячу лет здесь проверили каждую щель.

— Да, но меч — наш! — Эммерисс остановился и обернулся назад, на зубья развалин, черневшие на ясности неба. — И ждет своего часа и нашей руки! Ну хватит, ты же сам это знаешь.

— Давай правда так рассуждать, — сказал Миллет, когда мальчики отвернулись и продолжили спускаться к дороге. — Если его кто-то найдет — разумеется ты. Это понятно, это должно так быть! А если Сердца не существует? Ведь правда — мало ли что написано в книгах? Ты сам ведь не видел, как Сердце ковали, как им сражались?

— Мы ищем только полдня!
— И сколько ты собираешься его искать?
— Пока не найду. Что спрашиваешь?
— Ты сам ведь не видел...
— У меня дома все до последнего ждут — и верят.
Без него я домой не вернусь. Без него все равно все погибнем.

* * *

В трактире с хорошей погодой к вечеру сталолюдно и шумно. Миллет и Эммерисс прошли в угол, сбросили куртки и уселись за обшарпанный стол. Трактирщик сразу явился, разлил по кружкам обычного мятника, присел и оглядел мальчиков.

— Куда спрятали меч? — спросил он с улыбкой.

— Мы искали только полдня, — сказал Эммерисс. — И только в одном месте.

— Верой, мой господин, можно обрушить горы, согласен. Только прежде чем верить, нужно хорошенько подумать. Как перед любым другим делом, это правило без исключений. Загляни сам в свое сердце! Тебе самому нужна эта сказочная железка?

— Как же я без нее поведу своих драться?

— Тогда ты тут при чем?

— Как при чем? Я же правитель Острова! И люди пойдут за мной!

— Нет. Получается, что пойдут за железкой, которую ждут и в которую верят. И ты тоже веришь в железку, а не в себя.

Эммерисс помолчал.

— Я об этом, конечно же, думаю, — сказал он, вздохнув. — Только, ты понимаешь... Когда тысячи тысяч людей во что-нибудь верят — страшно.

— Особенно когда верят вслепую, без головы, —

трактирщик кивнул. — Ну, а ты — разве ты лыком шит? Ты — правитель своего народа, который верит пусть не в тебя самого, — он улыбнулся еще раз, — но хотя бы в легенду. Рода древнего, мудрого и могучего. Эта мудрость и это величие видны в тебе, что называется, невооруженным глазом. Зачем тебе эта железка, которой, может быть, и не было вовсе? Зачем тебе эти черные камни?

— Как зачем камни! — Миллет даже обиделся. — Это же Гоххат! Древний могучий город! Город великий! Какие люди тут жили! Какие дела тут творились! Какие книги тут были написаны!

— Вы пошли в древний могучий город не за величием, не за людьми, не за делами, не за духом тех книг, которые там были написаны. Пошли тревожить великие камни ради какой-то железки — даже если она была, и была такая волшебная. А многие пересекают Море только затем, чтобы постоять в этих развалинах хотя бы десять минут. Окунуться в эту легенду — хотя бы в то, что от нее осталось.

— Но мне-то что делать? — Эммерисс смотрел в полную кружку, в янтарный напиток, который уже остыл. — У нас ведь только и говорили, что настанет тот день, когда Хрустальное сердце явится миру и Эммерисс поведет свой народ к победе. Мы — с запада самые первые! Когда Зеленое море обрушит на Архипелаг удар, мы первые встретим всю мощь. Ваша помощь будет бесценна, но вы — двести лиг к северу! Мне-то что делать?

— Я бы, конечно, еще поискал, — сказал трактирщик, поднявшись. — Пару дней, может быть, поискал. Побродил бы по сказочным камням, подумал, почувствовал... Попробуй, мой господин. Будете завтра искать — подумайте, между делом, как бы вы поступи-

ли, если бы знали наверняка, что Хрустального сердца не существует.

— Как же так, — Эммерисс смотрел на блики огня по серебряной кружке, — как же все-таки так — Хрустального сердца не существует?

— Подумай еще о том, что слово «хрустальный» на всех языках нашего Моря значит еще кое-что. Я уверен — сразу что-то придумаешь.

Трактирщик отошел в шум и гомон.

* * *

Мальчики шли по ночной улице, под черным бархатным небом со спокойными ясными звездами. Подмерзший снег под ногами звонко похрустывал; мягкое эхо сыпалось по мостовой и затихало между домами. Каменные стены по сторонам светились холодно-розоватым золотом в свете уличных факелов. В окнах мерцали уютные огоньки; черные арки, очерченные фонарями у входов, резали гладь фасадов. Было поздно, и людей было уже немного; пару раз прошли патрульные с факелами, останавливаясь, чтобы поприветствовать Миллета.

— По городу люблю гулять ночью, — сказал Миллет, когда очередной патруль миновал. — В темноте узнать трудно — не надо здороваться.

— Как-то у вас не так, — Эммерисс оглядывался по сторонам, — по всему Морю разруха, корабли ходят дважды в полгода, новостей вообще не узнать. А у вас — вон, даже факелы ночью на стенах!

— А вот и назло этой разрухе, — сказал Миллет и засмеялся. — Да и потом, порядок — самое главное. Следи за порядком — все остальное приложится. Дядя так говорит, но это, по-моему, и так ясно.

Они свернули направо и стали спускаться по лест-

нице, которая пересекала город сверху до самой набережной.

— Ага, — Эммерисс огляделся, потом посмотрел вперед, в черную пустоту, которая начиналась за теплыми огоньками города. — По этой лестнице поднимаешься с пристани... — он обернулся назад и посмотрел в небо, в котором светилась снегом гора.

— Да, она идет от моря до самого маяка, — Миллет тоже остановился и обернулся.

— Который там, наверху? А почему он тогда не горит? Если порядок?

— Денег нет. А он по-настоящему и не нужен. Гиттах сказал, что им перестали пользоваться очень давно, лет триста назад. Плавать стали в три раза меньше, а по ночам перестали вообще. Видел сегодня все эти маленькие островки? Они идут далеко, до конца плыть почти день. Стали бросать якорь в начале, ночевали, потом с утра успевали к закату даже зимой.

Мальчики повернулись к морю и продолжили спуск.

— Помню, по твоей замечательной карте... Но я добирался с двумя пересадками. Сразу на север от нас сейчас никто не пойдет. До этих крайних, про которые ты говоришь, два дня хода. А воды сам знаешь какие.

— Да — ведь это, считай, уже Зеленое море. На всех картах, которым за триста лет, эти воды в него всегда входят.

— У нас сообщение есть только с Третьим, на юго-востоке, и со Вторым.

— День на восток?

— Да. Ну, там проще — все-таки не окраина, как у нас. Спокойно добрался до Первого — еще два дня на восток. А там ждал целый месяц, пока кто-нибудь вышел бы к вам. Проел все деньги.

— Эммерисс, древний могучий род, — сказал Миллет, и мальчики невесело засмеялись. — Осторожно, не поскользнься... Я тут один раз, представляешь, ногу сломал! Два года назад. Две недели потом сидел дома.

— Ночью, конечно?

— Ну да.

— Догулялся.

Мальчики засмеялись.

— Зато сколько нашел новых книг, у себя же в библиотеке, — сам удивляюсь. Вроде бы всё перерыл, перечитал, перегрыз. Вдруг смотришь — такая необыкновенная книга, и лежит с самого края, возле стола. И лежала так, может быть, лет триста. Никто не знал, что она вообще существует. Вот так всегда, да?

— Так оно и бывает. Ищешь, ищешь, все перерыл, перекопал, уже начинаешь думать — честное слово, этой вещи, наверно, вообще и не было! Раз — и находишь! В первом же ящике с края.

Мальчики спустились на улицу, которая шла над берегом, огибая бухту плавной подковой, и свернули налево.

— А вот здесь, — Миллет махнул на ворота, — на меня один раз напала собака! Можешь представить? Иду себе, иду, никого не трогаю. Просачивается под воротами — и на меня! Утром! Да еще утро какое было! Солнце, ясно, мороз, снег хрустит, воздух необыкновенный! Тихо, спокойно, все серебрится — иней... Гора, — Миллет махнул на мерцающую в ясной ночи вершину, — как будто в серебряном порошке. Такое утро испортила, дура.

— Ну, а ты что? Надо ведь что-то делать, когда на тебя нападают.

— Ну, меча у меня с собой не было. Я ее обратно, под ворота, пинками. Укусила, дура, два раза, да лад-

но. Хозяин, когда узнал, примчался в замок и три часа извинялся. Предлагал собаку зарезать. Надоел всем, дядя его прогнал.

— Пинками?.. Вы, конечно же, правы, — сказал задумчиво Эммерисс, ступая по хрустящему снегу. — Поселиться здесь, у вас, в чистом спокойном городе, и искать меч до скончания века я, конечно же, не могу.

— Придется как-то, — кивнул Миллет, — пинками.

— Да. Искать остается что-то в собственной библиотеке.

* * *

— Всех этих бумажек, в которых сохранились упоминания и какие-то указания, все-таки мало, — сказал Миллет, оглядывая черные камни. — Чутье тоже вряд ли сработает, если его чем-то не подкормить.

— Да, этого мало, — Эммерисс присел на камень, тепловатый под ясным осенним солнцем. — Но это, во-первых, все, что у нас есть, во-вторых, все, что вообще, наверно, и сохранилось.

Погода сегодня была замечательная. Зима отступила, и вернулась погожая тихая осень. Прозрачный безветренный день растекся прозрачным теплом по побережью. Черные камни развалин казались бархатными и мягкими; море было спокойным и сонным, небо — высоким и легким; равнины, которые отлого поднимались к далеким горам на северо-западе, мягко мерцали зеленоватым осенним золотом. К полудню снег наверху стоял весь, и горы мягкими сизыми волнами растворялись в молочно-матовом у горизонта небе. Легкий ветер доносил дым осенних костров, и тонкий запах, разлившись в нежаркой сладости осеннего воздуха, немного пьянил.

— Какая бывает погода, — Миллет глубоко вдохнул

медвяного запаха. — Даже про войну думать не хочется, — он присел рядом, отодвинув куртку, которая сегодня не пригодилась. — Давай отдохнем и с дворцом покончим? У нас еще ворота, те и другие, — он махнул на отполированные ветрами камни развалин.

— Знаешь, — Эммерисс в бесконечный раз оглядел пунктир разорванного прямоугольника, который остался от здания, — мне кажется, что здесь его действительно нет. Какое-то у меня ощущение на этом месте... Пустое.

— Тогда вон — ворота, — Миллет указал направо, вниз, где над невысокой травой виднелось с десяток камней — остатки городских стен.

— Пошли, — Эммерисс поднялся и побрел по траве, переступая через древние камни.

— Пошли, — Миллет поднялся вслед. — Смотри — опять чья-то лопата! — он весело подбросил свою и поймал. — Почти новая! Ржавая только чуть-чуть.

— Ты, надеюсь, никому ничего все-таки не рассказываешь, — Эммерисс усмехнулся. — И так уже весь ваш город смеется...

— Никто не смеется, — рассмеялся Миллет в ответ. — Каждый в нашем городе был ребенком и сам пропадал здесь с утра до вечера.

— Да, но в тринадцать-то лет уже пора образоваться. Ты вон летом уже станешь правителем. По всем законам, по всему Морю... У нас дядюшки тоже правят, пока племянникам не исполнится четырнадцать лет. У меня просто не осталось ни одного, даже двенадцатиуродного. Поэтому я сразу — в правители. Тяжелее всего, знаешь, то, что отец только и рассказывал что про зеленых, последние года два. Что делать, как делать, с кем союз заключить, с кем — семь раз подумать. А я сейчас взялся за войско — на тебе,

оружия не хватает! Можешь представить? В смысле — ковать, во-первых, некому, во-вторых, не из чего. На всем острове — три оружейных, и мастера давно все на пенсии. Ты знаешь, что на Пятом железа нет, а везти с юго-востока сырье, тратить такие деньги, чтобы оно просто так валялось... А покупать — негде и нечего. Сегодня оружие не продают. Самим надо.

Мальчики дошли до развалин ворот. Миллет подошел к гладкому камню, стукнул лопатой в полированный ветром бок, огляделся.

— Знаешь... — он посмотрел на Эммерисса. — Мне только сейчас стало понятно, какая глупость — вся наша затея.

— В общем-то, да, — огляделся и Эммерисс. — Но что было делать?

— Ты прав, нам даже не восемь лет. В детстве-то клады нужно искать обязательно, неважно есть они или нет...

— Ну да, — сказал Эммерисс грустно. — Перекопаем мы сейчас и эти ворота...

— Надо, наверно, тебе выбить это из головы, все-таки... Мол, меч тебя ждет и обязательно тебе откроется. Как вбил, так же и выбить.

— Ну да... Копали-копали тут тысячи человек тысячу лет, а сегодня явился Эммерисс, и меч вылез из-под камней сам.

Мальчики весело рассмеялись.

— Я знаю, что бы сказал ваш Гиттах...

— Да — числа в школе проходят не просто так. Что сделают два человека на всем этом пространстве? — Миллет обвел рукой склон, по которому к воротам спускалась россыпь черных камней. — Взять бы как раз тысячу человек, хотя бы...

— Наметить бы четкий план...

— И за лето все здесь перекопать.

— По науке.

— По науке...

— У тебя там в библиотеке наверняка завалялась книга, в которой написано, как правильно делать такие вещи.

— Давай обедать. Я умираю с голода.

Мальчики уселись в траву, развернули котелок с кашей, достали ложки и принялись за еду.

— Какая все-таки каша у вас волшебная. Страшно подумать, что будет, если зеленые захватят ваши поля.

— Так вот о чем речь, — сказал Миллет с набитым ртом. — А ты вон не знаешь, где брать железо. Давай еще немного тут погуляем — и в город. Зайдем к нашему оружейнику — он недалеко от трактира, заодно пообедаем, еще раз, — и прикинем, что делать. У нас железо есть, в тех горах, — Миллет вытянул руку с ложкой на северо-запад, — но некому добывать и его обрабатывать... Мастера, которые были, подались на юго-восток. Там железное дело еще как-то идет, вроде. А у нас тут и войн лет триста последних не было.

— Да, пока ведро, можно снарядить хотя бы два-три корабля, — сказал Эммерисс с набитым ртом. — Человек двадцать я бы нашел, они бы дело поставили. Работникам заплатить я тоже насобираю.

— Тем более у нас дорого не возьмут. Работы нет никакой, любой будут рады.

— А что твой оружейник? Если с ним тоже поговорить?

— Насчет Хрустального сердца?

Мальчики закончили трапезу, уложили лопаты в мешок, свернули куртки и зашагали по склону к до-

роге, которая теперь, на зеленом золоте трав, вилась яркой серо-серебряной лентой.

— Сколько лет этой дороге? — спросил Эммерисс, ступив на упругий камень. — Тоже тысяча?

— Больше. Гиттах рассказывал, что ее провели за-долго до города, — он кивнул за спину, где на вершине утеса чернели древние камни. — Ты знаешь, что был еще старый Гоххат? Десять лиг к западу. Там тоже удобная бухта, но здесь, видишь, скала — на ней городу безопаснее. Хотя, видишь, не помогло... Дорога вела от старого Гоххата на север и на восток к нашему замку. Города тогда еще не было, а стоял только замок. Тогда это был самый восточный рубеж всего королевства.

— Королевства Гоххат? Оно ведь тоже так называлось?

— Да. Тысячу двести лет назад построили восточный форпост — замок с пристанью в подножье скалы.

— Пристань я уже видел...

— Да. Тут все замки по Побережью такие — строили только так. Так вот дорогу провели как раз до нашего замка. Там, — Миллет остановился, обернулся на юго-восток и вытянул руку в долину между утесом Гоххата и подошвой северных гор, — день пути — и еще один замок. Там тоже был город, но последние люди переселились отсюда к нам лет триста назад.

— Когда перестали зажигать маяк?

— Да, — Миллет отвернулся от юго-восточного неба. — Замки, по всему Побережью, стоят — день пути по дороге. Мы до сих пор так говорим: «Туда дороги ползамка», или «Туда топать полтора замка». Так вот там, на западе, уже ничего не осталось. Если не знаешь, то Побережье по южному берегу полуострова тянется на шесть замков.

— Это знаю... И на карте твоей это указано. В то время, наверно, жили везде, и людей было много.

— Много было еще лет триста назад. Только потом появилось Зеленое море, и теперь наш город — самый южный на полуострове. Столица, Каменный берег — слышал, купец говорил, — от нас два замка на север, через хребет, на северном берегу полуострова.

— То есть вы тут одни.

— В том-то и дело, — дорога поднялась на пригорок, и Миллет остановился. — Смотри, — он указал вперед, где на отлогом склоне под мягким сентябрьским солнцем сверкал крышами город. — Вон, видишь, шпили? Там оружейная.

— Вперед!

* * *

На город уже опустилась прохладная свежесть вечера. Мальчики прошли западные ворота, двинулись по верхней улице, через пару сотен шагов свернули налево, поднялись по маленькой лесенке, нырнули в низкую арку и очутились во дворе дома с высокой остроконечной крышей. Над крышей в спокойное синее небо вонзались высокие шпили. Закатное солнце сверкало прохладной розовой позолотой на флюгерах, откованных как рукояти мечей. Розоватые зайчики падали с рукоятей и рассыпались по стенам и граненым столбам, за которыми в галерее, идущей вдоль стен, виднелись закрытые ставни.

— Тут было шесть мастерских, — Миллет обвел рукой периметр стен. — Теперь, видишь, все заколочено. Осталась одна. Он дома, в трактир еще рано...

Они перешли двор, в тиши осеннего вечера гулкий особенно, вошли в галерею и подошли к огромной дубовой двери. Миллет ударил тяжелым кольцом.

— Красиво, — Эммерисс оглядел тонкую ковку. — Ваше оружие славится. Я сам не видел, но у нас говорят. Старик наш рассказывал.

Дверь со скрежетом отворилась.

— Пустишь в гости? — Миллет перешагнул через порог, обернулся. — Вот и наш оружейник, знакомься.

— В любое время суток, — оружейник посторонился, пропуская мальчиков в коридор. — Давно не заглядывал, господин.

— Дядя уехал, бросил все на меня... Дай мятника. Пить охота и немного подмерзли.

— Сентябрь никак, — кивнул оружейник. — Давайте сюда. Я как раз собирался передохнуть.

Оружейник провел мальчиков в маленькую каморку, усадил, достал мед, мяту и поставил на огонь медный кувшин.

— Воду для мятника надо кипятить вот так, — сказал Миллет, — в медном кувшине. И в нем сразу заваривать. Чем занимаешься? — он обернулся к огню. — Ночь на дворе, а у тебя, — Миллет повел носом воздух, — печь под огнем? И вообще, давно ничего не показывал.

— Показывать нечего, — сказал оружейник. — Все, что в подвалах, ты знаешь. Оружия больше чем войска. Сколько у нас человек? Правильно. Оружия, верно, в два раза больше.

— Да, — кивнул Миллет. — Но мы-то рассчитываем на столицу.

— Неизвестно, с чем вернется наш дядя. Столица ничего не даст.

— Ну да, им там хорошо, за хребтом. Может быть, они и правда там отсилятся.

— Наша столица — жирный кусок, как бы там ни было. И отсидеться все-таки шансов больше у нас, —

оружейник отставил кувшин с огня. — Я совершенно уверен, что они обойдут полуостров с востока и сразу пойдут на столицу. Оттуда дороги до копей только на замок больше.

— Кстати, во-первых, знакомься — Эммерисс с Пятого острова... Во-вторых, мы об этом как раз и хотели поговорить.

— Эммерисс? — оружейник отставил кувшин, обернулся. — Тот самый? Сейчас уже и не вспомнишь, когда к нам жаловал какой-нибудь Эммерисс. Что ж, мой господин, если ты думаешь, что мы вам поможем... У нас просто никого нет. Оружие есть, только вот драться некому. У нас, на весь замок, не найдется трех тысяч.

— Послушай, в чем дело, — Миллет, не вытерпев, встал, подошел к кувшину и поднял крышку. — Наливай, готово уже.

— Сядь, господин, и не нервничай. Еще не готово, — оружейник отобрал крышку у Миллета и вернул на горячий кувшин. — Ну, если замок на север, до перевала, — еще полторы. Они все-таки считают себя южанами, — он усмехнулся, — и, раз так, не обязаны быть под столицей.

— У них есть мастера, — Миллет указал на юг, в каменную стену каморки. — И есть деньги, чтобы нанять рабочих. Надо организоваться.

— Сколько у тебя человек?

— Было три мастерских, — сказал Эммерисс, — по четверо мастеров. Восемь, увы, подались на юго-восток.

— На юго-восток, — хмыкнул с горечью оружейник. — Неудивительно, — он, наконец, снял с решетки кувшин и стал разливать мятник по серебряным чашам странной ажурной чеканки.

— Видел, какие чашки? — Миллет повертел чашу в руках. — Откуда-то вообще из-за Моря.

— Гиттах сказал — с Южного мира.

— До которого плыть пол-луны? — Эммерисс разглядывал чашу, осторожно вращая в руках. — Из такой даже пить как-то не по себе.

— Это чаша, — сказал оружейник, наливая мятник в сосуд, — а из чаш надо пить. Хватит глазеть. Пей, пока не остыло. Да, как раз до того...

— Отец рассказывал, что в старину мы посылали туда по пять караванов в год, — сказал Эммерисс грустно.

— Это было очень давно и, наверно, уже неправда, — оружейник вылил последнюю каплю напитка и присел за стол к мальчикам. — Значит, осталось у тебя четверо... Сколько рассчитываешь собрать?

— Знаешь, такое вот дело... Если получится, соберу двадцать тысяч.

— Сегодня — большое войско, — оружейник кивнул. — С таким можно выйти даже против зеленых. Было бы только оружие — не абы какое.

— У нас столько нет, пусть бы абы какого.

— Ну, четверо у меня тоже есть. Подмастерьев набираем... За зиму откуем. А что за дело такое? Без которого наше лучше не начинать — я думаю, даже двадцать тысяч, даже если ты семи пядей во лбу, быстро погибнут. У зеленых сорок готово уже сейчас. Что за дело?

— Все то же, — сказал Миллет, отпив мятника. — Хрустальное сердце.

— Понятно, — оружейник невесело усмехнулся. — Знаешь, мой господин, если ты приехал за ним, то времена сейчас не такие... Взрослеть приходится раньше.

— Не знаю, как объяснить, — сказал Эммерисс грустно, — но я искренне верил, пока не покопался в развалинах. Там почему-то вера от меня ушла.

— Тебя можно понять... Гиттах рассказывал, откуда взялась эта легенда. Меч якобы выковал какой-то твой дальний предок, чтобы защищаться от напасти с запада. Затем меч был потерян в битве за Гоххат. Теперь, когда запад снова грозит, да так, как не было уже восемьсот лет, меч должен вернуться. И Эммерисс с Хрустальным сердцем в руке... Дальше все ясно.

— Ну да, — сказал Эммерисс грустно. Он посмотрел в окно, в темнеющее синее небо. — Если я вернусь с Сердцем, весь остров встанет со мной. Если без Сердца — все убегут на восток. Бери Пятый остров кто хочет. Люди такие — что я могу поделаться?

— Сердцу полагается быть не в руке. Сердце бьется в груди.

— Ты не первый уже намекаешь.

— Так за чем стало дело? За железякой? Приходи завтра с утра и выбирай любую. Наше оружие славится! Выбирай любую, даже самую дорогую, — я тебе подарю, сам.

— И сказать, что это — Хрустальное сердце? Так просто?

— Конечно, не так, — оружейник отставил пустую чашу, сверкнувшую ледяным серебром в свете вечернего неба. — Я вижу, что ты настоящий Эммерисс — как тут, на Побережье, мы про них знаем. Ты просто страшишься... Не боишься, а просто страшишься — это неудивительно, тебе бы сейчас учиться, потом отправиться куда-нибудь путешествовать... А не с железом в руке под стрелы. Ты ведь ни разу не дрался?

Эммерисс усмехнулся.

— Ни разу не вел никого за собой. На смерть. Вот для этого нужно сердце — в груди. Хрустальное в первую очередь. Искреннее, ясное, строгое. Взвешенное, смиренное, простое и отстраненное. А железку, — оружейник на секунду задумался, — я тебе дам. Как раз то, что надо. Приходите завтра после полудня. Никто не подумает, что это не твое Хрустальное сердце... Главное — сам знаешь что.

* * *

Назавтра погода выдалась замечательная. Зима унеслась с северо-западным ветром, оставив просторы берега, куда вернулась даже не осень, а снова теплое золотое лето — мягкое, сонное, светлое, каким оно бывает на Побережье в начале августа. Мальчики вышли из замка и бойко шагали по древней дороге к городу. Слева внизу простиралось спокойное бескрайнее море — бухта, очерченная тонкой подковой прибой, серые кубики пристаней под лентой центральной лестницы; дальше, где бухта растворялась в водном просторе, — скалы, рыжевато-зеленый мох на которых сейчас, в свете такого теплого ясного чистого дня, даже в такой дали казался свежим, пушистым и мягким. Там, за мшистыми скалами, скрывались черные камни древних развалин: отсюда их было еще не видно — нужно было пройти на запад и спуститься к воде, к пристани замка.

Впереди четыре дорожных столба метили перекресток; за ним в солнце сверкали остроконечные крыши города. Верхняя улица, в которую вливалась дорога, повторяла плавной дугой старую набережную внизу, проходила по городу, заканчивалась с другой стороны воротами, поднималась на мшистый горб скал и, перевалив, спускалась в западную доли-

ну и убегала к горам. Справа высился склон, по которому террасами спускался город, — чем ниже, тем древнее был камень стен и уличных плит, тем тяжелее постройка — узкие окна, глубокие арки, плоские крыши — не такие ажурно-остроконечные, сверкавшие новой ковкой в прозрачной солнечной дымке. Склон был увенчан башней древнего маяка — лестница подводила прямо к его подножью. Глубокие арки камеры фонаря были забиты щитами — маяк уныло взирал со своей высоты на город, берег и море, но яркая радость дня была все равно сильнее, и мрачные тени арок меркли в свежести неба.

Над горой в бездонной прохладной глубине плыли прозрачные лохматые перышки облаков. Белый опал солнца ласково грел в сочно-голубом бархате неба. Солнце, которое уже подбиралось к полудню, разлилось по густо-синей воде морем жемчужно-золотых зайчиков, и миллиарды кристалльных искринок сверкали в ясности горизонта. Чайки носились яркими белыми стрелами, и хриплые звонкие крики пронзали насыщенный мягким золотом солнца воздух.

— Веришь, даже летом такой погоды не помню, — сказал Миллет, разглядывая сосновую зелень склона. — Вот чтобы так, все сразу. И солнце, и небо, и воздух, и такая спокойная тишина.

— У нас такое бывает только в начале лета, — кивнул Эммерисс. — Или даже в конце весны. Когда весна вроде бы не ушла, а лето вроде бы не пришло.

Мальчики засмеялись.

— Приезжай ко мне в гости. К весне, правда, думаю, будет не до прогулок, но зимой у нас тоже необыкновенно, — Эммерисс шел, мечтательно оглядываясь вокруг. — Мы все-таки двести лиг к югу, и зима у нас будет уже не такая. Вода у нас, например, не за-

мерзает даже в самый сильный мороз. Ну, и морозы у нас, конечно, не такие сильные.

— Так у нас тоже здесь юг, — Миллет махнул рукой вправо. — Два замка на север — горы, и вот за ними уже север по-настоящему. В столице, знаешь, даже летом, бывает, подтапливают. Особенно утром.

— Я читал, что летом там даже снег может пойти.

— Ну, летом не знаю, но еще в мае и уже в конце августа — запросто. Хотя летом там бывает такая жара — о-го-го. Моря там уже нет, только залив, и тот — узкий и неглубокий. Дядя пишет — осень в этом году очень теплая. Снег пару раз был, но быстро растаял. Хотя по ночам вода по берегу уже замерзает.

— Скоро зима.

— А там — лето...

— Знаешь, если все выгорит — поехали вместе со мной сейчас. Заберем мастеров, возьмем деньги, а пока будем забирать и брать, погуляем там кое-где. Покажу тебе пару мест, где я люблю гулять с детства. Места просто волшебные! В любую погоду. Сходим на наш вулкан!

— Это который над городом? У меня есть книга, про горы Архипелага, ты должен обязательно посмотреть... Там есть картинки... Красиво!

— Картинки, даже самые лучшие, — они просто чтобы представить, как оно там. Пока сам не слазишь... Не посмотришь, как оттуда все видно...

Мальчики прошли перекресток, от которого справа наверх, к маяку, уходила проезжая улица, а слева — к пристани вниз. Глазая на сверкающие под солнцем крыши, ставни, вывески и ограды — и поминутно отвечая на приветы прохожих, — ребята дошли до трактира и вступили в прохладный зал. Трактирщик беседовал с седым стариком. Увидев мальчиков, он

поднялся и ступил навстречу; те подошли к столу, поздоровались.

— Все перерыли? — улыбнулся старик.

— До последнего камня, — кивнул Миллет.

— Я тоже, в детстве, когда приезжал, пропадал на ваших развалинах. Так со всеми и перезнакомился.

— А ты откуда?

— Из столицы.

— А к нам по какому делу?

— Жду корабля.

— Интересно, — Миллет присел рядом, — у вас что, нет пристаней? У вас кораблей в десять раз больше.

— У нас в тридцать раз больше людей, — усмехнулся старик, — в тридцать раз больше слухов, в тридцать раз больше вранья. Кто-то сказал, что Китовый проход уже перехвачен, и вот теперь все сидят в кабаках и ждут последнего осеннего каравана. Придет — не придет. А мне ждать нельзя.

— От нас сейчас тоже ходят через Китовый проход, — кивнул Миллет. — И давно уже только так. Последний корабль сразу на юг ушел прошлой весной. У нас тоже тут слухи.

— Догадываюсь, — старик усмехнулся. — Завтра с рассветом пойду на «Красном драконе». Дойду до Четвертого, там дальше не знаю пока... Ну, а ты, — старик посмотрел на Эммерисса, — из тех, значит, самых? Правитель Пятого острова? И что собираешься делать? Только давай без сказок, — старик усмехнулся. — Что собираешься делать? Зеленые нападут ранним летом. Нам нужен союз так же, как и тебе. У нас железо, серебро, лес. Корабли из нашего леса до сих пор самые лучшие.

— Только строят за морем, — трактирщик кивнул.

— А кто будет строить? Все убежали.

— На юго-восток?

— Да, господин, — ответил старик. — Только я-то по делу, вернусь... И, надеюсь, вернусь не один. Так что собираешься делать? Или тоже думаешь отсидеться на юго-востоке?

— Я бы хотел, — сказал Эммерисс, — только толку от этого юго-востока? Просто позже погибнешь.

— Ты найдешь хотя бы с десяток тысяч?

— Мы об этом уже говорили, — Эммерисс отмахнулся. — Я нашел бы в два раза больше.

— Это было бы превосходно, — кивнул старик. — Только?

— Ты людей знаешь.

— Вы куда-то бежали?

— Нам к оружейнику, — кивнул Миллет. — После полудня.

— Тогда заглянем ко мне, — старик поднялся. — У меня, мой господин, для тебя кое-что есть.

* * *

Старик вытащил из мешка книгу, обернутую в материю, развернул, положил на стол, раскрыл на первой странице, погладил бумагу.

— Ух ты! — Миллет оглядел незнакомые буквы. — Это что за язык? И книга какая, смотри... Я таких переплетов не видел, с такими ребрышками.

— Древний язык Южного мира. Этой книге тысяча пятьсот лет. Эта книга про то, что у них называлось Великой восточной войной. В наше время у нас про эту войну никто ничего не знает.

— Нет даже в книгах?

— В наших, — старик перевернул страницу. — Смотри, видишь — таблица? Это список битв по годам, а это — страницы, где про битву написано.

— Расскажи про эту войну! — сказал Эммерисс, разглядывая таблицу. — И, кстати, что это вообще за книга? Просто о том, что было? Или из нее можно научиться какой-нибудь древней военной хитрости?

— И то и другое, — кивнул старик. — Только если у тебя будет все целиком. Эта книга — видишь, цифра? — вторая. Здесь в порядке годов приводятся битвы, их ход, причины побед, поражений — как думает древний автор. Почему же случилась война, кто ее развязал, когда именно и так далее — этого сейчас, наверно, не восстановить.

— Странно, — Миллет жадно разглядывал вязь диковинных букв, — как эта книга вообще до нас дожила. Да еще так сохранилась! Как новая.

— Книгу нашел мой дед. Ты ведь знаешь третий замок на запад?

— Конечно! Сколько раз в детстве бывал. Гиттах — знаешь, конечно? — рассказывал, что сто лет назад там еще жили. И рыбу оттуда возили, представь, сюда — такая на том берегу была рыба.

— В том замке была отличная библиотека. Я думаю, у тебя, — старик указал пальцем в окно, где в залитой солнцем дали сиял серыми стенами замок, — если порыться, многое будет оттуда.

— У нас половина книг — вообще непонятно откуда и как взялись, — кивнул Миллет. — Некоторые тоже на неведомых языках, даже Гиттах таких не знал. Но он говорил, что они все равно с нашего Моря, даже с Архипелага — с юга и юго-востока.

— Да, языков, на которых там говорили, еще лет триста назад было в два раза больше. А вот про этот, — старик погладил страницы, — не знает больше никто. И я его выучил лишь потому, что дед вместе с прочим привез справочник по языкам Южного мира. Вы-

учил плохо, справочник слабоват, — языков там было штук двадцать, подробно поведать грамматику каждого языка в такой книге нельзя, да она писалась и не для этого. Но справочник написал Меттенгеййе, величайший языковед, и даже по таким скудным сведениям я смог разобраться, — старик еще раз погладил древнюю книгу.

— Меттенгеййе, — кивнул Миллет, припоминая. — Я про него где-то читал!

— Возможно. Он был великий ученый.

— А жил? — спросил Эммерисс, разглядывая тонко прочерченный заголовок.

— Шестьсот лет назад, на юго-востоке. Опять же... Это было золотое время Архипелага, такое, что благодать его сохраняется до сих пор, и всякий сегодня надеется, что беды наших времен на юго-востоке бессильны... Но мы-то знаем, что это не так, — старик оглядел мальчиков, усмехнулся. — Так вот, ближе к делу. Я разобрался с языком, в общем, быстро. Он непростой, но очень логичный, и, что самое главное, почти четверть слов, как оказалось, родственна нашим. Смотрите, на первой же вот странице... Вот эти две буквы читаются как «эс» и «тэ». Это слово, — старик тронул пальцем бумагу, — почти точно значит «постояй» по-нашему, что в данном случае значит «стояние, пребывание». Это, — он бережно перевернул страницу, — «стойбище», что в данном случае обозначает военный лагерь.

— Понятно, — кивнул Эммерисс. — Эти согласные, как бы устойчивые, сохранились, а всякие гласные, всякие там окончания за полторы тысячи лет изменились.

— Или исчезли совсем. Так вот с небольшим словарем, который был в книге славного Меттенгеййе,

и используя закон устойчивости согласных, я разобрался со значением слов достаточно быстро. Тем более книга написана очень ясно, четко и однозначно, и если слова ты точно не знаешь, то часто можешь понять, что оно значит, по обстоятельствам. И я, — старик повернулся к мешку и вытащил пухлый свиток, — составил словарь. Здесь несколько тысяч слов, — старик положил свиток на стол, развернул, сцепил скрепкой, чтобы не заворачивался.

— И сколько ты его составлял? — спросил Миллет, во все глаза разглядывая книгу и свиток.

— Шесть лет. Составил бы и быстрее — было много другой работы... А вот теперь смотри, какой есть интересный кусок про Битву в Гранитном проливе, — старик бережно перелистал книгу и раскрыл на нужной странице. — В конце есть карта, можете потом посмотреть... То, что я сейчас прочитаю, мой господин, думаю, неизвестно даже тебе. Итак... Перевожу. «В конце пятого месяца к нам явились суда наших северо-восточных союзников. Как я писал раньше, союз мы заключили прошлой весной, и теперь, в самое напряженное время, ждали помощи как договорились. Суда пришли в количестве сорока, имея по две сотни воинов на борту каждое. Помощь в том положении, в котором мы оказались, была очень значительной. Во главе островного войска стоял Эммерисс Хрустальное Сердце — правитель Пятого острова этого дикого северного архипелага, на который еще в начале войны бежали многие сотни наших. Человек кристальнейшей мысли и чистейшего сердца, он погиб в самый последний час битвы, и тем горше была наша утрата, что в битве мы, во многом благодаря ему, победили».

Старик мягко захлопнул книгу и оглядел мальчиков.

— Я так надеялся, — сказал Эммерисс наконец. — До самой последней минуты...

— Мне непонятно, мой господин, откуда вообще взялась эта легенда. Прозвищем, которым наградили правителя, потом называли какой-то меч. Которого совсем и не было.

— «Тем горше была наша утрата», — повторил Миллет. — Он ведь погиб!.. А война не закончилась!..

— Так вот что это была за война, на самом-то деле? — проговорил задумчиво Эммерисс. — В легенде — война с зелеными.

— Никаких зеленых тогда еще не было. Полторы тысячи лет назад на западных берегах не было ни одного города. В общем, — старик завернул книгу в материю, — держи.

Он пододвинул книгу и свиток-словарь к Эммериссу.

— Ты мне...

— Нет, не дарю, — старик улыбнулся. — Весной я иду обратно — пойду через ваш остров. За это время все перепишешь и начнешь учить древний язык. Здесь, — он тронул свиток, — выписка из Меттенгейе. Все, что надо. Ну, а насчет легенды, я думаю, — он оглядел мальчиков, — что-нибудь да придумаете. Или уже придумали.

— Да, — сказал Миллет, поднимаясь из-за стола. — Нам сейчас к оружейнику. Полдень, — он посмотрел в окно, в яркий свет яркого дня.

— Так что ждем твоих двадцати тысяч, мой господин, — сказал старик, поднимаясь за мальчиками. — Я думаю, сам привезу не меньше... И мы наберем немало, я в этом уверен. Пять дней назад имели обстоятельный разговор с твоим дядей... Столица, думаю,

что-нибудь таки даст. А с такой силой можно уже и подраться. Тем более, — старик опять усмехнулся, — если у тебя — хрустальное сердце.

* * *

— Хрустального сердца я тебе достать, конечно же, не сумел, — сказал оружейник, подводя мальчиков к большому столу темного дуба, ножки которого светились в полумраке подвала серебряной ковкой. — Но посмотри — думаю, это тебе пригодится.

На столе на темно-багровом сукне лежал меч. Меч был старый, металл тускло мерцал в рассеянном свете узких окон под потолком — на улице окна были вровень с каменным полом двора. Оружейник зажег свечильник, поставил на стол. В теплом свете свечей меч загорелся густыми маслянистыми искрами.

— Обрати внимание на оттенок, — он взял меч и вручил его Эммериссу. — Видишь, металл как будто покрыт темной пленкой? Это особенность, по которой наши мечи было видно на поле боя издалека, и многие, увидев в руках соперника северный меч, отказывались от драки.

— Да, я читал! — воскликнул Эммерисс с воодушевлением. — Необыкновенная вещь! — он прижался щекой к искристой лезвию. — Хочется просто повесить его у камина и время от времени доставать, чтобы просто вот так — подержать, потрогать, погладить... А вовсе не сносить кому-нибудь голову. Знаешь, он как будто живой!

— В нем немалая доля всего нашего мастерства и, конечно же, нашего сердца, — кивнул оружейник. — Только не забывай, что это — оружие.

— Надо же, — мотнул головой Миллет, — такая у тебя тут штука, а ты ни разу не показал!

— Ты сам видел, сколько у меня тут всего? Не пришлось, пока вы не явились тут со своим Сердцем.

— Я так понимаю, ему лет четыреста? — Эммерисс оглядывал инкрустацию рукояти. — У нас есть кинжал с такими топазами. Отец говорил, что ему четыреста лет, или что-то вроде того, и что с тех пор такие камни перевелись.

— Ты, наверно, не знаешь, но эти камни везли из Заморья. Когда появились зеленые, в Заморье ходить перестали, вот камни и перевелись. В наших горах много топазов, но наши, наверно, ты видел, а этот, смотри, почти фиолетовый.

— Да, в наших краях очень редкий, — кивнул Миллет, любуясь тяжелыми искрами на огранке. — Я про такие читал, да и Гитгах все уши мне прозвенел.

— Старик разбирался в камнях что надо, — кивнул оружейник.

— Как замечательно переливается на такой полировке, — сказал Эммерисс. — Ему, как видно, пришлось посражаться? — он провел пальцами по светловатым зазубринам.

— Да. Этот меч был откован моим прапрапра, сколько там, дедушкой четыреста сорок три года назад для тогдашнего правителя Западного побережья. Ты, может быть, знаешь, что Жемчужное побережье объединилось только эти четыреста сорок три года назад? До этого здесь было пять небольших государств, которые часто ссорились между собой.

— Когда общих врагов не было, — Эммерисс невесело усмехнулся.

— Именно так... Тогда мы работали там — это четыре замка на запад. Еще через сто лет, когда на западе стало совсем уже плохо, мы перебрались сюда, а тогда... В общем, через несколько лет после того, как

мой прапрапра, сколько там, дедушка умер, случилась Битва на перевале.

— Знаю, про нее много и пишут, и говорят — до сих пор, — Эммерисс аккуратно уложил меч на сукно. — Одно из сражений, с которыми всегда что-то сравнивают.

— Да, в этой битве было затуплено много отважных мечей. Но, увы, всё напрасно. Запад мы потеряли, а затем и почти весь полуостров, — оружейник обернул меч сукном. — И потеряли много оружия. Зеленые захватили Бирюзовую молнию — слышал, конечно? Но этот, — он тронул темно-багровую ткань, — наши тогда унесли. Отмыли от крови, от грязи и слез, и спрятали — здесь. В нем слишком горькая память — для нас. С этим мечом в руке погиб последний правитель Западного побережья... А род мой жил и трудился с ними тысячу лет — может быть, больше. Как минимум с тех самых пор, когда люди с юга впервые ступили на полуостров.

— Может быть, с тех самых пор, когда случилась Битва в Гранитном проливе? — задумался Миллет, не отрывая глаз от сукна, скрывавшего темную сталь.

— Если она на самом деле была, — кивнул оружейник, — то именно так... Но тебе, — он посмотрел в глаза Эммериссу, — тебе этот меч как раз пригодится. Может быть, как раз он дожидался тебя четыре столетия. Поверь чувству мастера.

— Это бесценный подарок, — сказал Эммерисс тихо, погладив лезвие под сукном. — И, главное, своевременный... И, самое главное, — как этот меч зовут?

— Хрустальное сердце, — сказал оружейник, улыбнулся и задул свечи светильника.

* * *

— Когда я был маленький, мы прибегали сюда два раза в неделю, — Миллет опустил флягу в искристую воду и смотрел, как пузырьки воздуха выскакивают из горлышка и, толкаясь, устремляются вверх. — Этот родник течет с тех времен, когда и старого Гоххата не было. Ты, может быть, знаешь, что здесь жили северные дикари, — еще до того, как предки Миллетов пришли сюда с юга. Вон там, — Миллет указал на восток, куда, растворяясь в мерцающей дымке, катился спокойный ручей, медно-серебряный в свете закатного неба, — дальше в лощине, за поворотом, остались какие-то камни. Пойдем назад той дорогой — посмотрим. Уже совсем непонятные — то ли алтарь, то ли небесные меты. Гиттах сказал, что, вполне вероятно, это были древние кузни. Я сам тоже так думаю — очень похоже на развалины печки. Держи, — Миллет достал из воды полную флягу, завинтил и протянул Эммериссу. — Когда я был маленький, мы бегали сюда за водой — из этого родника пили жители Гоххата, — Миллет махнул на запад, где под мягкой медью заката за перевалом спал древний город.

— Еще бы, — Эммерисс присел и отпил горсть прохладной воды. — Ведь это родник, из которого древние черпали силу и мудрость.

— Древних нет, а сила и мудрость осталась, — сказал Миллет, присел, набрал горсть и умылся. — Сейчас-то понятно, и даже немного смешно — только в воде, пусть даже волшебной, силы и мудрости не наберешь. А тогда нам казалось, что если у кого-то что-то не получилось — значит, выпил мало воды... А сейчас мы всегда набираем воды из этого родника, когда отправляемся в путь.

— Родники — сами по себе волшебные, — Эммерисс отпивал из горсти маленькими глотками,

зажмурились. — У нас на Острове родников целая тысяча — кстати, ты нигде не читал про то, что остров наш так и звали — Остров тысячи родников?.. Каждый — волшебный по-своему. Под вулканом, с северной стороны, родники такие железистые — пить невозможно, просто зубы ломает. Зато так заживляет раны — не представляешь. И стоит очень долго, не портится — год простоит, и вода все такая же чистая, свежая — хотя, знаешь, чуть-чуть мутноватая. Боюсь, летом пойдет нарасхват... А родник маленький — надо будет сделать запас... Ладно, не будем. От войны не уйти, а такого вечера больше никогда не будет, — Эммерисс поднялся, оглядел камень склонов лощины, медно-голубоватый под бархатом закатного неба.

— Да, — кивнул Миллет, — именно такого не будет уже никогда.

Мальчики постояли еще немного, вдыхая сладкий дымчатый воздух, и зашагали тропой вдоль тихо журчащей ленты потока — слева вода, справа отлогий подъем, над ним легкие острые камни. Впереди лощина неспешно спускалась вниз и дальше плавно уходила на юг, к невидному здесь и неслышному морю. Мальчики миновали врытую в склон площадку, на которой сохранилась каменная стена, подпиравшая массу склона, и под ней — две разрушенные скамейки. Обернулись на прощание к роднику, спящему под скалой, под светлой медью заката, разлитого над темными зубьями перевала, потом отвернулись — и заторопились в город.

* * *

Утро было звонкое, тихое и прозрачное. Над острым утесом, южнее поросших мощными соснами склонов горы, зависло бледное солнце. Бело-золотой

опал восхода растекся по беспокойному морю, очертив плавную линию берега, над которым просыпáлся город. Ветер здесь наверху был сильным, трепал волосы, бил холодной рукой по лицу, но внизу паруса у кораблей висели недвижимо, флаги чуть колыхались.

— «Красный дракон», — Миллет вытянул руку. — С самого юго-востока. Оттуда никого не было уже два года.

— У нас тоже, — кивнул Эммерисс, оглядывая беспокойный простор холодного моря. — На запад и север вообще перестали ходить. Как бы мне не застрять на полгода.

— Тебе главное — добраться до Третьего. Если трактирщик сказал, что до Третьего доберешься, значит, оно так и будет.

— Надеюсь, — Эммерисс засмеялся. — На кого сейчас остается рассчитывать?

— Этот трактир построили вместе с городом, и все это время им владеет одна семья... Мне иногда кажется, что он знает больше, чем написано во всех моих книгах. Вон смотри — Четыре звезды!

Мальчики заторопились по лестнице. Внизу ветер ослаб, было намного теплее; вода не казалась такой льдисто-холодной, небо — твердым и колким. На пристанях было спокойно и сонно. Мальчики направились к кораблю, над которым на сочно-сапфировом полотне флага сияли четыре звезды. У трапа стояли двое — один в одежде купца, другой — капитан.

— Когда ты выходишь? — спросил Миллет у капитана, когда они поздоровались.

— Как раз собираюсь, — капитан оглядел мальчиков, задержав взгляд на рукояти меча, которая рисовалась под темно-багровым сукном за спиной Эммерисса. — Тебе нужны хорошие ножны.

— Меч старый, — сказал Миллет. — Таких длинных давно не куют, надо заказывать.

— Вижу, — кивнул капитан. — А ты умеешь сражаться таким мечом? Он, никак, на локоть длиннее наших.

— Раньше люди были сильнее и выше, — купец тоже оглядывал рукоять. — Если вы с нами, придем — покажу тебе хорошего мастера, прямо над пристанью. Сделает твоему мечу ножны что надо.

— Он с вами, — Миллет тронул Эммерисса за плечо. — Это Эммерисс, правитель Пятого острова. Приезжал по делам, теперь вот домой.

— Правитель? — купец с капитаном переглянулись. — Так что же...

— Да, отца больше нет, — кивнул Эммерисс. — Весной ходили на Острова, вроде бы договорились... В общем, назад не вернулся.

— Да, Эммериссам придется несладко, — сказал капитан. — Мало того — первые со стороны зеленых, еще эти вечно кипящие Острова под боком. А людей у тебя сколько? Тысяч пять, на которых можно рассчитывать?

— Нет, сегодня гораздо больше. Тысяч двадцать теперь наберу.

— Вот как? — купец покачал головой. — Ты думаешь, еще не все удрали на юго-восток? Последний год что ни корабль с запада — тот битком.

— Знаешь, что это за меч? — спросил Миллет. — Это — Хрустальное сердце.

— Вот как!.. Это правда? Значит, Хрустальное сердце — не сказка?

— Можешь представить.

Купец с капитаном некоторое время молчали.

— И долго вы его там искали? — купец посмотрел

на скалу над западным берегом бухты, где за утесом скрывались развалины. — Сколько он там лежал?..

— У нас про него тоже ходят легенды, — сказал капитан с интересом. — Якобы в нем заключается храбрость и сила. Якобы если его найти, то войско, водитель которого будет иметь в руке этот меч, станет непобедимым.

— Все это написано в древних книгах, — кивнул Миллет. — И об этом, наверно, знают на всем Архипелаге. Так что теперь, — сказал он купцу, — можешь всем, кто с тех кораблей, говорить, что Хрустальное сердце нашли.

— Так, значит, лежал тысячу лет... Сколько его искали? Ведь ехали к вам со всего Моря, чтобы найти Хрустальное сердце!

— Ну, во-первых, владетель Сердца — род Эммерисс, — сказал Миллет. — Они отковали его, чтобы защищать свою землю от нашествия с запада. Случилось то, о чем давно было везде написано. Меч вернулся к владельцу, когда наступил решающий час.

— Поэтому я приехал и сразу его нашел, — сказал Эммерисс. — Долго искать не пришлось... Я знал, что его найду, и верили все, кто меня провожал. Теперь за мной пойдут все до единого.

— Хрустальное сердце... — сказал купец, покачав головой. — Теперь за тобой пойдет весь наш Архипелаг. Можешь не сомневаться!

— Да, это превосходная новость, — капитан положил руку Эммериссу на плечо. — Ну, прощайтесь! Отходим.

— А что во-вторых? — купец обернулся к Миллету. — Ты ведь что-то хотел сказать?

— Во-вторых, — сказал Миллет, — у каждого оно свое — хрустальное сердце. Ему пришлось приехать за

своим к нам на север. А твое, скорее всего, где-нибудь в другом месте.

— Может быть, — сказал Эммерисс, — не надо никуда и ехать.

Тогда мальчики обнялись на прощанье. Эммерисс заспешил по трапу на палубу, Миллет — в город, по лестнице, ведущей к вершине горы.

* * *

Гроза из-за гор

С востока шли тяжелые тучи. Иногда ветер рвал толщу — тогда в просветах мелькала синева неба, падал загадочно свет, растекался по холодному изумруду леса жемчужным мерцанием. Ветер снова стал кивал тучи — огромные, мрачно-серые, снизу почти фиолетовые, — взъерошивал листья, вздымал волны с серебристой изнанкой. Листья рвались, ветер хватал их, уносил вместе с пылью. Он нес ее издалека, с востока — оттуда, где горные склоны круглый год калятся злым солнцем, изредка орошаясь грозой, которая перебирается из-за гор, с Океана.

Никто Океана не видел, никто не знал, что он такое. Но, может быть, это им пахнут ветры, дующие с востока летом и ранней осенью? Может быть, слегка опьяняющий запах и есть аромат Океана — терпкий, солоноватый, свежий не по-степному? Ведь Океан — он огромный, бескрайний! Не может его аромат иссякнуть, пусть даже приходится ему перебираться с грозой через мрачные горы.

Так думал Эйссэ каждый раз, когда восточный ветер обрушивался на перелески, разбросанные по степи. Мальчик прибежал на опушку, где прозрачный лес расступался и с обрыва открывался простор до восточного горизонта. Прибежал посмотреть на загадочную равнину, подышать воздухом, волнующим и чужим.

Лес внизу расстилался, растворялся в неизвестной дали. Там был другой мир. И там никто не бывал — все жили здесь, наверху, в ветреной степи предгорий, и здесь родился и жил Эйсэ.

Лес внизу был густым, совсем не таким, как здесь. Там было совсем по-другому, совсем не так, как здесь, — на холмах, в просторной, жаркой, залитой солнцем степи. Даже в яркий солнечный день там властвовал мрак — холодный, глубокий, таинственный. Сюда, к обрыву, не приходили. И сам Эйсэ боялся, прибегая сюда. А чтобы спуститься — с родного, до каждой травинки знакомого плоскогорья — о таком Эйсэ только мечтал, в сладком ужасе.

Как было бы здорово — жутко, но здорово! — собравшись с духом, в яркий солнечный день спуститься с обрыва и пробежаться по темной густой траве! И заглянуть-таки в лес, в котором обязательно должны водиться странные существа — странные, необыкновенные, удивительные. Только собраться с духом, только подкрасться к самому краешку, только чуть-чуть заглянуть в сумрак...

Эйсэ стоял на краю и смотрел с высоты на равнину. Смотрел, как ветер обнажает изнанку листы и волны серебристого изумруда бороздят тягучее море. Вот ветер раздвинул тяжелые пенные гряды, между ними пролилась травяная река — дорога, по которой только бежать без оглядки. Вокруг в полумраке едва проступают стволы, за стволами уже ничего не видно... И страшно, и жутковато... А бежать еще и бежать — дорога-река не кончается, ноги уносят в даль, а что там в дали, на востоке... Не добежишь — не узнаешь.

— Когда-нибудь я туда убегу, — думал вслух Эйсэ. — Когда-нибудь.

Ветер размазал цвета в пятнистое месиво. Надвигалась полоса черной грозы. Эйссэ кинулся прочь от восточного склона. Пробежал десяток шагов, обернулся — таинственный лес под горизонтом, в мареве мрачных туч.

— А ведь мир там совсем не кончается! — решил вдруг Эйссэ долго терзавшую мысль.

Небесный покров лопнул — его разорвал ветер, в прореху ринулись лучи солнца. С неба ударил в зеленое море свет. Эйссэ помедлил, оглядывая картину — тучи, тучи, тучи, серые, угрюмо-сиреневые, фиолетовые — посередине режет мрак полоса солнца.

Эйссэ повернулся, помчался домой — по негустому светлomu перелеску, в котором знал каждый кустик, каждую кочку, каждый хрустнувший под ногой сучок. Трава, невысокая и упругая, хлестала по щиколоткам. Эйссэ мчался и смотрел вверх, в тяжелое небо в прозрачных ветвях. На лицо упали первые капли.

Но Эйссэ успел добежать до своего места. Промчавшись под негустой листвой, он прибежал к оврагу, скатился по склону, упал в траву, которая уютно кустилась здесь на берегу озерца. Раскатился далекий гром. Запахло землей, холодной мокрой травой. Закапало все сильнее, обрушился ливень.

Струи свинцовой завесой скрыли кромку обрыва. Эйссэ сидел на краю озерца, которое, пенясь, выростало здесь в океан. Ливень бил тяжело, даже больно. Но Эйссэ был счастлив и рад. Как замечательно, что тучи приносят дождь с Океана, из такой невероятной дали! Даже через горы перебрались! Эйссэ слизывал воду с губ, но она была пресной, чистойшей, хрустально-вкусной... А ведь вода в Океане, как говорил дед, соленая! Как же так получается?

На землю низвергался потоп, от которого гнулись

деревья и степь замерла. Эйсэ сидел под обрывом, на берегу маленького кипящего океана, и был счастлив как никогда. Гроза бушевала недолго. Она скоро ушла, забрав с собой тучи, оставив сверкающий дождь — свежий, легкий, прохладный.

Мальчик, скользя и хватаясь за стебли, выбрался из оврага под светлое небо. Оглядел умытую степь, приземистые деревца, последние облака, расплывшиеся по сторонам. Пора домой — дед, конечно, уже беспокоится. Но что-то мешало Эйсэ проститься с окраинным лесом так, как обычно. Похоже, гроза все-таки прошла волшебная. Эйсэ ясно чувствовал совершенно новое настроение в обычной степи. Точно! Гроза будто смыла то, что мешало раньше увидеть, понять, прочувствовать — там, внизу, за тем жутким лесом, мир совсем не заканчивается. Наоборот, начинается — для него.

— Все-таки я туда убегу! — окончательно решил мальчик.

Он вдохнул полной грудью, побежал по мокрой траве, грязный и радостный.

* * *

Вечер пришел холодный, как будто осень заглянула до срока — проверить, все ли в порядке. Стемнело. Костер грел и светил, кидая красные блики. Дед тихо рассказывал.

— А еще говорят, что Светлый летал на своем Драконе тысячу лет, потом решил, что мир стал ему тесен и нужно теперь пролететь Океан. До тех пор никто никогда не пролетал Океан. Но Светлый тысячу лет терпел, терпел, терпел и не вытерпел. Сел на Дракона и полетел.

— Тысячу лет? — переспросил шепотом Эйсэ.

— Так говорят. Светлый полетел на Драконе туда, где просыпается и забирается в небо солнце. В первых, я думаю, он хотел посмотреть, как оно просыпается и забирается.

— А что, отсюда видно не так? Разве оно как-то не так просыпается? Если смотреть с разных сторон?

— Вот он и решил посмотреть. Он ведь даже не спал по ночам — так эта мысль его мучила, — ответил задумчиво дед. — Во-вторых, я уверен, он хотел выяснить, где же все-таки находится грань.

— Грань мира? — спросил в ужасе Эйсэ.

— Грань мира, — дед покивал. — В общем, Светлый сел на Дракона и полетел на восток. И это все, что известно. Потому что он не вернулся.

— А что говорят? — спросил Эйсэ, ерзая от жути и любопытства.

— Всякое, — дед посмотрел в огонь. — Одни говорят, что Светлый нашел за Океаном еще один мир, лучше и красивее нашего, и остался в нем жить. Другие — что по дороге над Океаном, уже почти там, где просыпается солнце, на Светлого напали серые существа.

— Серые существа! — прошептал Эйсэ в ужасе. — А кто, кто они такие? Откуда взялись?

— Говорят, серые существа живут на хребте, который вздымается из глубин посреди Океана. То ли они охраняют грань, чтобы никто не смог до нее добраться, то ли мир с другой стороны, то ли вообще само солнце. Точно никто не знает.

— А грань — это чтобы она не испортилась?

— Возможно, — дед покивал снова. — Но как бы то ни было, Дракон под Светлым упал в Океан, и Светлый погиб.

— А Дракон? — заволновался Эйсэ. — Дракон

тоже погиб? Этого не может быть! Драконы ведь не погибают, если их не убить!

— Говорят — так, — сказал дед. — Просто так драконы не погибают. Их можно убить, но только заклятьем. А такого заклятья, говорят, не знает никто. Но Дракон не погиб. Нет конечно. Он превратился в подводный огонь. Там, далеко, за всеми горами, за берегами, в самой глуби Океана... И от огня теперь исходят теплые воды. Они греют восточные берега и несут теплые грозы.

— И эта гроза, сегодня, тоже пришла с теми водами? От огня, в который превратился Дракон? Видел, какая она была теплая!

— Скорее всего, — дед поворошил палкой угли в костре.

* * *

Эйссэ глубоко задумался. С неба смотрели звезды, мерцали и перемигивались. Небо было бездонное, и Эйссэ никогда не верилось, что звезды просто висят. На чем они могут висеть? Нет, они как-то плывут, и так далеко, что до них никогда не достать, не долететь даже на Драконе Светлого.

На чем они могут висеть? На грани? Не может быть там никакой грани! Странно, почему Светлый не подумал об этом? Ведь видел же он, какое бездонное это небо? Эйссэ смотрел в черную бездну, и чистые огоньки мигали ему из неведомой глубины. Нет у мира никакой грани. Нет и не может быть.

По небу сбегали прозрачные звуки, звезды тихо светились. Мальчик смотрел и смотрел, и вот ему стало казаться, будто он сам сидит перевернутый вверх ногами над небом — как будто над черным котлом, в котором рассыпались звездные льдинки.

Стало вдруг так, как будто в мире есть только черный котел со звездами, только влажный медвяный запах травы, только костер в прохладной темноте степи. И если встать и пробежаться к обрыву, не будет там никакой равнины, не будет даже жуткого леса, а только звезды — впереди, вверху и внизу, под ногами. И они теперь будут так близко, что можно будет вытянуть руку и их потрогать. А они будут моргать и лить свет на руки и на лицо.

Конечно! Если у мира есть грань, то она — вовсе не то, о чем привыкли судачить. Грань — это грань. Она отграничивает — мир от другого. То есть за нею есть мир, другой — но тоже весь мир, со всем, что в мире бывает. Конечно, где-то мир кончиться должен, понятно. Но там сразу начнется другой! Совсем ничего быть там не может! И Светлый, наверно, так думал тоже!

Но как же добраться до грани? Такая страшная даль.

Конечно, Дракон!

* * *

Как все всегда просто. Нужно найти Дракона и на нем полететь.

Эйссэ взгляделся в костер и увидел его — Дракона. И это был никакой не костер, а кусок настоящего пламени, которое развеял над миром Дракон, чтобы можно было в него посмотреть — и увидеть.

То смутное, что иногда проникало сквозь пыльные будни, — очертания, которые вдруг загорались невысказанно яркой картиной, — теперь стали кристально ясными и понятными. И странное дело — вот, оказывается, чем могут быть ощущения-полутени — той самой правдой. Нужно только настроиться — так, чтобы

увидеть Дракона. Нужно видеть и слышать только самое главное. Только волшебный свет, только волшебные звуки, которые льются в сердце со звезд. И нужно не просто смотреть, а видеть, не просто слушать, а слышать.

И они скажут всё. Где мой Дракон, как мне его разыскать, куда нужно бежать, что надо делать. Только выкинуть из головы этот звон, пустое сверкание — чтобы звуки и звезды, наконец, рассказали, где мой Дракон.

Вот только теперь, только теперь Эйссэ понял, что его так сладко терзало всю эту жизнь.

Нет, гроза на самом деле была волшебная.

Как он жил без Дракона?

Как одиноко бродил по степи, смотрел с обрыва на таинственный лес внизу? Забирался в свое тайное место и думал — один, один-одинешенек? И не было рядом огромного, необыкновенного, мрачно мерцающего броней Дракона? И Дракон не лежал в стороне, положив голову рядом, поглядывая на Эйссэ мудрым золотым зрачком?

Как выбирался ночами в дальнюю степь один, один-одинешенек? Не садился на лапу Дракону, тихо беседуя с ним? О том, почему звезды мерцают, почему воздух ночью так здорово пахнет свежей травой, почему во время дождя небо пронзается звонкой радугой? Не бродил задумчиво вдоль Дракона — длинного, огромного, бесконечного — а тот смотрит на Эйссэ таким же задумчивым глазом?

Нет, все, пора. Эйссэ пойдет на восток и разыщет своего Дракона. И они будут сидеть ночами в степи, или на лесной опушке, или на горной вершине, или на берегу холодного моря — как получится, куда занесет. И будут тихо беседовать обо всем, что видели

и что, быть может, увидят. А потом Эйссэ уснет на драконьей лапе, а потом, уже утром, взберется Дракону на спину — и они полетят. Они будут летать и осматривать сверху мир — степь и леса, реки и горы, моря, берега, Океан.

И они слетают посмотреть эту грань. Посмотрят, какая она и какой там за ней новый мир.

А серые существа, хранящие грань? Ну и что! Никогда никаким существам не потягаться с его, Эйссэ, Драконом! Они будут лететь над Океаном, и солнце будет сиять в бездонном безоблачном небе, раскалываясь о воду бесчисленными искрами. И никакие серые существа не выдержат такого полета, такого ясного солнца, такого чистого свежего синего неба. А если появятся вдруг — Дракон мигом спалит их ярким огнем!

И они будут лететь над Океаном, и Эйссэ будет сидеть на драконьей спине и крепко держаться, чтобы не снес в бездну ветер. И Дракон будет бить мощными крыльями, разрывая простор как черная молния, сверкающая в сиянии солнца, слепящая глаз. А внизу будет светиться солнцем и небом вода. И так они будут лететь, и в мире не останется ничего — кроме бездонной синевы неба, белого золота солнца, жгучей свежести ветра. И только черные крылья Дракона будут бить воздух.

«И это ведь только мой Дракон! — думал Эйссэ, замирая от счастья. — Только мой. Он нужен мне, а ему нужен я... А что, если он без меня не может летать?! — Эйссэ ужаснулся, представляя такое. — Может быть, он лежит сейчас там, далеко, у своей одинокой пещеры! Ждет, скушает, грустит, а я не иду. Как же так! — Эйссэ вскочил и с волнением огляделся во тьму. — О чем же я раньше думал? Мой бедный Дракон лежит там

сейчас, один, в пустоте, а я никак не проснусь! А сам он, один, только и может сползть напиться воды?»

* * *

Эйссэ ринулся в темноту. Трава, мокрая и холодная от росы, хлестала по щиколоткам. Вот прозрачные призраки маленького леска. Эйссэ промчался между стволами и вылетел на опушку.

Звезды гасли. Небо на востоке синело, молочно-багровая полоса растеклась над чертой горизонта. Розовато-голубая звезда пронзительно жглась в высоте над разгорающимся восходом. Внизу, в жутком лесу, просыпались таинственные существа — шорох, шелест, треск сучьев под неведомой лапой.

Появился кусочек солнца. Розовые лучи скользнули по миру, позолотив травинки и листья. Снизу, из-под обрыва, поднимался обжигающе-терпкий запах рассветного леса.

Эйссэ напоследок оглядел свою степь. Обернулся к лесу, вдохнул полную грудь жгучего восточного воздуха. И стал спускаться с обрыва — чтобы пройти через лес и выйти в долину, которая поведет туда, где в горах, у своей одинокой пещеры, терпеливо оглядывая весь мир, ждет мальчика черный Дракон.

* * *

СОВСЕМ НЕ ТАК, КАК ЛЕТОМ

5

КУРСОВАЯ РАБОТА

22

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

56

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

112

ГРОЗА ИЗ-ЗА ГОР

165

СЕВЕР Г. М.

Повести и рассказы

© Север Г. М., 2004—2010

© Кругликова А. О., 2016

© Aeterna Publishing, 2016

© Lulu Press, 2016

Aeterna Publishing
260 Adelaide St., 44
Toronto Ontario
M5A 1N1 Canada